

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 014 099 568

О

ДРЕВНЕ - РУССКИХЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ

И. П. ХРУЩОВА

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

2. -

A. 8844 = 1. -

Многоуважаемому князю Михаилу Сергеевичу
Трубецкому

исключенное приложение к журналу
1892 г. № 14.

0

**ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ**

И

СКАЗАНІЯХЪ.

XI—XII СТОЛѢТІЕ.

И. П. Хрущова

Министры Русской словесности

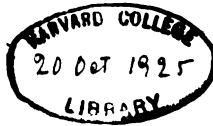
КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1878.

27232.126

✓

Минот ф.

Печатано по одредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.

Исторія литературы Русской не может обойти молчаніемъ нашихъ лѣтописей и стоящихъ въ тѣсной связи съ ними повѣстей и сказаній. Исслѣдованія о происхожденіи, достовѣрности и составѣ лѣтописей создали цѣлую науку, представителями которой стали преимущественно ученые, занимающіеся отечественною исторіею.

А между тѣмъ особаго историко-литературнаго труда о такомъ богатомъ отдѣлѣ древней литературы нашей, каковъ отдѣлъ отечественной исторіи, у насъ еще не было. Образцовый трудъ М. И. Сухомлинова не имѣлъ продолжателей ¹⁾.

Сознавая такой пробѣлъ, авторъ предлагаемой книги поставилъ своею задачею изслѣдовать и обзрѣть истори-

¹⁾ „О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ“.

ческія повѣсти и сказанія, въ ихъ взаимной связи, отъ самыхъ первыхъ временъ до начала XV столѣтія.

Погодная запись, сказаніе, памятная записка, повѣсть, хроника и наконецъ умильная повѣсть и хвалебное слово— вотъ виды древней повѣствовательной прозы, которые авторъ старался распознать, опредѣлить и обозрѣть.

Сказанія и повѣсти оказываются преобладающими видами нашей исторической литературы.

Сказанія, проникнутыя искреннею наблюдательностью и смиреніемъ, сообщили нашей древней письменности, тотъ охранительный характеръ, благодаря которому уцѣлѣли неприкосновенно и въ позднѣйшей перепискѣ наиболѣе древніе памятники. И составитель „лѣтописца“ подобно автору простодушнаго сказанія сторонился отъ премудраго искусства писать повѣсти:

Како могу пополнити, его же не видѣвъ предъ собою лежаща? Не имамъ-бо многы памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы²⁾?

Такимъ образомъ повѣсти, украшенныя „премудрыми словесы“ представлялись древнему книжнику нашему высшею формою повѣствовательнаго творчества.

---

²⁾ XV т. П. С. Р. Л. стр. 142.

Борьба съ язычествомъ, борьба съ врагами отечества, торжество правды и добродѣтели надъ кривдою и злодѣяніемъ—вотъ что было источникомъ и силою, воодушевлявшею авторовъ повѣстей. Повѣсти XI—XII вѣка творчески возсоздали отдаленное прошедшее, произнесли оудъ надъ современностью и будущимъ временамъ заповѣдали свои основныя воззрѣнія. Въ силу этихъ воззрѣній Русской народъ не призналъ себя побѣжденнымъ отъ Татаръ и, принявъ казнь отъ руки Божіей, нашель новые идеалы въ лицѣ мучениковъ за вѣру отцовъ. Несмотря на великую разницу въ формѣ и содержаніи, повѣсти имѣють сродство съ былинами: та же вѣра въ Свято-русскую землю и въ силу таинственную „нездѣшную“ изливающуюся на Русскаго богатыря тамъ—посредствомъ дыханія Святогора, или дивнаго питья старцевъ-каликъ, здѣсь—посредствомъ благословенія Божія и помощи св. ангеловъ.

Руководимый трудами славныхъ изслѣдователей о лѣтописяхъ, авторъ шель по торному пути, но гдѣ считаль нужнымъ, присоединяль къ добытымъ истинамъ свои замѣчанія и изслѣдованія.

Обобщая ученые выводы, пересказывая содержаніе обзорѣваемыхъ памятниковъ, авторъ по неволѣ впадалъ

въ нѣкоторую неровность въ изложеніи. Специалистъ отличить строго научное отъ легко изложеннаго и быть можетъ признаеть неизбѣжность послѣдняго въ трудѣ обзорномъ и цѣльномъ.

Нынѣ предлагая вниманію читателя первую половину своего труда, авторъ доходитъ въ ней только до XIII столѣтія.

Во второй части найдетъ мѣсто разборъ новыхъ литературныхъ явленій, появившихся въ Галицкой землѣ съ началомъ XIII вѣка. Послѣ Галицкой хроники будутъ разсмотрѣны сказанія о Татарахъ и хвалебныя повѣсти до памятниковъ, прославившихъ Куликовскую битву, включительно ³⁾.

Кіевъ,
12 Сентября 1878 г.

---

³⁾ Опытъ изслѣдованія и опредѣленія памятниковъ, прославившихъ Куликовскую битву былъ читанъ авторомъ на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и напечатанъ въ Трудахъ этого съѣзда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

	Стран.
Виды историческаго повѣствованія въ лѣтописяхъ: погодная запись, лѣтописный разсказъ, сказаніе и повѣсть . . .	1.
Монастырскія сказанія XI столѣтія: сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Θεодосія	11.
Сказаніе о волхвахъ	23.
О находженіи Половцевъ	25.
Сказаніе о князѣ Василькѣ Теробовльскомъ	30.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Двѣ повѣсти о Бористѣ и Глѣбѣ.

а) Повѣсть Іакова Мниха	41.
б) Повѣсть Нестора	59.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Повѣсти о св. Владиміртѣ:

Хвалебная повѣсть Іакова Мниха	68.
--	-----

Житіе, или испытаніе	74.
Другія повѣствованія, какъ церковнаго, такъ и дружиннаго характера и ихъ размѣщеніе въ Повѣсти временныхъ лѣтъ	77.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ современной наукѣ нашей	94.
Духъ и вѣтры Нестора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣсти	98.
Составитель	101.
Разказы о временахъ до-Владиміровыхъ: о Кіи, Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ	105.
Ольга и Древляне въ трехъ повѣствованіяхъ и повѣсть о кончинѣ Ольги	109.
Переяславская повѣсть	116.
Повѣсть объ усобицѣ дѣтей Святослава	117.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сказанія XII вѣка—характера церковнаго:

Сказанія Кіевской лѣтописи до 1140 г.	121.
Проложныя сказанія: объ освященіи церкви Св. Георгія	125.
О перенесеніи мощей Бориса и Глѣба	127.
О Новгородскомъ Знаменіи	129.
Сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы	132.
О убіеніи Андрея Боголюбскаго	138.
Сказаніе о призваніи Владимірцами Михалка и литературныя приемы Суздальскаго повѣствованія вообще	143.

Сказаніе о построеніи стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ	150.
--	------

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сказанія XII вѣка—свѣтскаго характера.

Памятныя записки о кончинѣ князей	152.
Завѣщанія князей: „Духовная“ Мономаха со стороны повѣствовательной	154.
Княжескія памяти въ Киево-Выдубицкомъ сводѣ:	
Сказаніе о сверженіи Игоря	159.
Памяти о Святославѣ Ольговичѣ	162.
Сказаніе объ убіеніи Игоря	164.
Памяти объ Изяславѣ Мстиславичѣ	167.
Киевскія повѣствованія того-же времени и ихъ относительное безпристрастіе	173.
Подробности битвъ и договорныя сношенія князей	178.
Мемуаръ Петра Бориславича	181.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сказанія о походахъ на Половцевъ, имѣющія характеръ повѣстей.

Сказанія первой половины XII столѣтія:

а) О походѣ Мономаха 1103 года	183.
б) О его же походѣ 1111 и о славной битвѣ на Сальницѣ	187.

Сказанія второй половины того-же столѣтія:

а) О походѣ Мстислава Изяславича	192.
б) Два лѣтописныхъ разсказа о походахъ Святослава Всеволодовича	194.

е) Два сказанія о походѣ Игоря Святославича и отношеніе ихъ къ Слову о Полку Игоревѣ:	
Южное сказаніе	195.
Сѣверное сказаніе	204.
Взглядъ на повѣствовательную сторону Слова о полку Игоревѣ	208.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Виды историческаго повѣствованія въ лѣтописяхъ: погодная запись, лѣтописный
разсказъ, сказаніе и повѣсть.

—
Монастырскія сказанія XI столѣтія: о вѣбреніи мощей св. Феодосія,
о волхвахъ, о нахожденіи Половцевъ. — Сказаніе о князь Васильѣ Тер-
бовльскомъ.

Литературъ историческихъ повѣстей и сказаній мы обя-
заны тѣмъ, что вмѣемъ богатую преданіями начальную исто-
рію своего народа. Но лѣтописи наши развернулись въ по-
вѣсть о быломъ уже тогда, когда духъ христіанскаго и мо-
нашескаго смиренія господствовалъ въ литературной школѣ.
Внутреннія войны со всѣми ихъ дѣйствіями и нашествія вар-
варскихъ племенъ поддерживали строгость аскетическаго
взгляда. Подслушывая народныя преданія, лѣтописатель нашъ,
на сколько могъ, приурочивалъ ихъ къ своему книжному міро-
созерпанію, никогда не нисходилъ до бытовыхъ чертъ, нико-
гда не вдавался въ живыя подробности о личности своей или
даже своего героя. Скромный, грѣшный, худой,—онъ про-
ситъ прощенія, если впалъ въ ошибку; имя свое вноситъ рѣд-
ко на страницы лѣтописи,—да и то лишь для того, чтобы

помянули его въ молитвахъ. Чаше-же всего онъ не считаетъ нужнымъ не только повѣствовать о себѣ, но даже заявлять о своемъ существованіи. Погодишь припоминаешь, что Шлецерь отдавалъ преимущество нашимъ лѣтописямъ передъ западными за то, что въ нихъ не было ничего умышленнаго, невѣрнаго, что онѣ писаны просто, ясно, безъ украшеній. Но если такъ, то онѣ были бы наивны, не подчинены руководящей идеѣ и поэтому въ высшей степени поэтичны, поэтичны какъ безыскусственный эпосъ, а этого нѣтъ: лѣтописи наши отличаются простодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственностью съ самыхъ раннихъ поръ. Ясностью и безыскусственностью отличаются Новгородскія лѣтописи, но онѣ уже чужды поэзіи. Это какія-то дѣловыя, правда, простодушныя, но крайне прозаическія записи. Безъ искусственности, безъ школы не возникаетъ письменность, и безъ руководящей идеи не возможно развиваться въ ней творчеству. Поэзія проникаетъ въ наши лѣтописи въ цвѣтущую кievскую пору, и эта-то лѣтописная литература замѣняетъ намъ все, что уцѣлѣло отъ живыхъ народныхъ преданій. Она доноситъ до насъ идеалы, какими жила образованная часть общества.

Народная жизнь однакоже проникала въ лѣтописи настолько, на сколько лѣтописатели оставались вѣрны интересамъ своего города и земли, или даже партіи. Въ приговорахъ ихъ замѣтно пристрастіе къ тѣмъ или другимъ князьямъ, сочувствіе и несочувствіе къ городамъ и областнымъ землямъ русскимъ. Текстомъ изъ Священнаго Писанія они подкрѣпляютъ свое личное воззрѣніе на событіе. Призываніе благословенія Божія и воззваніе къ Его праведному суду часто находится въ связи съ личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ автора.

Такимъ образомъ древній русскій лѣтописатель иногда выступалъ изъ области идеальнаго христіанскаго міросозерцанія и погружался въ страстныя волны житейскаго моря.—Лѣтописатель русскій не всегда былъ затворникомъ, не покидавшимъ своей кельи. Изъ оживленнаго разсказа его иногда видно, что онъ присутствовалъ на вѣчевой сходкѣ или при спорѣ князя съ дружиной и гражданами—что онъ участвовалъ въ походѣ, бывалъ очевидцемъ сѣчи и осады города; ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, слушалъ князей, договаривавшихся о мирѣ и присутствовалъ при обычномъ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій, или пономарь, или свѣтскій человѣкъ, употреблявшійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ,—онъ писалъ свои замѣтки по большей части на досугѣ, и, принимаясь за перо, все таки старался отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и усвоить себѣ роль безпристрастнаго судьи-христіанина, какъ того требовало литературное направленіе.

Учеными нашими доказано, что мы воспользовались системою лѣтосчисленія отъ Византійцевъ ¹⁾,—и это былъ первый шагъ нашего научнаго сближенія съ образованнымъ міромъ. Насхальныя таблицы съ готовыми рядами годовыхъ цифръ были важнымъ подспорьемъ, которымъ воспользовалась наша юная грамотность для погоднаго записыванія событій. Первоначальныя лѣтописи наши велись, какъ видно, людьми не духовными. Въ тѣ времена, когда религія христіанская не была еще господствующею на Руси, князьи люди стали записывать событія жизни ратной. Доказательствомъ тому, что

---

¹⁾ Сухомлиновъ: О древней русской лѣтописи, какъ о памятн. литерат., 30—45.

древнѣйшія лѣтописи не были писаны духовными лицами, служатъ то, что въ нихъ не отмѣчены событія, важныя для успѣховъ христіанства ²⁾). Кратка и сжата форма первоначальныхъ лѣтописей. Онѣ состоятъ изъ упоминаній о походахъ, о рожденіи или смерти князей, или о необычныхъ небесныхъ явленіяхъ ³⁾).

Но при простыхъ, сжатыхъ упоминаніяхъ можно и въ первоначальныхъ лѣтописяхъ встрѣтить стремленіе къ освѣ-

---

²⁾ Срезневскій: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 17.

³⁾ Такъ, напримѣръ: лѣто 6428 Игорь воеваше на Печенѣгы. Въ лѣто 6423 придоша Печенѣзи первое на Русскую землю (лѣтопись временъ Игоря). Въ лѣто 6419 явися звѣзда копиннымъ образомъ (временъ Олега). Въ лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. Въ лѣто 6490 иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ. Въ лѣто 6508 представиси Малѣфрѣдъ и т. п. Подобнаго рода записи помѣщались въ клѣточкахъ пасхальной таблицы. Такъ, въ пасхальной таблицѣ 1350 изъ Псаломника синодальной бібліотеки, изданной г. Сухомлиновымъ, а потомъ г. Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ „Памяти. древн. письма и языка“, встрѣчаемъ записи подъ разными годами, но по недостатку мѣста въ еще большей сжатости: „Олександръ князь преставися. Торжекъ святъ“... Подобныя замѣтки встрѣчаются въ молитвенникахъ, псалтиряхъ, сборникахъ и ранѣе, и позднѣе XIV вѣка. Такъ, напримѣръ въ сборникѣ молитвеннаго содержанія, конца XV вѣка (библ. Моск. Дух. Акад. № 515, л. 511), встрѣчаемъ краткую лѣтопись безъ поясненій, съ характеромъ, свойственнымъ календарной замѣткѣ: „Лѣта 7017 преставися внукъ князь Димитрій. Лѣта 7038 гости приходили изъ Ногаи с'товаромъ и с'кошми и пригону было 8.000. Лѣто 7042. Приходили гости Ногаи, коней 5.000. Преставися благовѣрный инокъ Варлаамъ. Шемячичеву княгиню съ 2 дщерьми постригли неволею въ Каргеполѣ“.

щенію факта. Запись оживляется подробностью, которая уже не могла умѣститься въ клѣткѣ пасхальной таблицы ⁴⁾. „Подробности эти“ сохраняютъ намъ драгоцѣнныя черты быта, „бросають свѣтъ на промыслы, образъ жизни, обычаи нашихъ предковъ, даютъ намъ представленія объ одеждѣ, вооруженіи монетахъ“,—такъ говоритъ академикъ Срезневскій въ своихъ чтеніяхъ о первоначальныхъ лѣтописяхъ X вѣка, дошедшихъ до насъ въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. То же можно сказать о лѣтописяхъ послѣдующихъ временъ, и здѣсь было-бы неумѣстно подробно указывать на археологическіе, бытовые, юридическіе выводы о древней Руси, сдѣланные многими учеными на основаніи этихъ мелкихъ, случайныхъ подробностей въ лѣтописяхъ.

Краткія свѣдѣнія о событіяхъ оживляются съ самыхъ раннихъ поръ разговорною рѣчью ⁵⁾. До сихъ поръ на сѣверѣ Россіи, гдѣ крѣпко хранится старина, замѣтна любовь къ вноснымъ рѣчамъ. Слушая ново-или архангело-городскую рѣчь, по неволѣ замѣчаешь это безпрестанное: „онъ ска, она ска“. Сходно съ этимъ и реченіе: „моль“.

Лѣтописи Новгородскія и Псковскія отличаются, какъ извѣстно, простотой и безыскусственностью. Онѣ свѣжи, народны, первообразны, кратки и правдивы въ непосредственной

⁴⁾ — „Козари имаху на Полянѣхъ—по бѣлѣ и выверецѣ отъ дыма.—Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ и имаше па нихъ дань по чернѣ кунѣ“.

⁵⁾ Уже въ извѣстїи о походѣ Олега на Сѣверянъ встрѣчается разговорная форма, и она-жь еще полнѣе обрисовываетъ его отношеніе къ Радимичамъ: „Кому дань даете? Опи же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“ и т. д.

передачѣ впечатлѣній. Поэтому онѣ и остаются на долго образцомъ первоначальной литературной формы повѣствованія. Въ нихъ нѣтъ стремленія остановиться на быломъ, давно прошедшемъ, что уже составляетъ высшую степень историческаго творчества. Замѣчательно, что Новоградо-Псковское лѣтописаніе, до XVII вѣка включительно, сохранило свой древній характеръ немногословнаго, скупаго на подробности изложенія, при языкѣ сжатомъ и выразительномъ. Разговорная форма составляетъ особенность этихъ лѣтописей. Одинъ изъ древнѣйшихъ рассказовъ служить тому доказательствомъ: „а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити“. Разговорная рѣчь часто нарушаетъ теченіе рассказа, едва начавшагося. Новгородцы, рассказываетъ лѣтописатель, задумавъ изгнать Всеволода, „въсадиша его въ епископлъ дворъ съ женою и съ дѣтьми... а се вины его творяху: 1, не блюдетъ смердѣ. 2“—но тутъ форма рассказа нарушается безъ всякихъ оговорокъ личнымъ обращеніемъ къ князю: „чему хотѣлъ его сѣсти Переяславли. 3, ѣхаль еси съ пѣлку переди всѣхъ“... 6). Сжатый рассказъ, оживленный вносною рѣчью, свидѣтельствуеъ о свѣжести событія въ то время, когда оно описано.

Разговорная форма и молитвенные возгласы и восклицанія—вотъ тѣ стихіи, которыми оживилась погодная записъ.

Отъ записи или сжатаго рассказа, писаннаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событія, слѣдуетъ отличать рассказъ, составленный по прошествіи нѣкотораго времени, когда лѣтописатель оглядывается назадъ и группируетъ событія извѣстнаго года. Тутъ требуется умѣнье представить

*) П. С. Р. Л. т. III стр. 1 и 7.

нить событій и объединить ихъ по возможности. Оглядываясь назадъ, лѣтъ за десять или болѣе, при сведеніи въ одно различныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ одного года, лѣтописатель прибавляетъ къ сему матеріалу свои собственныя воспомина- нія и даетъ нѣчто цѣльное, оконченное. Въ сжатыхъ, немногословныхъ разсказахъ Новгородскихъ лѣтописей замѣтно умѣнне точно очерчивать событія многихъ мѣсяцевъ, а иногда и годовъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6675 годомъ (Новгор. 1-я) встрѣчаемъ нѣсколько разнородныхъ извѣстій. Изъ нихъ однѣ кратки, и по всей вѣроятности, переписаны изъ погодныхъ, какъ-бы календарныхъ, помѣтокъ. Мы ихъ находимъ въ началѣ и въ концѣ статьи, помѣченной годовою цифрою. Въ началѣ мы читаемъ: „сѣде Мстиславъ Изяславиць Къевѣ на столѣ. На ту же весну заложи Стѣко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславицѣ, при архіепископѣ Иліи“. Въ концѣ: на ту же зиму ходи Мстиславъ на Половцы.. Преставися раба Божія Анна игуменія святыя Варвары и поставиша на мѣсто ея Маремьяму“. Но середина посвящена разсказу объ усобицѣ Новгорода съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Разсказъ этотъ обнимаетъ событіе отъ начала до конца. Усобица началась лѣтомъ и отъ Семенова дня (1-го сентября) до Пасхи Новгородцы сидѣли безъ князя. Очевидно, разсказъ лѣтописи писанъ не прежде Пасхи, то-есть, онъ писанъ по вокняженіи Романа Мстиславича, который сѣлъ на столѣ 14-го апрѣля во вторую недѣлю по Пасхѣ, слѣдовательно, по наступленіи новаго мартовскаго года, — и лѣтописатель отложилъ говорить объ этомъ до новой рубрики: до 6676 года. Вникая въ группировку событій, описанныхъ подъ 6675 годомъ, мы

видимъ, что лѣтописатель имѣлъ въ виду ихъ послѣдовательность по времени. Въ началѣ мартовскаго года, вскорѣ послѣ смерти дяди своего Ростислава, умершаго 21-го марта, вокняжился Мстиславъ Изяславичъ (правнукъ Мономаха) въ Кіевѣ. Весною была совершена закладка церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Лѣтомъ Новгородцы извѣстились о приѣздѣ митрополита Константина въ Кіевъ, и тутъ-же вскорѣ князь Святославъ отправился въ Луки, съ чего и началась усобица, продолжавшаяся до Семенова дня. Зимой, къ концу года, Кіевскій князь, какъ слышалъ Новгородецъ, одержалъ побѣду надъ Половцами, а въ Новгородѣ отмѣчена была перемѣна игуменьи въ монастырѣ св. Варвары.

Группировка событій по годамъ и есть собственно трудъ и заслуга составителя лѣтописи. Такимъ образомъ, лѣтописи состоятъ: а) изъ помѣтокъ о только-что случившемся происшествіи и б) изъ разсказовъ по воспоминанію лица пишущаго, которое иногда пользовалось и немногословными помѣтками пасхальныхъ таблицъ.—Разказы преобладаютъ надъ помѣтками, ими полны лѣтописи,—и вездѣ видно, что они ведутся спустя долгое время послѣ того года, о которомъ идетъ рѣчь. За это говорятъ многіе признаки. Такъ, напримѣръ, при извѣстіяхъ о смерти князей или духовныхъ лицъ по большей части не означено числа и мѣсяца. О событіяхъ, совершившихся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже годовъ, разсказывается такъ точно и опредѣленно, какъ это возможно по прошествіи нѣкотораго времени, когда исчезнуть слѣды горячаго перваго впечатлѣнія. Наконецъ части разказа связываются между собою частицею тогда (тѣгда-же родися у князя сынъ у Ярослава).

Но во всякомъ случаѣ краткіе погодные разказы на-

шихъ лѣтописей писаны не потомками современниковъ, а самими современниками событій, хотя и не по слѣдамъ первыхъ живыхъ впечатлѣній, а по воспоминанію. Не современное событію лицо не могло-бы знать подробности, не освѣщенные никакою поэзіей, и слѣдовательно не прочныя для преданія, какъ напримѣръ: „и иде въ городъ воевода пойма съ собою попа, Ивана Легена (Новг. 1, II. С. Р. Л. т. III, стр. 21). Иногда нельзя не видѣть въ этихъ погодныхъ разсказахъ и личныхъ впечатлѣній автора.

Лѣтописные разсказы, въ которыхъ группируются факты и характеризуются современныя автору, но уже давно минувшія событія, составляютъ послѣ записи, вторую степень повѣствовательнаго искусства. Погодные разсказы оживляются: а) вносными рѣчами дѣйствующихъ лицъ и б) религиознымъ воодушевленіемъ, когда событіе наводитъ лѣтописателя на разсужденіе о неправдѣ людской, когда онъ, ища оправданія въ Богѣ, умиляется, вздыхаетъ, кается въ грѣхахъ своихъ, поучаетъ, обличаетъ и грозитъ Божиимъ судомъ.

Въ бѣгломъ описаніи событій цѣлаго года мы замѣчаемъ большее или меньшее умѣнье очертить ихъ, и отъ этого бѣгло описанія съ высоты птичьяго полета, съ высоты хроникера-наблюдателя, отличаемъ сказаніе, которымъ воскрешается одно какое-нибудь событіе, и на немъ повѣствователь сосредоточивается, черпая свои свѣдѣнія изъ самаго перваго источника: онъ или самъ видѣлъ „очима своимъ“, или слышалъ отъ очевидцевъ.

Сказанія, записанныя очевидцами и лицами, испытанными непосредственное впечатлѣніе событія, составляютъ существенную и наиболее творческую часть нашихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Только съ появленіемъ отдѣльныхъ сказаній, цѣльныхъ и сосредоточенныхъ, образовалась и литература повѣстей. Сперва сказанія, а потомъ повѣсти составляютъ высшую степень творчества. Только что сдѣланное нами опредѣленіе записи и разсказа показываетъ относительную высоту сказанія и повѣсти.

Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти. Для появленія цѣлаго сказанія объ отдѣльномъ событіи необходимо, чтобъ авторъ былъ сильно заинтересованъ этимъ событіемъ, остановился-бы на немъ, сосредоточился. И вотъ онъ обыкновенно вводитъ читателя въ такой особый разсказъ словами: „скажемъ вкратцѣ, скажемъ мало... се же хочу сказати я же слышахъ“.

Монахъ-историкъ пользовался подобными отдѣльными сказаніями, приводилъ ихъ въ порядокъ, по годамъ; вставлялъ тамъ и сямъ свое наставленіе, свой молитвенный возгласъ, присоединялъ свою монастырскую лѣтопись, и такимъ образомъ создавался цѣлый лѣтописный сводъ, цѣлый лѣтописецъ. Отдѣльныя сказанія появились ранѣе сводовъ лѣтописныхъ и входили въ послѣдніе или цѣликомъ, или въ сокращеніи и передѣлкѣ. Самая-же эпоха, въ которую стали чаще и чаще писаться отдѣльныя сказанія, и была эпохою появленія лѣтописныхъ сводовъ. Лѣтописатель перестаетъ довольствоваться лишь современнымъ: онъ хочетъ творить, возсоздавать былое, разсказывать о томъ, что не записано, подтверждать или отрицать преданія городскія, сельскія принаравливать къ своему своду готовые сказанія и тутъ-же вставлять готовые поученія; во всемъ этомъ имъ двигаетъ желаніе по-

вѣдати о старинѣ забытой: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“. Повѣствователь благо становится историкомъ въ строгомъ значеніи слова, хочетъ сдѣлать извѣстнымъ забытое (повѣдати), отодвинутое въ даль событіе, и излагая современные происшествія, имѣетъ въ виду потомство. Творчество и вдохновеніе необходимы для повѣсти или повѣданія. Названія эти первоначально относятся къ разсказу о завѣтномъ быломъ, о чемъ звучала пѣсня и твердило народное преданіе.

На основаніи вышеизложеннаго опредѣленія повѣстей и сказаній мы усвоимъ произведеніямъ близкимъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ названіе сказаній; названіемъ-же повѣстей обозначимъ произведенія, писанныя съ цѣлью воскресить или прославить давно минувшее событіе, хотя-бы подобныя произведенія случайно названы были сказаніями, а не повѣстями.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи мы встрѣчаемъ на Руси уже достаточное развитіе письменности. Вѣкъ Ярослава, „насадившаго вспаханное отцемъ поле книжными словесы“ вѣкъ Всеволода, владѣвшаго, по свидѣтельству сына его, дятю иностранными языками, вѣкъ Янки Всеволодовны, начитанной устроительницы женской обители въ Кіевѣ, путешествовавшей въ Царьградъ,—вѣкъ молодости и мужества Мономаха; вѣкъ краснорѣчиваго митрополита Иларіона, учительнаго Θεодосія, пламеннаго Іакова Мниха и возвышеннаго въ своихъ литературныхъ пріемахъ Нестора имѣлъ тѣ данныя, при которыхъ повѣствовательная литература развилась и окрѣпла. Жившему на рубежѣ двухъ столѣтій, XI-го и XII-го, составителю „По-

вѣсти временныхъ лѣтъ“ пришло воспользоваться многими готовыми письменными сказаніями.

Изъ такихъ сказаній по безыскусственности и непосредственной правдивости первое мѣсто принадлежитъ *Сказанію объ обрѣтеніи мощей преподобнаго Θεодосія Печерскаго*.

Отличающееся простотою изложенія, сказаніе это начинается съ самаго дѣла, безъ всякихъ вступительныхъ рѣчей: „игумень и черноризци совѣтъ створше рѣша: не добро есть лежати отцю нашему Θεодосіеви кромѣ монастыря и церкви своея“. Самъ авторъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ семь важномъ для монастыря дѣйствіи. За три дня до праздника Успенья игумень повелѣлъ рушити то мѣсто, гдѣ лежало тѣло Θεодосія. Повелѣніе игумена было обращено къ автору сказанія, какъ это онъ самъ и объясняетъ: „еже скажу не слухомъ бо слышавъ но самъ о семъ начальникъ“. Такія слова подтверждаются самымъ содержаніемъ этого замѣчательнаго по простодушію и искренности памятника нашей монашеской литературы, не всегда простой и безыскусственной.

Мы слышимъ какими словами игумень пригласилъ автора пойти съ собою въ пещеру, видимъ какъ они оба спустились туда и стали распознавать мѣсто, гдѣ копать.— Игумень запрещаетъ нашему автору говорить о предпріятіи ими дѣлѣ и повелѣваетъ ему взять съ собою только одного помощника. Таинственность придаетъ событію новую окраску—и вотъ въ молчаніи смиренный повѣствователь нашъ въ тотъ-же день приготовляетъ себѣ рогаліе, чѣмъ копать ⁷⁾.

---

⁷⁾ Въ Лавр. спискѣ сказано: азъ же пристроихъ семь

Отпѣвъ псалмы, не вѣдущу ни комуже, спускается онъ въ сумерки съ своимъ помощникомъ въ пещеру и начинаетъ рыть землю. Утрудился, далъ другому брату рогалие и потомъ опять копалъ до полупочи и всё еще не могъ докопаться. И началъ я тужить—повѣствуетъ копатель—уже не въ сторону-ли мы копаемъ. Однакоже онъ вновь взялся за работу и сталъ сильно копать, а другой братъ пошелъ отдохнуть на воздухъ, передъ пещерою. „И въ то время, какъ братъ мнѣ сказалъ: ударили въ било, я прокопалъ до самыхъ мощей и въ то самое время, когда братъ сказалъ мнѣ: ударили въ било, я говорилъ ему: прокопахъ уже. Егда-же прокопахъ обдержашеть мя ужастъ и начяхъ звати: Господи помилуй!“! Наступила желанная минута открытія мощей. И не смотря на величіе этой минуты рѣчь автора обходится безъ прикрасъ и восторженныхъ восклицаній. Но минута эта сопровождалась чудесами, о которыхъ авторъ узналъ въ послѣдствіи. Два монаха, угадавшіе тайну открытія мощей, видѣли огненные столбы надъ пещерою. Стефанъ епископъ, пребывавшій временно въ своемъ монастырѣ, неподалеку отъ Печерской обители (на Кловѣ), увидалъ зарю велику надъ пещерою. Онъ зналъ о замыслѣ игумена и подумалъ съ сожалѣніемъ, что безъ него переносить тѣло Θεодосія. Онъ сѣлъ на коня и поспѣшно пріѣхалъ къ пещерѣ, въ сопровожденіи игумена Климента.

днии рогалие въ Инат: семь дни т. е. о семь дни, въ тотъ же день. За три дня до Успенья, 11-го августа, игумень изрекъ свое повелѣніе, мощи открыты въ ночь съ 12-го на 13 августа, а 14-го торжественно перенесены. Изготовленіемъ же заступа монахъ занялся 12-го же, и къ вечеру у него все было готово. Нѣкоторые ученые неправильно читаютъ: пристроихъ 7 дній рогалие (о составѣ Рус. лѣт. Бестужева-Рюмина стр. 12-я).

Разсказавъ съ евангельскою простотою объ этихъ чудныхъ видѣнiяхъ, нашъ вѣрующій авторъ тѣмъ придаетъ важность событiю, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.—Когда Стефанъ и игумень Климентъ пришли въ пещеру, труженики мирно сидѣли у мощей въ ожиданiи своего игумена, которому послали связать: „приди да вынемъ его“. Спокойный тонъ разсказа не нарушенъ и тогда, когда глазамъ автора предстало не распавшееся по суставамъ тѣло святаго отца и примытые его волосы. Тѣло возложили на мангiю, вынесли и положили передъ пещерою. На другой день—заключаетъ повѣствователь— „собрашася епископи Ефремъ Переяславскiй, Стефанъ Володимерьскiй, Иоаннъ Черниговскiй, игумени отъ всѣхъ монастыревъ съ черноризци и придоша и людье благовѣрнии и взяша мощи Θεодосьевы съ темьяномъ и съ свѣщами и принесше положиша въ церкви своей ему, в'притворѣ, на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ, въ 1 часъ дне индикта 14 лѣта. Праздноваша свѣтло въ тѣ день“.

Но сказанiе тутъ не оканчивается. Θεодосiй былъ положенъ въ церкви 14 августа, а 16-го въ той-же церкви, противъ гроба Θεодосьева погребли знатную благочестивую жену Марiю, супругу тысяцкаго Яна Выпатича. Θεодосiй при жизни, по словамъ нашего повѣтствователя, любилъ этихъ благочестивыхъ супруговъ и посѣщалъ ихъ домъ. Не только о черноризцахъ, но и о душахъ мирянъ цекся Θεодосiй, утѣшалъ, поучалъ приходящихъ къ нему, а другой разъ и самъ хаживалъ въ дома ихъ, подавая благословенiе. Обрисовавъ такимъ обра-

зомъ отношенія Θεодосія къ міранамъ, повѣствователь рассказываетъ, какъ святой отецъ предсказалъ женѣ Яневой, что по смерти еѣ положить тамъ, гдѣ ляжетъ и онъ самъ. И вотъ на осьмнадцатый годъ сбылось прореченье Θεодосія—и только перенесли тѣло Θεодосія въ церковь, какъ тамъ-же погребли и жену Яневу.

„Се же повѣмъ мало нѣчто, еже ся сбысть прореченье блаженнаго отца нашего Θεодосія“—говоритъ авторъ, приступая къ разсказу о женѣ Яневой. Се же сбысться прореченье блаженнаго отца нашего Θεодосія, добраго пастуха и т. д.“ говоритъ онъ въ заключеніе и тутъ-же переходитъ къ восхваленію своего учителя: „Азъ же грѣшный рабъ твой и ученикъ недоумью чимъ похвалити добраго твоего житія и воздержанія. Но се реку мало нѣчто: радуйся отче нашъ и наставниче и т. д.“

Похвала эта не предназначалась для церковнаго употребленія. Сравнительно съ похвалою, сопровождающею въ Патерикѣ житіе Θεодосія, она весьма не многословна и кратка. Нашему повѣствователю трудно творить искусный канонъ: онъ только хочетъ сказать мало нѣчто (любимое его выраженіе) и молить честнаго отца соблюсти его своими молитвами. Многогрѣшная похвала въ Патерикѣ прославляетъ главнымъ образомъ Θεодосія по отношенію къ его лаврѣ (sic) и какъ насадителя монашескихъ отраслей; теплое мало нѣчто хвалить Θεодосія за чисто иноческій подвигъ и за побѣду, одержанную имъ надъ міромъ и діаволомъ.

Сказаніе это въ печатномъ Патерикѣ приписывается пр. Нестору. Нѣтъ никакого повода приписывать Нестору разсказъ, писанный ученикомъ Θεодосія, а не пострижен-

никомъ Стефана, какимъ былъ Несторъ, по собственному его свидѣтельству въ житіи Θεодосія. Несторъ не зналъ нашего сказанія и не пользовался имъ. Самое пророчество святаго по поводу жены Яневой не нашло мѣста въ житіи Несторовскомъ. Да и кромѣ того авторъ житія Θεодосіера былъ писателемъ вѣсколько другаго склада, чѣмъ нашъ простодушный разсказчикъ.

Но за то сказаніе объ обрѣтеніи мощей Θεодосія имѣеть много общаго съ другими двумя Печерскими сказаніями, а именно съ сказаніемъ: „*чего ради прозвася Печерскій монастырь и съ Сказаніемъ объ успеніи Θεодосія*“⁸⁾.

Оба сказанія эти, стояція между собою въ непосредственной связи, какъ двѣ части одного и того-же повѣствованія, писаны монахомъ, пришедшимъ къ Θεодосію въ молодыхъ годахъ: „къ нему же и азъ придохъ... и пріять мя, лѣтъ ми сущу 17-ти“. Въ первомъ изъ этихъ сказаній все личное горячее сочувствіе автора обращено къ Θεодосію, то-же видимъ и во второмъ, то-же и въ третьемъ, разсмотрѣнномъ нами. „Се же написахъ и положихъ в'кое лѣто почаль быти монастырь и что ради зоветься Печерскій. А о Θεодосеевѣ житиѣ паки скажемъ“. Такими словами авторъ округля-

⁸⁾ Первое изъ этихъ сказаній приурочено въ „Повѣсти вр. лѣтъ“ къ году поставленія Ярославомъ Иларіона митрополитомъ Руси (6559), второе къ году смерти Θεодосія (6582).—Строгий изслѣдователь состава Русскихъ лѣтописей и весьма осторожный въ своихъ предположеніяхъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не чуждъ мнѣнія, что лицо, написавшее сказаніе объ обрѣтеніи мощей, могло быть авторомъ и другихъ сказаній. (О составѣ Рус. лѣтописей стр. 12).

еть первое сказаніе, обѣщая продолжить начатое о Θεодосіи. Въ сказаніи объ успеніи Θεодосія онъ тѣмъ-же складомъ теплымъ и не напыщеннымъ исполняетъ свое обѣщаніе и повѣствуетъ объ образѣ жизни святаго отца.

Какъ сказаніе объ обрѣтеніи мощей слито съ рассказомъ о погребеніи Яневой жены, такъ и повѣствованіе объ успеніи Θεодосія и его образѣ жизни и кончинѣ влечетъ автора повѣдать о подвигахъ Θεодосіевой братіи. Благочестіе, оставленное Θεодосіемъ своимъ преемникамъ въ наслѣдіе, есть лучшее слѣдствіе подвиговъ и наставленій Θεодосія.

Описавъ общими чертами христіанскіе подвиги братіи Печерской обители, авторъ восклицаетъ: „таци бо бѣша любовници и въздержници и постници, отъ нихъ-же намѣню нѣколико мужъ чудныхъ“. Такими словами связывается съ повѣствованіемъ объ успеніи Θεодосія новая часть сказанія: о презвитерѣ Даміанѣ—цѣлебникѣ, о прозорливомъ Матвѣѣ и наконецъ объ Исаакіи; борцѣ съ нечистыми духами. „Таци ти быша черноризци Θεодосьева монастыря“—говоритъ въ заключеніе авторъ и новымъ прославленіемъ этихъ святыхъ монаховъ и Θεодосія оканчиваетъ свою на этотъ разъ длинную, но всё таки безыскусственно и просто сложенную повѣсть.

Авторъ не засталъ въ живыхъ Антонія, и потому все, касающееся этого преподобнаго, чуждо живыхъ красокъ и носитъ характеръ глухаго, переданнаго съ чужихъ словъ свѣдѣнія. То, что случилось при Стефанѣ, преемникѣ Θεодосія, и Никонѣ, поступившемъ на игуменство въ слѣдъ за Стефаномъ, живо памятно нашему повѣствователю. Такъ у него являются подробности при описаніи юродства Исаакія, при игуменѣ Стефанѣ переселившагося изъ затвора въ монастырь; такъ онъ

помнить имя повара, насмѣявшагося надъ юродствовавшимъ монахомъ и прибавляетъ, что иному „и самъ я былъ само-видецъ“.

По духу, по языку и по содержанию всѣ три сказанія написаны однимъ и тѣмъ-же лицомъ, съ 17 лѣтняго возраста, поселившимся въ обители Печерской. Авторъ, писавшій эти сказанія уже въ совершенно зрѣлыхъ годахъ, обнаруживаетъ въ себѣ человѣка, воспитавшагося въ монастырѣ. Это дѣйствительно чадо Θεодосія, принесшее въ даръ духовному отцу и обители горячія чувства любви и безусловной преданности. Вникая въ сказанія, писанныя Печерскимъ авторомъ, мы видимъ именно тотъ идеалъ лѣтописателя, который иногда мелькаетъ въ лѣтописяхъ нашихъ и который представлялся Пушкину въ его Пименѣ. Не мудрствуя лукаво, описываетъ нашъ авторъ видѣнное и слышанное имъ и преимущественно „угодниковъ святыхъ чудеса“. Его кругозоръ исключительно—монастырскій и едва-ли онъ могъ описывать „управу государей“.—Онъ владѣетъ хорошо церковнославянскимъ языкомъ и народныхъ, не книжныхъ выражений у него весьма мало. Оно и понятно: съ 17 лѣтняго возраста онъ ежедневно, а часто и еженощно, упражнялся въ слушаніи и чтеніи св. писанія и молитвъ. Тепло вѣрующій и непосредственно воспринимавшій впечатлѣнія, онъ былъ чуждъ всякой надуманности и писалъ безъ всякихъ риторскихъ украшеній, не изыскивая сравненій, не усиливая своихъ мыслей текстами св. писанія. У него нѣтъ и большаго запаса книжной мудрости, почему и самый рассказъ его дышетъ простодушною искренностью. У него нѣтъ ничего обличительнаго: онъ только стоитъ за свой монастырь и умѣетъ поставить его выше другихъ, иноческихъ обителей. Въ рассказѣ о кончинѣ Θεодосія у него проглядываетъ сочувствіе

къ той партіи, которая хотѣла имѣть преемникомъ Θεодосіа Іакова, пришедшаго съ Лѣтца (Альты), а не Стефана. Но и тутъ онъ вѣренъ себѣ и не осуждастъ сторонниковъ этого послѣдняго.

Правдивость и прямое отношеніе къ дѣйствительности сдѣлали слѣдующее мѣсто его сказанія классическимъ въ нашей древней литературѣ: мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть тацѣ, кацѣ суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ: Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ.....⁹⁾.

---

⁹⁾ Сказаніе чесо ради прозвася Печерскій монастырь.

О житіи Антонія свидѣтельствуеть въ XIII столѣтїи Симонъ еписк. Суздальскій, въ посланїи къ Поликарпу: и се слышахъ отъ того Вавила, исцѣленнаго имъ (св. Леонасіемъ); аще ли кому невѣрно мнїтся се написанное да почтеть житіе св. отца нашего Антонія. Онъ же въ Сказанїи о созданїи церкви Печерской: Въ житїи св. Антонія сего пространнѣе обрящеши (объ огнѣ спадшемъ съ неба). Поликарпъ въ посланїи къ Акиндину: се же вписано есть вѣ житїи св. отца нашего Антонія, еже о Мовсѣи (Угрийѣ). Есть другїя указанїя на житіе Антонія у Симона и Поликарпа. См. подробнѣе у Казанскаго: Критич. разборъ свидѣтельствъ Патерика о лѣтописи Нестора. Временникъ, 1849, кн. 1.

Съ убѣжденїемъ присоединяемся къ мнѣнїю П. С. Казанскаго о томъ что житіе Антонія не имѣло особаго значенїя и въ свое время. Житїя Антонія въ XI вѣкѣ, по нашему мнѣнїю, не было. Монастырь былъ Θεодосіевъ, а не Антоніевъ. Антоній оставался въ таинственномъ, глухомъ отдаленїи. Это—доисторическая личность въ исторїи монастыря. Не было письменныхъ свѣдѣнїй ни о времени его кончины, не знали и мѣста его погребенїя.

Благодаря простотѣ и правдѣ, сказаніе объ основаніи обители Печерской осталось до позднѣйшаго времени въ нашей рукописной литературѣ, тогда какъ житіе Антонія не сохранилось. Даже въ Макарьевской Минеи мы тщетно искали слѣдовъ житія Антоньева. Подъ 10 числомъ іюля, когда празднуется память Антонія, мы находимъ въ упомянутой Минеи, собравшей со всѣхъ угловъ Россіи всё, что было написано о святыхъ мужахъ Русскихъ, только—„сказаніе чего ради прозвася Печерскій монастырь“, гдѣ сохранились единственные свѣдѣнія объ Антоніи. Подъ 7 же числомъ мая мы читаемъ слово о Антоніи черноризци, бывшемъ въ Руси начальнику Печерскаго монастыря, въ коемъ видимъ позднѣйшую передѣлку того-же сказанія съ опущеніемъ всѣхъ подробностей. Сказаніе это безъ передѣлки и дополненій вошло въ Патерикъ Печерскій.

„Сказаніе о Θεодосіи, его образѣ жизни и успеніи“ со-всѣмъ не вошло въ Патерикъ; по простотѣ своего изложенія, по сравнительной краткости и безыскусственности—оно уступило мѣсто житію этого святаго, искусно написанному Несторомъ. Только часть сказанія, гдѣ говорится о чернецахъ временъ Θεодосія вошла въ Патерикъ, но съ передѣлкой начала и пропускомъ одного замѣчательнаго по простодушію, мѣста ¹⁰⁾.

„Сказаніе объ обрѣтеніи мощей“ также не вошло въ Патерикъ древней редакціи. Веѣ три сказанія встрѣчаются въ

---

¹⁰⁾ Мѣсто это слѣдующее: „Единою ему (Матвѣю) стоящу на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона и видѣ осла стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игумень“.

первомъ лѣтописномъ сводѣ: „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и отдѣлены одно отъ другаго хронологическими извѣстіями о другихъ событіяхъ.

Теперь остается разрѣшить вопросъ: были-ли эти три сказанія вызваны къ жизни погоднымъ записываніемъ событій, или-же онѣ были написаны отдѣльно и потомъ внесены въ лѣтописный сводъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшенъ г. Вестужевымъ-Рюминымъ: сказанія имѣютъ отдѣльное отъ лѣтописи происхождение въ особенности же первое и третье ¹¹⁾. Сказаніе же „объ успенія Θεодосія“ на первый разъ кажется какъ-бы зависящимъ отъ внесеннаго подъ 6582 (1074) г. извѣстія о смерти Θεодосія. Но отсутствіе всякихъ другихъ замѣтокъ подъ этою годовою цифрою и внесеніе хронологическихъ данныхъ въ середину сказанія ¹²⁾—все это говоритъ за независимость сказанія отъ погодныхъ записываній. Но за то сказаніе это непосредственно связано съ „сказаніемъ о началѣ Печерскаго монастыря“ и есть его прямое продолженіе ¹³⁾.

¹¹⁾ О сост. Русскихъ лѣтописей, стр. 10—13.

¹²⁾ — и наставшу дню осмому, въ 2 субботу по Пасцѣ въ часъ 2 дне предасть душу въ рудѣ Божи, мѣсяца мая въ 3 день, индикта.....

¹³⁾ Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерскій. А о Θεодосьевѣ житіи паки скажемъ; скажемъ же о успеньи его мало. Θεодосій бо обычай имяше и т. д. вотъ какъ живо и естественно сливаются эти сказанія въ одно. Частица паки при часто употребляющемся въ церкви выраженіи: паки Господу помолимся, является прямою связью непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ предложеній.

На вопросъ-же о томъ, писалъ-ли авторъ нашъ лѣтописецъ? мы отвѣтимъ слѣдующимъ предположеніемъ: если въ монастырскихъ книгахъ, среди молитвъ и поминальныхъ записокъ попадаются краткія извѣстія въ родѣ замѣтокъ, иногда встрѣчающихся на бѣлыхъ листахъ недавнихъ календарей,—то отчего-же и у нашего автора среди его сказаній не могло быть нѣкоторыхъ отрывочныхъ погодныхъ записокъ, благодаря которымъ, быть можетъ и сказанія его попались въ лѣтописный сводъ и приурочились къ лѣтописи? Но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ въ виду вести погодную лѣтопись даже и монастырскихъ событій; тогда около его сказаній гнѣздились-бы хронологическія данныя о смерти по крайней мѣрѣ игуменовъ Печерскихъ, начиная отъ Никона.

Самовидецъ обрѣтенія Θεодосіевыхъ мощей могъ записать нѣсколько свѣдѣній о физическихъ явленіяхъ, бывшихъ вскорѣ послѣ обрѣтенія, какъ напримѣръ „Всеволоду ловы дѣющею звѣринуя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета—спаде превеликъ змѣй отъ небесе. Или: земля стукну яко мнози слышаша“. Онъ могъ и ранѣе повѣсти объ обрѣтеніи записать свѣдѣніе объ освященіи церкви Печерской митрополитомъ Іоанномъ, подъ 1089 годомъ.—Равнымъ образомъ извѣстіе 1075 г. просится подъ перо нашего самовидца: лѣта 6583 почата бысть церкы Печерская.... Изъ основанья Θεодосій почаль, а основаньи Стефанъ поча; и кончана бысть на третье лѣто мѣсяца Іуля 11 день.

Во всякомъ случаѣ „сказаніе объ основаніи Печерской обители“ было началомъ историческаго творчества въ этомъ монастырѣ. Собраніе во едино монастырскихъ преданій „въ сказаніи объ успеніи Θεодосія“ говоритъ за думы о быломъ,

за потребность оставить дорогое былое въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ. Открытіе самимъ авторомъ мощей любимаго учителя вдохновило это повѣствовательное творчество, и всѣ три сказанія связываются въ одно этимъ самымъ Θεодосіемъ.

Среди составныхъ частей „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ попадаетея *сказаніе о волхвахъ*, приуроченное составителемъ къ 1071 году. Въ немъ повѣствуется, по поводу появленія въ Кіевѣ прорицателя, о другихъ волхвахъ, появлявшихся въ недавнее время на сѣверѣ въ Бѣлозерской странѣ, въ Чудской землѣ и Новѣгородѣ. Сказаніе это было самостоятельно и первоначально не принадлежало лѣтописи. Оно не начиналось словами: въ лѣто такое то... а неопредѣленно, безъ отношенія къ извѣстному году, въ началѣ его стояло выраженіе: въ си бо времена въ си бо лѣта. Изъ всѣхъ трехъ рассказовъ о волхвахъ самый подробный—о Янѣ Вышатичѣ, Кіевскомъ тысяцкомъ, собиравшемъ дань на Бѣль-озерѣ и Шекснѣ, гдѣ и пришлось ему обличить двухъ зловредныхъ волхвовъ. Рассказъ этотъ напоминаетъ приемы автора сказанія о Θεодосіи и о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Какъ тамъ повторяются рѣчи бѣсовъ, смущавшихъ затворника, такъ и здѣсь приводятся грубыя языческія представленія о созданіи человѣка отъ Бога и сатаны съ точностью, свойственною простодушію ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть чело-
вѣкъ створентъ“ онъ же рече: како? Она же ре-
коста: Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся
отерся ветъхомъ, и верже съ небесе на землю; и
распрѣся сатана съ Богомъ, кому въ немъ ство-
рити челоуѣка и т. д. Въ сказаніи объ успеніи Θεодосіа: и
рече имъ старецъ: камо идете? и рече сѣдл на

Подробности пренія съ кудесниками могли имѣть источникомъ устный рассказъ самаго Яня... Самовидецъ Θεодосіева обрѣтенія, какъ мы видѣли, зналъ семейство Яня и вѣроятно, подобно учителю своему, посѣщаль иногда домъ тысяцкаго. Съ обычною у автора выше разсмотрѣнныхъ Печерскихъ сказаній точностью переданы здѣсь подробности судьбы, постигшей волхвовъ ¹⁵⁾. Здѣсь также нѣтъ искусственности и высокопарности: волхвы обличаются фактами, какъ бѣсы въ рассказѣ объ искушеніи Исаакія. Самое разсужденіе о мечтаніи бѣсовскомъ, помѣщенное передъ послѣднимъ рассказомъ о волхвѣ, убитомъ княземъ Глѣбомъ въ Новѣгородѣ, не отличается многогубчивостью и страстностью ¹⁶⁾. Свѣдѣнія о волхвахъ Ветхаго и Новаго Завѣта скудны и сбивчивы. Сперва поминается Симонъ волхвъ, потомъ Анній и Маврій (ветхозавѣтные) потомъ Кинопсъ, искушавшій Іоанна Богослова на Патмосѣ. Словомъ всё говоритъ за то, что сказаніе о волхвахъ могло быть написано не мудрствовавшимъ и не сильно книжнымъ самовидцемъ Θεодосіевымъ.

Скромный, выросшій въ обители монахъ, писавшій около 1091 года (годъ обрѣтенія мощей Θεодосія) не оставилъ своего

свиньи бѣсъ „по Михалю, по Тольбековича“, и тому подоб.

¹⁵⁾ Янь же повелѣлъ бити я и поторгати брадѣ ея.... и повелѣ Янь вложить рубль въ уста има и привязати якъ упругу.

¹⁶⁾ Сице ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прельщаютъ человекы, величье имъ глаголати видѣнія.... паче же женами бѣсовская волѣшвенья бывають; искони, бо бѣсъ жену прельсти....

имени. Простая рѣчь его не произвела въ свое время впечатлѣнія на грамотниковъ. Несторъ, авторъ житія Θεодосіева, не зналъ, или не хотѣлъ знать, сказаній нашего автора. А между тѣмъ правдивыя, безыскусственныя сказанія имѣли въ древней литературѣ русской славу будущую. Въ началѣ XII столѣтія онѣ попались подъ руку составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ, и два изъ нихъ вошли въ составъ Патерика Печерскаго, да еще съ написаніемъ на нихъ имени Нестора. Громкое имя этого послѣдняго, весьма книжнаго и искуснаго творца повѣстей, отгнало всякое воспоминаніе объ имени скромнаго автора сказаній, подобно тому, какъ въ послѣдствіи за этимъ-же громкимъ именемъ Нестора скрылись имена многихъ писателей и даже самаго составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Набѣгъ половцевъ, пришедшихъ первое на Русскую землю въ 1061 году, нагналъ страхъ на все Приднѣпровье. Писавшій по памяти о пережитыхъ имъ самимъ впечатлѣніяхъ лѣтописатель исчислялъ худыя предзнаменованія грядущихъ бѣдъ ¹⁷⁾. Черезъ семь лѣтъ, послѣ перваго набѣга, иноплеменици, половцы мнози опять нашли на Русскую землю. Съ половецкимъ нашествіемъ связываются три сказанія, вошедшія въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Первое изъ нихъ (подъ 1068 годомъ) передаетъ краткое извѣстіе о пришествіи иноплемениковъ и о побѣдѣ, одержанной ими надъ тремя Ярославичами: Изяславомъ, Святославомъ, и Всеволодомъ. Извѣстіе это ведетъ въ разсказу о послѣдствіяхъ этой побѣды и о томъ, что случилось въ Кіевѣ, по возвращеніи

---

¹⁷⁾ См. Костомарова монографіи и изслѣдованія. С.-Петербургъ, 1863 г. стр. 11; П. С. Р. Л. т. I, стр. 71.

туда Изяслава. Весь рассказ этотъ, живо обрисовывающій бурную сцену вѣча и освобожденіе народомъ Всеслава Полоцкаго изъ заключенія, есть одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ рассказовъ въ нашей лѣтописной литературѣ. Авторъ его былъ современникомъ событія и лицомъ близкимъ къ очевидцу, если не очевидцемъ событія. Онъ знаетъ, когда Изяславъ посмотрѣлъ въ окно на шумѣвшую толпу, знаетъ, что князю сказалъ „Тукы Чюдинъ братъ“. Рассказъ этотъ слѣдитъ за движеніемъ Половцевъ на Черниговъ и заключается побѣдою, одержанною надъ ними Святославомъ Ярославичемъ.

Событіе внезапнаго набѣга Половцевъ даетъ лѣтописателю поводъ вставить въ рассказъ обширное поученіе, обличающее грѣхи, поганскіе нравы и обычаи соотчичей. Торжество Всеслава Полоцкаго—по мнѣнію лѣтописателя—есть оправданіе силы креста Господня. Всеславъ вѣровалъ въ крестъ честный, а Изяславъ преступилъ крестное цѣлованіе.—Рассказъ о событіи и разсужденіе о силѣ креста принадлежитъ едва-ли иноку, скорѣе-же духовному городскому лицу, не чуждому вѣча, да сверхъ того еще и близкому къ Всеславу Брячиславичу. Поученіе о поганскихъ обычаяхъ вставлено было въ послѣдствіи составителемъ лѣтописнаго свода, подъ впечатлѣніемъ общаго религіознаго характера первоначальнаго рассказа. Тотъ-же составитель могъ въ концѣ распространить разсужденіе о силѣ крестной, начиная со словъ: Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй и т. д.

Второе сказаніе о нахожденіи Половцевъ, являющееся какъ-бы продолженіемъ рассказа о вокняженіи Святополка—Михаила, передаетъ событія битвы подъ Кіевомъ, гибель юноши князя Ростислава, утонувшаго въ рѣкѣ Стугнѣ. Бѣды, нане-

сенныя Половцами, да еще въ праздничные дни, приводятъ повѣствователя къ горькимъ сѣтованіямъ о грѣхахъ людскихъ. Среди этихъ обличеній, не холодныхъ и не надуманныхъ, встрѣчаемъ мы живое изображеніе положенія русскихъ плѣнныхъ, мучимыхъ голодомъ и жаждою: печальни, мучимы, зимою оцѣпляемы, въ алчи и в жажи и въ бѣдѣ опустивше лица, почернѣвшие телеса; незнаемою страшною назидая ходяще и босы ноги имущае сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“ а другіе: „азъ сея веси“ и т. д. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 96).

Полный состраданія къ несчастливымъ согражданамъ, повѣствователь боится ропота на Бога со стороны читателя и, спѣша предупредить горькія сѣтованія на судьбу, обращаетъ рассказъ свой въ поученіе о покорности волѣ Божіей, о праведномъ гнѣвѣ Его и человѣколюбіи. „Се бо азъ грѣшныи — оканчиваетъ онъ свое плачевное сказаніе и много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни“. Ставя себя въ положеніе смиреннаго грѣшника, навлекшаго вмѣстѣ съ другими гнѣвъ Божій на родную землю, авторъ этимъ заключеніемъ какъ-то невольно заставляетъ вспомнить простодушнаго Θεодосіева самовидца. Но не смотря на такой конецъ, самое сказаніе его инаго склада и инаго характера. Тутъ мы видимъ не наивную передачу видѣннаго и слышаннаго, а живую образность, слышимъ огненное слово обличенія, вдохновенное изученіемъ израильскихъ пророковъ. Частые, риторскіе обороты говорятъ за ученость автора. „Гдѣ бо бѣ у насъ умиленіе? нынѣ же вся полна слезъ. Гдѣ бо бѣ вздыханіе? нынѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися избѣнныхъ ра-

ди, иже избыша безаконїи и т. п.“ Все это чуждо слога безыскусственнаго Θεодосьева самовидца. Сказаніе это, по проницательному замѣчанію ученаго, едва-ли написано въ Печерскомъ монастырѣ ¹⁸⁾.

Но въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители написано было третье сказаніе о нашествіи Половцевъ.

Авторъ *сказанія о нашествіи Бояка* (подъ 1096 годомъ) отличается взглядомъ, отреченнымъ отъ мірскихъ событій. Раздраженный прямымъ столкновеніемъ съ Половцами и разграбленіемъ своего монастыря, онъ измѣняетъ спокойному тону. Живо затронутый погромомъ своей обители, монахъ предасть то, чему былъ очевидцемъ. И 20-го того-же мѣсяца придетъ второе Боякъ безбожный, шелудивый, отай, хищникъ къ Кіеву внезапно... и придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутренѣ, и вкльнуша около монастыря и поставиша стяга два предъ враты монастырскими...“ Одни изъ насъ припрятались за домъ монастыря, другіе взбѣжали на самыя зданія; безбожные-же сыны Измаиловы вырубилы монастырскія ворота и пошли по кельямъ. Высѣкали двери и выносили все, что находили въ кельѣ; потомъ зажгли домъ Святыя Владычицы нашея Богородицы; пришли въ церкву, зажгли двери, устроенныя на югъ и другія на сѣверъ. Влѣзли въ притворъ у гроба Θεодосьева, брали иконы, зажигали двери и

---

¹⁸⁾ Бестужевъ-Рюминъ: О составѣ Русск. Лѣтописей, стр. 27. Въ Печерскомъ монастырѣ осталась худая слава о Ростиславѣ Всеволодовичѣ, какъ это видно изъ житія Григорія чудотворца, котораго этотъ князь въ пылу досады велѣлъ бросить въ воду, за что и погибъ самъ, по житію, злою смертію въ водахъ Стугны.

укоряли Бога и законъ нашъ и говорили: гдѣ есть Богъ ихъ? „да поможетъ имъ и ина словеса хульная глаголаху“. Видимо Богъ не помогъ христіанамъ. Самъ разскащикъ въ молитвѣ къ Богу-отмстителю говорить, что поганне осквернили домъ Его и монастырь Матери Его и трупы рабовъ Его, ибо они убили—поясняетъ онъ читателю—нѣсколькихъ отъ братіи нашей. На эта-то покорность волѣ Божіей и сознание труднаго пути, по которому Богъ ведетъ рабовъ своихъ, даетъ возможность возвыситься надъ временными бѣдами. Этимъ-то исповѣданіемъ духовнаго преимущества христіанъ передъ язычниками разсказъ возвышается до искренняго молитвеннаго воодушевленія и оканчивается объясненіемъ происхожденія Половцевъ на основаніи библейскихъ преданій.

Обыкновенно несчастная битва и погромъ давали поводъ къ возгласамъ о грѣхахъ и беззаконіяхъ полуязыческаго общества. Здѣсь же, въ сказаніи о Бонякѣ, нѣтъ обличительнаго элемента: въ авторѣ видѣнъ человекъ, живущій въ средѣ чисто христіанской, то-есть, въ монастырѣ, каковъ былъ Печерскій. Онъ принимаетъ Божью кару скорѣе какъ испытаніе, чѣмъ какъ угрозу. Впечатлѣнію, произведенному на монаха разграбленіемъ монастыря Половцами, мы обязаны цѣлому разсужденію о происхожденіи ихъ. Это книжное мудрствованіе свое авторъ подкрѣпляетъ свѣдѣніемъ о другомъ таинственномъ, заклепанномъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, народѣ Югрѣ, который, какъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюргата Роговича, мѣняетъ Новгородцамъ звѣриныя шкуры на желѣзо.

Въ этомъ повѣствователѣ мы не узнаемъ ни нашего самовидца Феодосьева, ни горячаго автора сказанія о Половцѣ-бомъ нашествіи 1068 года. Склонный къ книжной мудрости и

посвященный въ нее, авторъ сказанія о Бонякѣ не столько интересуется успѣхомъ русскихъ ратей въ борьбѣ съ иноплемениками, сколько мыслями о происхожденіи невиданнаго народа. Слышанное имъ Новгородское сказаніе объ Югрѣ, „языкѣ нѣмомъ“, наводитъ его на мысли о походѣ Александра Македонскаго, съ личностью котораго было связаны въ средніе вѣка представленія о далекихъ странахъ и о невѣдомыхъ народахъ.

Авторъ этого сказанія безъ сомнѣнія занимался лѣтописаніемъ. Склонный къ догадкамъ, предположеніямъ онъ былъ начитанъ и интересовался вопросомъ о происхожденіи народовъ. Въ немъ ничто не препятствуетъ видѣть того, кто задумалъ начать „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ отъ сыновъ Ноевыхъ. Теперь мы перейдемъ къ сказанію, полу-духовному, полу-свѣтскому, полному историческаго интереса и отличающемуся особыми литературными приѣмами.

Переходя къ сказанію о князѣ *Василькѣ Тербовльскомъ*, мы остановимся нѣсколько на томъ, что въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ предшествуетъ этому сказанію.

Слѣдя за лѣтописными разсказами „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ эпоху дѣтей и внуковъ Ярослава, мы видимъ такіе же бѣглые погодные разказы, какъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, но только кругозоръ лѣтописателя шире. Рѣже и рѣже попадаются частныя городскія или монастырскія замѣтки. Все вниманіе сосредоточено на князьяхъ, множившихся и распространявшихъ свои удѣлы на широкомъ пространствѣ отъ Галича Краснаго до Муромъ, Ростова, и съ Новгородскимъ ополченіемъ доходившихъ до Чуди и Югры. Характеризуя событія своимъ приговоромъ, легкимъ словомъ осужденія или похвалы, лѣтописатель имѣетъ главною задачею свить

нить событій вокругъ даннаго года. Живы и образны эти рассказы. Они передаютъ слова князей, посольныя ихъ рѣчи, обрисовываютъ подробности побѣдъ. Но иногда одно событіе, среди всѣхъ остальныхъ, блеститъ подробностями. Таковъ, на примѣръ, рассказъ объ убійствѣ Итларя, писанный или переданный лѣтописателю однимъ изъ дружинниковъ Владиміра или знатнаго княжаго мужа Ратибора. Рассказъ передаетъ всѣ подробности, всѣ имена; знаетъ не только числа, но дни, недѣли и часы происшествій.

Въ событіяхъ слѣдующаго затѣмъ года (6604) появляется сказаніе о нашествіи Боняка съ Половцами на Кіевъ и монастырь Печерскій, писанный монахомъ Печерскаго монастыря.

Объ этомъ сказаніи мы говорили выше. Оно какъ-бы вклеено въ повѣствованіе о борьбѣ Святополка и Владиміра съ Олегомъ Святославичемъ. Подробности этого послѣдняго повѣствованія, какъ на примѣръ, стягъ Мономаха, который Мстиславъ отдалъ пѣхотѣ, составлявшей, подъ начальствомъ Половца Кунуя, правое крыло выступившаго въ сраженіе войска, едва-ли возможно было записать монаху Печерской обители. Но составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ воспользовался готовымъ сказаніемъ о борьбѣ Олега съ сыновьями Мономаха и тѣмъ окончилъ 6604 годъ.

Слѣдующій годъ былъ памятенъ устройеніемъ мира въ Любичѣ и ослѣпленіемъ Василька.

О первомъ событіи сохранилось краткое лѣтописное извѣстіе, вѣрное, точное, живое, писанное не въ Любичѣ, не на мѣстѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ велась лѣтопись. „И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву и ради быша людье вси, но тоемо дьяволъ печалень баше о любви сей, и влѣзе

сатана въ сердце нѣкоторымъ мужемъ и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекущее сице: яко Володимеръ сложился есть съ Василькомъ на Святополка и на тя“... Здѣсь начинается подробное *сказаніе о судьбѣ князя Василька* ¹⁹⁾.

Сперва мы слышимъ какъ Давидъ смущаетъ Святополка, какъ Святополкъ повемногу склоняется на сторону Давида и рѣшается взять Василька. Потомъ взятіе князя въ плѣнъ обманомъ.

Ослѣпленіе Василька рассказано съ такою живостью и съ такими подробностями бытовыми, какія не часто встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ. Рассказъ быстро переходитъ къ послѣдствіямъ ослѣпленія, къ справедливому гнѣву князей на Святополка и Давида, къ миру подъ Кіевомъ, заключенному между Святополкомъ и Владиміромъ, при содѣйствіи мачихи послѣднаго, — миру, условіемъ котораго было сдѣлано нападеніе Святополка на Давида. Тутъ авторъ высказываетъ сочувствіе къ личности Мономаха. Онъ говоритъ о его слезахъ, называетъ его добрымъ, говоритъ, какъ князь этотъ

---

¹⁹⁾ Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV вѣка, стр. 48) называетъ этотъ памятникъ сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька. Академикъ Срезневскій называетъ его же лѣтописными сказаніями Василія, но вслѣдъ затѣмъ какъ-бы склоняется къ мысли, что это не сказанія, а сказаніе объ ослѣпленіи Василька и о событіяхъ затѣмъ послѣдовавшихъ (Древн. памятн. русск. письма и языка, стр. 20). Назвать это сказаніе Василія „сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька“ трудно, потому что оно не ограничивается однимъ этимъ событіемъ. Между тѣмъ нѣтъ и повода отдѣлать рассказъ объ ослѣпленіи отъ рассказа о дальнѣйшихъ событіяхъ, гдѣ собственно и является авторъ Василій.

уважалъ отца и чтить мачиху, и какъ онъ былъ милостивъ къ духовенству и бѣднымъ. Потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разказа объ гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла,—вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разказа.

Возвращаясь къ тому, что случилось во Володимірѣ, гдѣ всю зиму просидѣлъ въ заключеніи ослѣпленный Василько, стерегомый двумя отроками Давида, авторъ впервые говоритъ о себѣ: „Василькови же сущю Володимери, на прежерѣченномъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій и мнѣ ту сущю Володимери, во едину ночь присла по мя князь Давидъ“... Послѣ разказа о переговорахъ между Василькомъ и Давидомъ, которые не привели князей ни къ какому соглашенію, и которыхъ проводникомъ былъ самъ авторъ, онъ переходитъ къ послѣдующимъ событіямъ: къ столкновенію Давида съ братомъ Василька, слѣдствіемъ котораго было освобожденіе Василька и возвращеніе его въ свой удѣлъ. Это случилось около Святоѣ, а весною Василько и Володаръ пошли ратью на Давида. Авторъ повѣствуетъ и объ этой рати, о мщеніи Василька и затѣмъ послѣдовательно переходитъ къ войнѣ Святополка съ Давидомъ, которая, послѣ перваго бѣгства этого послѣдняго князя, обратилась въ войну Святополка съ Володаремъ. Къ Володарю въ послѣдствіи применилъ Давидъ, подкрѣпленный Бонякомъ; на помощь къ Святополку пришли Угры. Счастье склонилось на сторону Давида; Святополкъ потерялъ сына, убитаго на заборолѣхъ Володиміра Волинскаго. Городъ этотъ, послѣ войны, возвратилъ себѣ Давидъ Игоревичъ „и сѣде въ немъ“. Но на второе лѣто, заключаетъ повѣствователь, Святополкъ, Володимірѣ, Давидъ (Святославичъ)

и Олегъ не дали ему Владиміра, но дали ему Дорогобужь, гдѣ онъ и умеръ: „въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь и посади въ немъ сына своего Ярослава“.

Тутъ оканчивается сказаніе о смутахъ на Волини, главною причиною которыхъ было ослѣпленіе Василька.

Сказаніе обнимаетъ событія отъ осени 6605 (1097) до 30-го августа 6608 года, слѣдовательно, событія трехъ лѣтъ. Событія эти составляютъ послѣдовательность историческую. Автору хотѣлось рассказать, чѣмъ кончилась крамола Давида, и не прерывалъ онъ своего повѣствованія до тѣхъ поръ, пока не довелъ его до конца, пока не свелъ Давида со стола Владимірскаго въ ничтожный удѣль, гдѣ этотъ князь уже потерялъ всякое значеніе до самой смерти.

Авторъ сказанія, Василій, какъ онъ себя называетъ устами Давида Игоревича, былъ Волинецъ. Онъ, какъ самъ говоритъ, жилъ зимою 6605 въ Володимірѣ Волинскомъ, когда однажды, ночью послалъ за нимъ Давидъ Игоревичъ. Князь этотъ зналъ его лично и довѣрялъ ему. Изъ этого можно заключить, что онъ былъ не только Волинецъ, но и Владимірецъ. Онъ слѣдитъ за судьбою Володиміра Волинскаго и оканчиваетъ сказаніе тѣмъ, что городъ этотъ достался сыну Святополкову, а Давидъ такъ и умеръ въ Дорогобужѣ. Владимірцы не любили Давида; это ясно изъ того, что они крѣпко стояли за Мстислава Святополчича противъ своего природнаго князя и по убіеніи Мстислава они сами по себѣ держались противъ осаждавшаго ихъ Давида, къ Святополку-же посылали вѣсть, чтобы скорѣе шелъ, а то голодъ принудитъ ихъ сдаться. Лишь только подошелъ къ городу воевода Кіевскій Путята, Владимірцы выскочили изъ города „и почаша сѣчи

воѣ Давыдовы“. Такъ передаетъ самъ Василь въ своемъ сказаніи.

Сказаніе это получаетъ нѣсколько болѣе опредѣленную хронологію при томъ обстоятельстве, что авторъ его зналъ, что Давидъ Игоревичъ умеръ въ Дорогобужѣ, а что Володиміръ Волинскій все еще въ рукахъ Ярослава Святополчыча.

Сказаніе писано послѣ 25-го мая 6620 года и до лѣта 6625 года, то-есть, въ пятилѣтіе между 1112 и 1117 годами, слѣдовательно, въ началѣ XII-го столѣтія, спустя болѣе 15 лѣтъ послѣ ослѣпленія Василька.

Вспоминая о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Василь пересказалъ ихъ съ точностію современника. Разсказъ его чуждъ всякой искусственности; онъ говоритъ о томъ, что знаетъ близко, и не нуждается ни въ какихъ постороннихъ письменныхъ источникахъ и ни въ чьей помощи. Разсказъ его, дышащій правдою, производитъ тѣмъ самымъ сильное впечатлѣніе. Авторъ чуждъ всякаго лиризма, онъ не останавливается надъ тѣмъ, что передалъ, не восклицаетъ и не передаетъ своихъ соболѣзнованій, воспроизводя сцену ослѣпленія. Съ этой стороны онъ рѣзко отличается отъ другихъ своихъ собратій по перу, какъ напримѣръ, отъ лѣтописателя, рассказывавшаго о нашествіи Половцевъ. Сверхъ того, онъ не вдается и въ религиозный лиризмъ, не сѣтуетъ о грѣхахъ и не превращаетъ разсказа своего въ поученіе. Онъ отчетливо и подробно говоритъ о частностяхъ, и въ томъ собственно цѣль его сказанія: передать то, чему былъ свидѣтелемъ. Въ томъ, что составляетъ продолженіе его разсказа, въ военныхъ событіяхъ, онъ точенъ, правдивъ и вмѣстѣ быстръ, скоръ, какъ и другіе лѣтописатели, пересказывавшіе не эпизоды войнъ, а самыя войны и ихъ послѣдствія. Но и тутъ въ

одномъ эпизодѣ, когда онъ говоритъ о борьбѣ Угровъ съ Половцами, талантъ его далъ себя знать однимъ выраженіемъ. Человѣкъ, умѣвшій талантливо изображать дѣйствительную жизнь, не могъ не быть чуткимъ къ живому народному поэтическому слову—и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ. Онъ не пропустилъ и того, какъ Бонякъ, союзникъ Давида, по вытѣю волка предъугадываетъ побѣду.

Въ другомъ мѣстѣ этотъ человѣкъ не могъ не откликнуться на другое живое, поэтическое знаменіе, слухъ о которомъ прошелъ почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Святополькъ, ослѣпившій Василька, давшій обѣщанія Мономаху и другимъ братьямъ-князьямъ идти за Василька на Давида и тѣмъ изгладить вину свою, цѣловаль крестъ Васильку и Володарю на томъ, что хочеть имѣть съ ними миръ и любовь. И вотъ онъ, послѣ того какъ справился съ Давыдомъ и прогналъ его въ Ляхи, идетъ со всѣмъ войскомъ на Володаря и Василька; тѣ напоминають ему его клятву, его крестоцѣлованіе, но онъ преступаетъ крестъ, „надѣяся на множество вои“. Приготовились къ бою, сошлись на полѣ Рожни, и Василько, возвысивъ крестъ, произнесъ: „ты цѣловаль его! сначала ты отнял у меня зрѣніе, а теперъ хочешь взять душу,—да будетъ между нами крестъ сей. И когда сошлись полки, мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Васильковы вои, возвышся вельми“.

Разсказъ Василя простой, живой и образный, чуждъ, какъ мы сказали, лиризма. Онъ только разъ приводитъ текстъ пророка, который былъ въ то время на устахъ у лицъ духовныхъ, какъ противодѣйствіе мести. Язычество, всегда согласное съ природными инстинктами человѣка, покровительствовало этому чувству, возводило его въ добродѣтель; учителя новой вѣры твердили, что Богъ—отместникъ, и мщеніе надо

возложить на Него, по слову пророка: „вздасть мечь врагомъ и ненавидящимъ его“. Это-то изреченіе приводитъ Василь послѣ того, какъ упомянулъ о казни Василькомъ тѣхъ совѣтниковъ Давыда, которые дали ему мысль ослѣпить Василька: „Се же второе мщеніе створи (Василько) его же не быше лѣпо створити, дабы Богъ отмстникъ былъ— якоже рече пророкъ“ и т. д.

Василь-авторъ поражаетъ своимъ безпристрастіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ на нравственной высотѣ практическаго христіанина. Онъ ни разу не произноситъ отъ себя суда надъ злодѣйскимъ поступкомъ Святополка и Давыда, что не преминулъ бы сдѣлать другой повѣствователь его же времени. Но судъ этотъ въ рукахъ читателя, передъ которымъ такъ подробно и ясно очерчены крамола и клятвопреступленіе. Къ одному Васильку онъ нѣсколько строже, но и то потому, что онъ требуетъ отъ него большаго, какъ отъ невинно пострадавшаго. По его понятію, такому страдальцу не подобало мстить. Тѣмъ не менѣе, личности князей въ разсказѣ Василя необыкновенно полно очерчены съ нравственной стороны. Василько является въ привлекательномъ свѣтѣ. Объясняя автору свои ратныя намѣренія, подавшія поводъ опасаться его, онъ говоритъ откровенно о своихъ благородныхъ замыслахъ и вмѣстѣ самъ изрекаетъ себѣ осужденіе за самопадѣянность, за упоеніе этими замыслами: Но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое возвышеніе, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи и Печенѣзи и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайте ми дружину свою молодшую, а сама пійта и веселитася. И помы-

слыхъ: на землю Лядскую наступлю на зиму—и мѣщю Русьскую землю. И посемя хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю.—И се кленуся Богомъ и его пришествиємъ, яко не помыслилъ зла брати своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири“.

Повторяя такія слова Василька, авторъ видимо сочувствуетъ ему и здѣсь и при разказѣ о его страданіи. Но нигдѣ не выражаетъ ему похвалы своей. Во всемъ сказаніи выражено сочувствіе только къ одному Владиміру Мономаху.

Былъ-ли Василь очевидцемъ ослѣпленія? Конечно, не былъ. А если былъ свидѣтелемъ ослѣпленія, то былъ и свидѣтелемъ поимки князя и сопровождалъ его до Здвиженя, и видѣлъ попадью, мывшую окровавленную сорочку князя? Но это не изъ чего не видно. Изъ всего этого онъ знаетъ то, что Василько ему могъ разказать. Да онъ не могъ никакъ быть свидѣтелемъ всего этого. Василько былъ пойманъ безъ людей своихъ, да и онъ не былъ его человѣкомъ. Иди къ тезу своему, а не къ господину своему, говоритъ ему Давидъ, посылая его къ Васильку, съ которымъ онъ и сблизился на Вакѣевѣ дворѣ, въ Володиміръ, и впервые узналъ о замыслахъ Василька. Ни Святополкъ, ни Давидъ не могли его послать съ палачами, онъ не былъ изъ числа людей, подобныхъ Сновиду-ослѣпителю. Такъ откуда-жь онъ взялъ всѣ эти подробности?

Склоняя Василька возложить мщение на Бога, онъ могъ успокоить мстительную душу князя обѣщаніемъ описать злодѣяніе, чтобы случившееся было извѣстно всѣмъ князьямъ-

братьямъ и всѣмъ Русскимъ людямъ. Съ этою цѣлью Василько и могъ рассказать ему всѣ впечатлѣнія свои съ тѣхъ поръ, какъ прислали въ Выдубицкій монастырь звать его къ Святополку на имянины.

Никто, кромѣ самого страдальца, не могъ съ такою точностью передать всѣ обстоятельства событія. Слѣщцу памятна была минута, когда въ его глазахъ Торчинъ острить ножъ, когда притиснули его досками передъ страшною пыткой. Зывая къ праведному суду, Василько постарался узнать всѣхъ людей Святополковыхъ во время пути: онъ еще до ослѣпленія десять верстъ проѣхалъ съ ними и могъ узнать, что Торчина звали Беренди; остальныхъ мужей Святополковыхъ онъ и прежде могъ знать.

Послѣ первой мучительной боли, Василько лишился чувствъ и очнулся только въ другомъ городѣ—Здвижени. И мы ничего не знаемъ, что происходило въ этотъ промежутокъ времени. Съ тѣхъ поръ, какъ очнулся князь, мы опять знаемъ все то, что онъ чувствовалъ, слышалъ, говорилъ, требуя окровавленную сорочку, которую отдали мыть, и въ которой онъ хотѣлъ предстать передъ Всевышнимъ Судією. Василько помнилъ и трудный путь по замерзлой грязи вплоть до Володимира-Волынскаго.

Такимъ образомъ, живымъ источникомъ Василя былъ рассказъ самого Василька Ростиславича. Эпизодъ о перемиріи въ Кіевѣ, гдѣ авторъ приводитъ слова Мономаха, онъ скорѣе всего узналъ въ Кіевѣ. Онъ не постоянно жилъ во Владимірѣ—это очевидно изъ его словъ: „мнѣ суццу тогда въ Володимерѣ“. Объ остальныхъ событіяхъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ Василька, авторъ рассказываетъ какъ всѣ лѣтописатели. Подробности при осадѣ Володимира-Волынскаго ука-

зываютъ на то, что все, касавшееся этого города, было близко извѣстно автору: онъ тамъ жываль. Подробнѣе извѣстны автору событія въ лагерѣ Волынскихъ и Галицкихъ князей, чѣмъ событія въ лагерѣ Святополка-Михаила. Склонность къ Мономаху и пребываніе въ Кіевѣ во время Мономахова пришествія, несочувствіе къ Святополку-Михаилу показываютъ, что авторъ не чуждъ былъ дому Всеволода, и быть можетъ, и монастырю Всеволожу — Выдубицкому. Монастырь этотъ, куда заѣзжалъ помолиться Василько, и былъ, можетъ быть, первою связью между Тербовльскимъ княземъ и авторомъ сказанія о немъ, уроженцемъ земли Волынской. Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, включилъ повѣсть Василя въ лѣтописецъ, переписанный имъ. Вѣроятно постриженникъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ, въ монастырѣ, куда призвало его игуменство, могъ встрѣтить Василю сказаніе или даже самаго Василя, который передалъ ему свой трудъ.

Повѣствователь Василь принадлежитъ къ одному разряду повѣствователей съ Вильгардуиномъ. О немъ мы можемъ сказать то же, что французы говорятъ о своемъ хроникерѣ-разскащикѣ: онъ христіанинъ, хотя и не богословъ; онъ проникнуть чистою вѣрой и простотою христіанина, когда искренно рассказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Его основное убѣжденіе — то, что Богъ наказываетъ за грѣхи. Онъ — не глубоко вдумывающійся въ событія историкъ, а правдивый и практическій разскащикъ. Вѣра въ Бога у него идетъ рука объ руку съ жизненнымъ интересомъ рати. Онъ чутокъ къ нравственному злу, какъ чутокъ и къ жизни военной — въ подробности и въ мелочахъ. Онъ сынъ своего вѣка — вѣка междоусобій и первоученія христіанской религіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Двѣ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ.

—

а) *Повѣсть Іакова Мниха.*

Самовидецъ Θεодосіевъ, въ сказаніи объ успеніи сего святаго, говоритъ, что Θεодосій назначилъ себѣ преемникомъ нѣкоего Іакова пресвитера, пришедшаго въ обитель уже въ иноческомъ санѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ. Но братія не пожелала имѣть игуменомъ лицо, постриженное въ другой обители и указала на Стефана, взросшаго подъ рукою Θεодосія. Діаконъ Несторъ, авторъ житія преподобнаго Θεодосія, постриженный этимъ самымъ Стефаномъ, совсѣмъ не упоминаетъ о волѣ Θεодосія касательно Іакова, хотя и не скрываетъ, что на Стефана указала братія, а не самъ святой игумень.

Такимъ образомъ обдуманная и стройная повѣсть Нестора о Θεодосіи не донесла до насъ имени славнаго пресвитера, котораго передъ всѣми отличилъ самъ Θεодосій и о которомъ хорошо помнилъ авторъ праздиваго, безъискусственнаго сказанія ²⁰⁾).

---

²⁰⁾ Θεодосіевъ самовидецъ: Θεодосій же рече имъ: „да аще отъ мене хочете игумена пріяти, то азъ ство-

Учительный Θεодосій назначилъ себя въ преемники безъ всякаго сомнѣнія просвѣщеннаго черноризца, способнаго поучать братію словомъ и перомъ. Этотъ замѣтный, просвѣщенный инокъ открытъ былъ въ наше время учеными въ лицѣ автора трехъ памятниковъ нашей духовной литературы XI вѣка. Перу Іакова Мниха, по доказательнымъ выводамъ академиковъ: архіепископа Макарія, Погодина, Срезневскаго, принадлежать: а) Сказаніе о убіеніи Бориса и Глѣба, б) Память и похвала Владиміру и в) Посланіе къ великому князю Изяславу-Димитрію Ярославичу ²¹⁾.—Въ Сказаніи „О страстотерпцю свя-

---

рю-вамъ по Божьему строенью“ и наречемъ Іакова преемника, Братіи же нелюбобысть глаголюще: яко не здѣ есть постриженъ; бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Летьца съратомъ своимъ Пауломъ. (Лѣтопись по Лавр. списку подъ 1074 г.). У Нестора: на вопросъ Θεодосія: кто достоинъ быть игуменомъ? вси рекоша, яко Стефану быти достойно по тебѣ игуменство пріяти; блаженный же того призвавъ и благослови на игуменство.... (Памятники Рус. литературы XII и XIII вѣковъ изд. Яковлевимъ. Спб. 1872, стр. LVIII).

²¹⁾ Погодинъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов., I, 326; II, 81, 113, 145, 209. Срезневскій въ статьѣ: „Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI в.“ тамъ же II, 113—130. Архiep. Макарій въ томъ же изданіи, II, 145—157 и въ Исторіи Русской церкви, II, стр. 141—158. Бутковъ отрицалъ тождественность Іакова, назначавшагося преемникомъ Θεодосія, съ авторомъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ (см. Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ Русской духовной литературы—Современникъ т. XXXII, 1852 г.). Мнѣнія Срезневскаго и въ особенности архiep. Макарія, разобравшаго списки этого памятника по тремъ редакціямъ, дали противу-вѣсъ мнѣнію Буткова. Прибавленнымъ позднѣйшими переписчиками вставки, не встрѣчающіяся въ наиболѣе достовѣрныхъ спискахъ, уничтожаютъ сомнѣнія, высказа-

тую мученику Бориса и Глѣба“ авторъ говоритъ, что онъ предполагаетъ писать и объ отцѣ ихъ: „прочая же того (Владимира) добродѣтели индѣ скажемъ“. Въ Похвалѣ же Владимиру онъ свидѣтельствуесть о себѣ, какъ объ авторѣ вышеупомянутаго Сказанія, при чемъ называетъ себя по имени: тако же и азъ худшій мнихъ Іаковъ слышахъ отъ многихъ о блаженномъ князѣ Володимѣрѣ... написахъ и о сыну его, реку же, святую и славную мученику Бориса и Глѣба. Церковное правило митрополита Іоанна II, воссѣдавнаго на Кіевской каедрѣ тоже во время великаго князя Ізяслава-Димитрія, написано черноризцу Іакову, обращававшемуся съ нѣкоторыми вопросами къ своему архипастырю. Такое надписаніе, по мнѣнію архіепископа Макарія, говоритъ за то почетное значеніе, какимъ пользовался этотъ черноризецъ въ кругу современныхъ ему

ня Бутковымъ (Макарія, Истор. Рус. церкви, т. II, стр. 146—147). Въ послѣднее время Д. И. Пловайскій высказался противъ преобладающаго мнѣнія о Іаковѣ Мнихѣ (см. Исторія Россіи примѣчаніе 58). Мы съ своей стороны совершенно не раздѣляемъ мнѣнія нашего талантливаго ученаго по этому вопросу.

Мнѣніе о томъ, что Іаковъ Мнихъ, авторъ Похвалы Владимиру и ипокъ преп. Оеодосія, написалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ; по словамъ г. Пловайскаго, основано на томъ, что въ Похвалѣ Владимиру сочинитель говоритъ о себѣ, что онъ прославилъ его св. сыновей. Развѣ только на одномъ этомъ? А соотвѣтствующее мѣсто въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ? а Переяславлъ и Альта и проч? Г. Пловайскій, не признавая въ авторѣ Іакова Оеодосіева, естественно приходитъ къ тому, что Песторово сказаніе древнѣе т. н. Іаковлева. Послѣднее-же относить къ позднѣйшему времени. На доводы почтеннаго ученаго мы отвѣтимъ ниже, въ примѣчаніяхъ, при дальнѣйшемъ разборѣ повѣстей о Борисѣ и Глѣбѣ.

духовныхъ лицъ. Однако-же Патерикъ Печерскій умалчиваетъ объ Іаковѣ, не смотря на его авторскія заслуги и на любовь въ нему Θεодосія. Можно думать, что, по поставленіи Стефана игуменомъ, Іаковъ переселился въ другой монастырь, княжескій, городской, каковъ былъ между другими и монастырь св. Дмитрія, и Печеряне, и прежде того не расположенные къ нему, какъ къ пришельцу, совсѣмъ исключили его изъ числа своихъ подвижниковъ.

Еще при жизни Θεодосія, въ 1072 году, братья Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались въ Вышегородѣ, для перенесенія мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ. Между духовными лицами, съѣхавшимися на это торжество, было два лица изъ Переяславля: епископъ Петръ и игумень Николай. Съ ними могъ прибыть оттуда-же и пресвитеръ Іаковъ монахъ. На этомъ священномъ празднествѣ послѣдній могъ сойтись съ Θεодосіемъ Печерскимъ и въ слѣдъ за тѣмъ остаться даже въ его обители до смерти святаго отца, послѣдовавшей черезъ три года послѣ перенесенія мощей Бориса и Глѣба ²²⁾. Свидѣтель

---

²²⁾ Въ Повѣсти врем. лѣтъ, подъ 6580, сокращенъ подробный рассказъ Іакова о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба: совокупившеся Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславскій, Михаилъ Юрьевскій, Θεодосій же игумень Печерскій, Софроній святаго Михаила игумень, Германъ игумень святаго Спаса, Никола игумень Переяславскій... и праздноваша свѣтло". Въ сказаніи Іакова (по списку Сильвестрова Сборника; см. „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ изд. Срезневскимъ по порученію Имп. Археол. Общ. 1860 г.) переписчикомъ пропущены имена: князи Святослава и Николы игумена Переяславскаго. въ

умилительнаго торжества Іаковъ могъ слышать и видѣть то, о чемъ онъ повѣствуетъ по поводу благодатныхъ ощущеній князя Святослава, прикоснувагося къ рукѣ одного изъ святыхъ князей мучениковъ. Прославленіе святыхъ братьевъ необходимо вызвало церковныя письменныя произведенія въ ихъ честь: тропарь, стихиры, канонъ и пареміи. Повѣсть же о ихъ подвигѣ и о злодѣйствѣ Святополка должна была быть основною темою этихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. И вотъ, свидѣтель торжества, Іаковъ, взялся за трудное дѣло прославленія святыхъ братьевъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли каковы были историческія сказанія XI столѣтія, писанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, недавно совершившихся и весьма памятныхъ очевидцу. Воспроизведеніе событія давно минувшаго требуетъ отъ автора значительно большей силы творчества и умѣнья владѣть книжною рѣчью. Письменное прославленіе того, чему были свидѣтели отцы, а не мы сами, требуетъ вдохновенія и пѣкоторой, относительно обширной, образованности и школьной выработки. Книжный черноризецъ, діаконовъ Несторъ, поступившій въ число Печерской братіи, при преемникѣ Θεодосіа, Стефанѣ игуменѣ, задумалъ написать повѣсть о житіи святаго устроителя обители, на основаніи господствовавшихъ и упрочившихся въ монастырѣ преданій.

Еще ранѣе Нестора, при Ярославѣ первомъ, митрополитъ Іларіонъ прославлялъ князя Владиміра, и есть основаніе полагать, что Ольга была прославлена въ особомъ сказа-

---

Повѣсти же врем. лѣтъ пропущено также одно имя Никиты, епископа Бѣлозерскаго.

ніи о принятіи ея христіанской вѣры, гдѣ она сравнилась съ луною въ нощи, съ зарею передъ свѣтомъ ²³⁾.

Въ нашу задачу не входитъ разборъ повѣстей о лицахъ, прославившихся святостью. Повѣсть же Іакова Мниха: о убіеніи князей Бориса и Глѣба, какъ повѣсть о событіи, обставленномъ всѣми условіями историческаго разсказа и какъ одна изъ первыхъ повѣстей о событіяхъ русской исторической жизни, вполне принадлежитъ избранному нами кругу литературныхъ памятниковъ.

Второе междуособіе князей новосложившагося государства имѣло особый, отличный отъ перваго характеръ. Не споромъ изъ за охоты, не навѣтомъ какого нибудь Свѣнелда объясняли Кіевляне поступокъ Святополка, а личною его криволюбіемъ и злодѣйствомъ. Ненависть Кіевлянъ къ властолюбивому и криволюбному князю, опиравшемуся на пригородъ Кіевскій (Вышгородъ) или на Ляховъ, по браку его съ Болеславною, совпала съ воззрѣніемъ на него духовныхъ лицъ: „Онъ любилъ только пиръ да вино съ гуслими“ ²⁴⁾. Воспитанный въ язычествѣ, онъ былъ совершенно не похожъ на Бориса, сына христіанки матери, христіанина съ колыбели. Борисъ и Глѣбъ были убиты не на войнѣ, а обманомъ и предательствомъ и тѣмъ вызвали еще болѣе жалости въ сердцахъ современниковъ. Преданія о нихъ были свѣжи, спустя шестьдесятъ лѣтъ по

---

²³⁾ Похвальные Слова Олгѣ входятъ въ составъ Похвалы Владиміру соч. Іаковомъ Мнихомъ, но въ лѣтописный сводъ онѣ не вошли. У составителя лѣтописнаго свода былъ совершенно другой письменный источникъ объ Олгѣ.

²⁴⁾ Въ Повѣсти врем. лѣтъ по поводу Святополка сказано: лютѣ бо граду тому, въ немъ же князѣ упѣ, любяи вино пити съ гуслими.

ихъ кончинѣ, въ то время, когда Іаковъ монахъ взялся за письменное ихъ прославленіе.

Представитель новыхъ, свѣтлыхъ началъ Борисъ, какъ о немъ сохранилось преданіе, вель благочестивую жизнь, съ молодю прилежно читалъ святаы книги, упражнялся въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, былъ послушливъ къ отцу, отличался смиреніемъ и разумомъ въ совѣтѣ княжескомъ ²⁵⁾. Въ добавокъ былъ нѣжно любимъ отцемъ своимъ и любимъ Кіевлянами. Его наружность соответствовала его качествамъ: онъ былъ прекрасенъ (по словамъ Іаковлева сказанія) высокъ ростомъ, плечи имѣлъ широкія; былъ тонокъ въ поясѣ, лицомъ всегда весель и царственно привѣтливъ.

Подлежащій разбору нашему памятникъ повѣствовательнаго творчества XI вѣка отличается не только искренностью и задумчивостью, но и художественностью. Не считая нужнымъ всецѣло пересказывать его содержаніе, мы рассмотримъ его на столько, на сколько это нужно для литературной оцѣнки. Въ своей Исторіи Русской церкви архіепископъ Макарій изслѣдовалъ составъ памятника и указалъ на измѣненія его въ разныхъ спискахъ, онъ же отмѣтилъ позднѣйшія прибавки, вошедшія только въ нѣкоторые списки. Намъ остается указать на литературныя достоинства памятника и сравнить его съ другимъ близкимъ къ нему по времени и по содержанію.

„Родъ правдѣныхъ въ вѣкы въ благословеніи будетъ“ — такими словами начинается наша повѣсть, смиренно озаглавленная сказаніемъ ²⁶⁾. Прославленіе рода

²⁵⁾ Сказаніе Нестора по изд. Срезневскаго, стр. 7 и 8.

²⁶⁾ Сказанія страстотерпцю святую мученику Бориса и Глѣба. Это сказаніе, вмѣстѣ съ сказаніемъ Нестора,

князей русскихъ, изъ племени которыхъ были братья страдальцы, было основною мыслью автора.

„Сице убо бысть“ говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ „малымъ преже сихъ лѣтомъ, сущю самодержцю Рускыя земля Володимеру, сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю Рускую. Прочая же его (Владиміра) добродѣтели индѣ скажемъ, нынѣ же нѣсть время, а о сихъ порядку сице есть“. Воспоминаніе о Борисѣ и Глѣбѣ вызвало воспоминаніе и объ отцѣ ихъ. Потребность восхваленія первыхъ мучениковъ юной Русской церкви сливалась съ потребностью воздать честь просвѣтителю земли. Свое обѣщаніе индѣ сказать о добродѣтеляхъ Владиміра Іаковъ исполнилъ, написавъ житіе и похвалу этому святому князю ²⁷⁾.

Свой прямой разсказъ авторъ начинаетъ съ перечисленія двѣнадцати сыновей Владиміра отъ разныхъ жепъ. Въ этомъ перечисленіи встрѣчаются два Мстислава, два Выпеслава и нѣтъ Станислава, Судислава и Позвизда ²⁸⁾. Преданіе о мно-

---

напечатано было въ Христ. Чтеніи 1849, II. 329—386 и великолѣпно издано Имп. Археол. Общ., какъ мы уже упомянули выше. Архіеп. Макарій перечисляетъ до 12 извѣстныхъ ему списковъ Іаковлева сказапія (Ист. Рус. церкви; II, примѣч. 240, 241, 242 и 243).

²⁷⁾ Похвала князю Владиміру и житіе его соч. Іаковомъ мнихомъ изданы въ Христ. Чтеніи 1849 II, и въ приложеніяхъ къ 1 т. Ист. Рус. церкви архіеп. Макарія.

²⁸⁾ Это одно изъ обвиненій противъ относительной древности Іакова со стороны г. Буткова, опирающагося на Татищева и Іоакимову лѣтопись и па (быть можетъ очень поздніе) синодики Кіевскихъ монастырей. Между тѣмъ какъ въ Повѣсти врем. лѣтъ,

гочисленныхъ сыновьяхъ Владиміра могло быть не точно. Борисъ и Глѣбъ были рождены отъ Болгарини, по словамъ Іакова Мниха. Указавъ на удѣлы, розданные нѣкоторымъ изъ сыновей Владиміра, авторъ самъ удерживаетъ себя отъ сообщенія читателю историческихъ подробностей, боясь распространить свой разсказъ и отвлечься отъ главнаго его предмета: „да не въ многописаніи въ забыть влѣземъ, но о немъ же начахомъ си скажемъ“.

„Шель двадцать восьмой годъ по крещеніи земли Русской. Владиміръ, слышавъ о томъ, что Печенѣги двинулись ратью на Русь, сталъ готовится къ оборонѣ, но вдругъ заболѣлъ и былъ въ великой печали, что не могъ идти противъ безбожныхъ. Въ то время пришелъ къ нему Борисъ изъ Ростова—и вотъ ему то, блаженному и скоро послушливому, передаетъ отецъ много воиновъ и посылаетъ его противъ Печенѣгъ. Борисъ съ радостью взялся за исполненіе возложеннаго на него дѣла“. Вотъ первый поводъ повѣствователю восхвалить, на основаніи текстовъ св. писанія, въ Борисѣ послушливаго сына. Не ограничиваясь тѣмъ, онъ влагаетъ въ уста самому Борису рѣчь, обращенную имъ къ отцу своему. Съ похода Борисова на Печенеговъ начинается и самая драма, и нить разсказа нашего автора болѣе не прерывается. Слѣдя за ходомъ событій, авторъ всецѣло отдается имъ, отдается самой драмѣ. Порою онъ изливаетъ свои чувства, но выражаетъ ихъ не иначе какъ въ драматической формѣ, влагая изобрѣтенныя имъ рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ.

подъ 980 г.: Владиміръ роди сини... а отъ Болгарини Бориса и Глѣба.

„Не найдя Печенѣговъ, Борисъ возвращался домой, какъ на пути его встрѣтила вѣсть, что отецъ его умеръ и Святополкъ скрылъ на время смерть отца: на Берестовомъ, гдѣ умеръ князь, проломали помость и спустили на веревкахъ обернутое въ коверъ тѣло и потомъ тайно отвезли на саняхъ въ Кіевъ, въ церковь святой Богородицы“. Плачь Бориса и его разсужденія о томъ, какъ поступить въ отношеніи къ Святополку, отъ котораго онъ ожидаетъ себѣ погибели составляютъ цѣлый эпизодъ, развивающій передъ читателемъ образъ мыслей блаженнаго князя и борьбу его съ помыслами о славѣ и богатствѣ, о красотѣ лица своего и молодости лѣтъ своихъ. Удаленный отъ событія на многія десятилѣтія, авторъ стоитъ тугъ исключительно на почвѣ внутреннихъ ощущеній Бориса. Рѣчами святаго онъ возбуждаетъ въ читателѣ жалость къ молодому, добровольному мученику (сердце ми горитъ, душа ми смыслъ смущаетъ) и уже облакаетъ его во всеоружіе христіанина, обдумывающаго свой подвигъ:

Что приобрѣтоша братія отца моего, или отецъ мой? Гдѣ бо ихъ житіе и слава міра сего и багренїца и брачины, серебро и злато, вина, медъ и брашна честная, и быстрыи кони и велиціи, имѣнїя многа и дани, и чести безчисленныя, и гордѣнїя, яже о болярѣхъ своихъ.

Разговоръ Святополка въ Вышегородѣ съ Путшею и другими боярами, которыхъ этотъ князь тайно, ночью, созвалъ, отзывается несомнѣнно живымъ преданіемъ, хотя и оснащенъ поясненіями о роли діавола въ этомъ дѣлѣ и сравненіемъ „треклятаго, окаяннаго“ Святополка съ Каиномъ.

Борисъ стоитъ станомъ на р. Альтѣ. Дружина убѣждаетъ его идти сѣсть на столѣ Кіевскомъ: „мы всѣ войны

подъ твою рукою“. Подготовленный заранее читатель уже ждет отъ Бориса великодушнаго отказа: „не буди ми взяти руки на брата своего еще же и на старѣйша мене“. Воины разошлись и князь остался только съ отроками своими.

„Быль день суботній. Въ горѣ, съ отягченнымъ сердцемъ, жалостно гласъ испускаеть Борисъ, сидя въ шатрѣ своемъ“. Съ этого мѣста повѣствователь уже не разлучается съ Борисомъ до послѣдней минуты его жизни. „Слезъ моихъ не презри, Владыко, молился Борисъ и помышлялъ о мученіи и страданіи святаго Никиты и святаго Вячеслава, убитыхъ подобнымъ-же образомъ; воспоминалъ и о святой Варварѣ, какъ убійцею ся былъ ея же собственный отецъ. Его утѣшало и радовало только слово Соломона: праведники во вѣки живутъ и мзда имъ отъ Господа Бога. „Послѣ горячей вечерней молитвы (которой на этотъ разъ не излагаетъ повѣствователь). Борисъ легъ спать. Но сонъ его отъ многихъ мыслей и отъ печали не крѣпокъ: сердцемъ онъ чувствуетъ опасность и помышляетъ о томъ: какъ бы ему вѣру соблюсти и принять вѣнецъ отъ руки Вседержителя. Проснувшись рано и увидавъ, что пора пѣть заутреню, онъ будить своего пресвитера: встань, начни заутреню. Самъ же, обувъ нозѣ и умывъ лице, начатъ молитися Господу Богу. Посланные отъ Святополка приблизились къ шатру еще ночью и слышали голосъ Бориса, пѣвшаго заутреню. Среди шестопсалмія князю сказали, что близка опасность, а онъ себѣ продолжалъ пѣть: Господи, что ся умножиша стужающія ми, мнози возстають на мя— и продолжалъ пѣть псалмы и канонъ, и послѣ заутрени вновь молился передъ иконою Іисуса Христа, просилъ сподобить его принять страсть“.

„И слышался топотъ золь около шатра, и затрепещь Борисъ, и лиль слезы, и опять молился. Священникъ и отрокъ, увидавъ его смущеніе, подняли плачь и говорили: „мильй нашъ господинъ, дорогой! ты не хотѣлъ противиться брату любви ради Христовой“ и т. д. Наконецъ увидали они идущихъ къ шатру: блистало оружіе, гремѣли мечи. И безъ милости прободено бысть честное тѣло святаго, блаженнаго страсотерпца Христова Бориса. Путша, Талець и Еловичъ Ляшко насунули на него копыя. Отрокъ Борисовъ бросился на тѣло его и вопіяль: „я не отстану отъ тебя, господине, дорогой мой“.... Онъ былъ родомъ Угринь, именовъ Георгій. Борисъ возложилъ на него золотую гривну; онъ былъ любимецъ своего князя. Его также пронзили. Раненый Борисъ выскочилъ изъ шатра. И стали говорить убійцы: „что стоимъ, да смотримъ, окончимъ повелѣнное намъ“. Услышавъ это, блаженный молил ихъ дать ему малое время еще помолиться Богу“. Тутъ авторъ излагаетъ горячую молитву Бориса и новую трогательную исповѣдь его въ невиновности передъ братомъ, по окончаніи которой онъ сказалъ: „Братіе скончайте службу вашу и буди миръ брату моему и вамъ, братіе“.....

Умилительныя рѣчи Бориса передъ Богомъ обрисовываютъ весь ужась поступка брато-убійцы, объ отпущеніи грѣха которому страдалецъ тутъ же молилъ Бога. Восхваленіе Бориса авторъ влагаетъ въ души лицъ, присутствовавшихъ при его кончинѣ. Слыша умиленныя слова его, они отъ горькой печали не могли выговорить ни одного слова, но въ душѣ ихъ слагались цѣлыя возгласы на похвалу добродѣтелей князя. Такимъ образомъ скудное подробностями преданіе облечено творчествомъ повѣствователя въ форму одушевленнаго разсказа.

Борисъ предаеть духъ „въ рудѣ Бога жива“, какъ бы подѣ звуки хора, признающаго его правымъ и добродѣтельнымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ и преданіе вторгается въ повѣсть и даетъ нѣсколько живыхъ подробностей, не совсѣмъ согласныхъ съ только что описаннымъ торжественнымъ моментомъ кончины Бориса. Тутъ узнаемъ мы, что Борисъ былъ еще живъ дорогою, когда его везли боромъ, въ верхъ по лѣвому берегу Днѣпра: начать восклоняти святую свою главу... а два варяга прободоста и мечемъ въ сердце и тако скончася, въспріять неувядомый вѣнецъ ²⁹⁾. Если въ разказѣ о погребеніи Бориса проглядываютъ и другія живыя подробности (снятіе гривны съ трупа Георгія, обверченіе тѣла Борисова въ полотно шатра и везеніе его на колѣхъ), то въ слѣдующемъ за тѣмъ эпизодѣ, гдѣ повѣствуется о новомъ зломъ умыслѣ Святополка, мы видимъ отсутствіе всякаго преданія, и какихъ бы то ни было живыхъ чертъ. Тутъ являются передъ нами бѣсы и поясняется ихъ пагубное вліяніе на людей, при чемъ злomu человѣку дается, въ дурномъ смыслѣ, предпочтеніе передъ бѣсомъ, ибо „злой человѣкъ и креста не боится“. Съ замѣчательнымъ простодушіемъ авторъ приписываетъ Святополку, взвѣшивающему свой поступокъ, убѣжденія догматическаго свойства: онъ до-

---

²⁹⁾ Все это мѣсто о вторичной смерти Бориса и о двухъ варягахъ очевидно вставлено въ послѣдствіи, при перепискѣ, какъ и нѣкоторыя другія мѣста, на которыхъ укажемъ ниже.—Борисъ подѣ перомъ одного автора не могъ два раза отдавать душу свою Богу. Въ Повѣсти временъ лѣтъ, гдѣ Борисъ умираеть отъ варяжскаго меча, не сказано ранѣе того о его кончинѣ, хотя-бы и мнимой.

рожить одною земною выгодою и самъ себѣ доказывать, что онъ и безъ того уже вычеркнуть изъ книги живота.

До Глѣба доходитъ другаго рода вѣсть: „отецъ твой боленъ“ посылаетъ ему сказать Святополку, „и зоветь тебя къ себѣ“. И Глѣбъ спѣшитъ изъ Мурома съ малой дружиной ³⁰⁾. Дорогою конь подъ нимъ споткнулся и упалъ въ ровъ и въ этомъ паденіи Глѣбъ надломилъ себѣ ногу. За Смоленскомъ, на р. Смядинѣ шелъ онъ въ кораблецѣ, какъ новая вѣсть пришла ему отъ Ярослава: „не иди въ Кіевъ, отецъ умеръ, а братъ Борисъ убить отъ Святополка“. Глѣбъ сталъ плакать объ отцѣ и о любимомъ единоутробномъ братѣ. Причитанье юнаго Глѣба о своемъ сиротствѣ и объ ужасной смерти брата написано въ самомъ трогательномъ стилѣ. Сцена встрѣчи Глѣба съ его убійцами есть лучшее мѣсто произведенія, по художественности.

Мы видѣли, что Борисъ предугадать опасность и, томясь предчувствіемъ, готовился къ смерти и исдвигу. Глѣбъ же

---

³⁰⁾ „Какъ на признакъ позднѣйшаго происхожденія (сказанія) укажу еще на искаженный разсказъ о смерти Глѣба, будто-бы именемъ отца вызваннаго Святополкомъ изъ Мурома“ говоритъ Д. И. Иловайскій. Между тѣмъ въ Пов. вр. лѣтъ, въ древности которой не сомнѣвается нашъ ученый, разсказъ точно также невѣроятенъ (и пришедшю Глѣбу на Волгу).. Бутковъ доказалъ невѣроятность поѣздки Глѣба изъ Мурома въ Кіевъ въ такое короткое время, но изъ этого ничего другаго не слѣдуетъ, какъ только то, что повѣсть, воскрешая отдаленное былое, грѣшила противъ точности, а иногда и вѣроятія. Но и другое свидѣніе о Глѣбѣ тоже невѣроятно. Борисъ былъ убитъ 24 іюля, Глѣбъ бѣжалъ изъ Кіева тотчасъ-же и нигде не убѣжалъ до 5 сентября; онъ все еще плыветъ куда то, и убійцы настигаютъ его, ѣдущаго въ лодкѣ съ малымъ числомъ слугъ.

изображенъ у нашего автора безпечнымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ. Когда лодка его повстрѣчалась съ лодками Горясѣра и его дружины, онъ обрадовался и сталъ грести на встрѣчу убійцамъ. Они, увидавъ его, сдѣлались сумрачными (о мрачавъ и гребя хуся къ нему), а онъ ждалъ отъ нихъ „цѣлованія“. „И плыли они рядомъ. И злодѣи стали пересказывать въ его лодку и обнажили мечи свои блестящи аки вода. У гребцовъ Глѣбовыхъ весла выпали изъ рукъ и всѣ отъ страха помертвѣли. Борисъ послалъ миръ и прощеніе брату и молился за убійцъ, какъ мужъ, обдумавшій свой подвигъ, какъ христіанинъ, не хотѣвшій поднять руки на брата старѣйшаго; Глѣбъ, увидавъ, что хотять убить его, посмотрѣлъ на враговъ своихъ умиленными очами—весь слезами разливаясь, жалобно вопіялъ: не губите меня, братія милые и дорогіе, не губите меня. Чѣмъ обидѣлъ я брата моего и васъ, господъ моихъ? Если я сдѣлалъ дурное, ведите меня къ вашему князю, а къ моему брату и господину. Помилуйте юность мою, помилуйте и будьте моими господами, а я стану вашимъ рабомъ. Не пожинайте колоса, еще не зрѣлаго, не порѣжьте лозы, еще невыросшей. Это не убійство а бойня (се нѣсть убійство, нѣ сырорѣзаніе). Я не жалуюсь; если хотите крови—я въ рукахъ вашихъ ³¹⁾. Они

---

³¹⁾ Въ Стихирахъ св. Борису и Глѣбу, по списку нач. XIV в.: Возъписта Борисъ и Глѣбъ къ брату.... не убивай наю агнѣцю младу, не порѣжи лозы несотворшее плода. Не пожни класу несъзрѣлу (Срезневскаго—Древніе памятники русскаго письма и языка стр. 242). У Іакова же дословно такъ: „Не пожнѣте мене отъ житія несъзрѣла. Ни пожнѣте класа не оуже съзрѣвша, но млеко безлобія посяща. Не порѣжьте лозы не до конца възърастъшія.....“

схватили его, а онъ взывалъ къ отцу, къ матери, къ братьямъ Ярославу и Борису, къ дружинѣ, потомъ опять къ отцу и наконецъ сталъ молиться. Тогда окаянный Горясѣръ повелѣлъ его зарѣзать, и поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчвнъ, взялъ ножъ и закололъ блаженнаго. И принесется Господеви жертва чиста, свята и благовонна, и взыде въ небесныя обители къ Богу“.

Послѣ этого въ своемъ родѣ прекраснаго эпизода, Іаковъ переходитъ къ событіямъ борьбы Ярослава и Святополка. Судьба „новаго Каина“, послѣ побѣды надъ нимъ Ярослава, обрисована мастерскою кистью. Побѣжденный, онъ обращается въ бѣгство и тутъ поражаетъ его ужасная болѣзнь. Погоня прекратилась, а ему все кажется, что его гонять, и лежа на постелѣ онъ твердитъ: „побѣжимъ, насъ гонять. О хъ мнѣ!“ Онъ не можетъ остановиться въ своемъ бѣгствѣ и погибаетъ въ пустынѣ, между Ляшской и Чешской землею. Могила его, въ противоположность благоуханной могилѣ мучениковъ, представляется испускающею смрадъ золь.

Прежде чѣмъ дойти до исполненія гнѣва Божьяго надъ братоубійцею, авторъ останавливается на Ярославлѣ, какъ на мстителѣ за смерть братьевъ. Три эпизода изъ исторіи борьбы Ярослава съ Святополкомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Всѣ они встрѣчаются въ лѣтописяхъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ; въ древнѣйшихъ-же спискахъ нашего памятника ихъ нѣтъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что они вставлены позднѣйшими переписчиками изъ лѣтописей. Первый изъ этихъ эпизодовъ—избіеніе Ярославомъ Новгородцевъ и примиреніе съ ними въ виду похода на Святополка; второй—встрѣча Новгородцевъ съ Кіевлянами на берегахъ Днѣпра „а вы плотници суще что придосте съ хромцемъ“..... и третій—встрѣча

союзника Святополкова Болеслава съ Ярославомъ на р. Бугѣ: „воевода Буды нача укоряти и т. д.“³²⁾. Если эти эпизоды и заимствованы изъ другихъ источниковъ позднѣйшими распространителями сказанія, то рассказъ о сраженіи при Альтѣ, рѣшившемъ дѣло междоусобія, несомнѣнно принадлежитъ автору повѣсти. Ярославу тутъ влагаются въ уста молитвенныя слова; на мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ, онъ говоритъ: „Се кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко, яко же и Авелева“ и т. д. Сравнивъ погибшаго Святополка съ Каиномъ, Ламехомъ и Іуліаномъ цесаремъ, авторъ оканчиваетъ кровавую драму междоусобія словами: „и оттолѣ крамола преста въ Рустѣй земли и Ярославъ прія всю власть земля Рускыя.

Открытие мощей есть существенное подтвержденіе святости убитыхъ князей. Съ рассказомъ объ обрѣтеніи нетлѣнныхъ тѣлъ мучениковъ авторъ соединяетъ хвалебныя свои моленія, искусно составленныя и проникнутыя любовью ко всей землѣ Русской. Сравнивая братьевъ-мучениковъ съ св. Димитріемъ, а Вышьгородъ съ Солунью, Іаковъ вновь, и быть можетъ не безъ намѣренія, приводитъ христіанское имя любившаго его Изяслава-Димитрія.

Молитвою къ заступникамъ Русской земли и въ Богу

---

³²⁾ Эти эпизоды по слогу, способу выраженія и содержанию рѣзко выдѣляются изъ повѣсти. Отсутствіе ихъ въ древнѣйшихъ спискахъ подтверждаетъ ихъ вставку. Эпизодъ о красотѣ Бориса, нарушающій технику нашей повѣсти, вставленъ также для полноты и не у мѣста: такъ какъ онъ слѣдуетъ послѣ заключительнаго прославленія св. Троицы и передъ сказаніемъ о чудесахъ.

милосердному стройно оканчивается самая повѣсть о князьяхъ-мученикахъ ³³⁾.

Сказаніе о чудесахъ святою страстотерницею есть какъ-бы новая повѣсть съ своимъ особымъ вступленіемъ. Перенесеніе мощей въ новую церковь, при Изяславѣ, отличается у нашего автора не измышленіемъ, а живыми, наглядными подробностями, свидѣтельствующими о томъ, что авторъ былъ очевидцемъ этого духовнаго торжества ³⁴⁾.

Разказы о чудесахъ съ 1072 года конечно не могли существовать до Нестора, ибо Несторъ говоритъ о нихъ, какъ очевидецъ. Разказы эти, равно какъ и повѣствованіе о перенесеніи мощей, во времена Владиміра Мономаха, не входятъ въ тѣ списки Іаковлева произведенія, которымъ Архіеп. Макарій придаетъ значеніе списковъ первичной редакціи. (Ист. Р. церкви, II, стр. 147).

Древнѣйшая, дошедшая до насъ повѣсть есть протестъ противъ крамолы и междоусобія. „Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ“ восклицаетъ авторъ послѣ приведеннаго нами выше мѣста о чистой жертвѣ, принесенной Богу въ лицѣ мученика Глѣба.

---

³³⁾ И тутъ вдругъ говорится о достоинствахъ и наружномъ видѣ Бориса. Очевидная винска, быть можетъ по ошибкѣ поставленная не на свое мѣсто.

³⁴⁾ Въ дверехъ ста рака не поступащи.... Свято-славъ имъ руку митрополичу держащу святаго руку, прилагаше къ вреду имъ же боляше на ши, и ко очима и къ темени... и Святославъ рече къ Бернови... и сня клобукъ и видѣ Бернъ поготь святаго Глѣба, „снять съ главы и вдасть Святополку“.

в) *Повесть Нестора.*

За Иаковомъ Мнихомъ выступаетъ другая авторская личность—преподобнаго Нестора, діакона въ Печерской обители, автора, называющаго себя по имени, въ написанномъ имъ-же житіи преподобнаго Θεодосія, гдѣ онъ говоритъ, что написалъ и о Борисѣ и Глѣбѣ. Дошедшее до насъ „*Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страсотертницу Бориса и Глѣба*“ весьма отличается отъ разобранныго нами произведенія Іакова. Несторъ не знаетъ Іаковлева сочиненія подобно тому, какъ и въ описаніи жизни Θεодосія онъ не знаетъ сказанія Θεодосіева самовидца ³⁵). Несторъ—это писатель наиболѣе книжный. Несклонный обрисовывать событіе живыми чертами, онъ по канвѣ слабаго преданія обыкновенно старается воспроизвести образы, наиболѣе подходящіе къ идеальнымъ представленіямъ церковной литературы житій святыхъ угодниковъ. Онъ дѣласть прославляемыхъ имъ свя-

---

³⁵) Д. И. Иловайскій говоритъ: „нѣтъ вѣроятія, чтобы Несторъ не зналъ и не упомянулъ о трудѣ, сдѣланномъ до него другимъ Печерскимъ инокомъ, еслибы таковой трудъ существовалъ“. Однако же разсказъ о кончинѣ Θεодосія, писанный самовидцемъ, существовалъ и писанъ былъ также Печерскимъ инокомъ, а Несторъ не знаетъ этого труда и совсѣмъ не упоминаетъ о немъ. Да и долго-ли былъ Іаковъ Печерскимъ инокомъ? Не существовало ли своего рода литературное соперничество между писателями Печерской обители и князьими городскими монахами? „Не могъ бы Несторъ“—продолжаетъ г. Иловайскій „исключительно приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ только сокращалъ Іакова Мниха“. Внимательное чтеніе обоихъ памятниковъ показываетъ, что вопросъ о томъ, что одинъ изъ авторовъ сокращалъ другаго, не имѣетъ мѣста.

тыхъ какъ-бы гражданами общечеловѣческаго идеальнаго міра. Холодный, величавый разсказъ его связываетъ святой подвигъ Бориса и Глѣба съ событіями всемірнаго значенія.

Повѣсть начинается издалека, отъ Адама и Евы, отъ исторіи грѣхопаденія. Дойдя не безъ цѣли до Каина и Авеля, повѣствователь удерживается отъ изложенія судебъ ветхозавѣтной церкви: „нѣ не продолжю рѣчи, но въскорѣ извѣщаю“ и прямо переходитъ къ послѣдствіямъ грѣхопаденія и къ искупленію рода человѣческаго. Разсказавъ объ Иисусѣ Христѣ съ главныхъ сторонъ Его дѣяній, отъ воплощенія до вознесенія на небо, Несторъ переходитъ къ апостоламъ, продолжавшимъ Его дѣло проповѣди и чудотвореній. „Умножившимся христіаномъ и требы идольскія упразднишася и погибоша, но только Русская земля оставалась въ прелести бѣсовской. Никто имъ не проповѣдывалъ слова Божія и апостолы туда не заходили. Наконецъ Богъ въ послѣдніе дни смилосердился надъ Русью“. Притчею о дѣлателяхъ, призванныхъ въ виноградъ въ одинадцатомъ часу, авторъ поясняетъ особое милосердіе Божіе къ тѣмъ, кто позднѣе другихъ призванъ въ царствіе Его.

Прославленіе Владиміра, отложенное Іаковомъ до другого времени, является у Нестора существенною частью повѣсти. Несторъ не находитъ нужнымъ называть по именамъ сыновей Владиміра; онъ говоритъ только о двухъ „звѣздахъ свѣтлыхъ, возсіявшихъ посреди тьмы“ Борисѣ и Глѣбѣ. Имѣя въ виду написать не только сказаніе о подвигѣ св. братьевъ, но и житіе ихъ, Несторъ не начинаетъ своего разсказа, подобно Іакову, со смерти св. Владиміра, но повѣствуетъ и о томъ, какъ вообще Борисъ и Глѣбъ проводили жизнь свою. Они жили, по его словамъ, при отцѣ. Борисъ былъ наученъ гра-

матѣ и проводилъ время въ чтеніи житій и мученій святыхъ и всегда молилъ Бога удостоить его идти по стопамъ ихъ. Юный Глѣбъ слушалъ чтеніе и молитвы старшаго брата и хотя былъ „дѣтскъ тѣломъ“, но за то умомъ старъ. Подобно отцу, онъ былъ милостивъ къ нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Бориса въ крещеніи назвали Романомъ, а Глѣба Давидомъ.

Тогда какъ Іаковъ Мнихъ совсѣмъ не упоминаетъ о христіанскихъ именахъ св. братьевъ, Несторъ отыскиваетъ сходство между каждымъ изъ прославляемыхъ имъ князей съ тезоименнымъ ему святымъ. Какъ въ житіяхъ восточныхъ и западныхъ святыхъ достигній возраста угодникъ, возжаждавшій спасенія, неохотно принимаетъ на себя узы брака и часто бѣжитъ ихъ, такъ и Борисъ будто-бы не хотѣлъ жениться, но бывъ умоленъ отцемъ, женился „не похоти ради тѣлесныя, но ради закона цесарьскаго и послушанія отцу“. Врагъ рода человѣческаго, не терпя добродѣтелей Бориса, вошелъ въ сердце брата его, „и же бѣ старѣй ему—Святополкъ“. Страстный, нечестивый Святополкъ у Іакова — на первомъ планѣ. У него есть что-то залято—враждебное къ личности этого нелюбимаго Кіевлянами князя, опозореннаго при самомъ рожденіи на свѣтъ. У Нестора Святополкъ является безцвѣтнымъ орудіемъ духа злобы, воздвигающаго брань на святаго. Начитанный авторъ изыскиваетъ новое сравненіе: Владиміръ съ своею любовью къ младшимъ сыновьямъ напоминаетъ ему древняго Іакова съ Іосифомъ и Веніаминомъ.

Борисъ и Глѣбъ у Нестора очерчены одинаковыми чертами: они оба одинаково умудрены Божественнымъ писаніемъ. Глѣбъ также сознательно, какъ и Борисъ, дѣлаетъ свой послѣдній шагъ. Онъ предчувствуетъ опасность

и предается въ руки убійцамъ съ цѣлью спасти своихъ приближенныхъ отъ напрасной смерти. Передъ кончиною онъ не проситъ пощадь: „святѣй Глѣбъ молчалъ, какъ агнецъ незлобивый. весь умъ имѣлъ къ Богу и, воззрѣвъ на небо, молился“. Такимъ образомъ безцвѣтность въ изображеніи обоихъ братьевъ и подведеніе ихъ подъ одинъ общій типъ составляетъ существенное отличіе повѣсти Нестора отъ произведенія Іакова Мниха.

Любя обобщеніе и вводя повѣсть свою въ кругъ житій святыхъ угодниковъ, Несторъ какъ будто съ умысломъ старается избѣгать собственныхъ именъ. У него Путша и сообщники его называются мужами неистовыми; вмѣсто Печенѣговъ вездѣ ратни, безъ обозначенія народности; даже вѣрный отрокъ Бориса не названъ по имени. Несторъ не называетъ удѣла, даннаго Борису отцемъ и не даетъ имени рѣки, по которой плылъ Глѣбъ, когда его встрѣтили убійцы. Со стороны самихъ фактовъ Несторъ противорѣчитъ Іакову въ слѣдующемъ: 1) У него Глѣбъ узналъ прежде Бориса (ушедшаго на войну) объ умыслѣ Святополка и бѣжалъ въ кораблецѣ вверхъ по Днѣпру ³⁶⁾ 2) Борисъ не предчувствуетъ опасности, радуется вокняженію Святополка и первое время не вѣритъ тѣмъ, кто извѣщаетъ его о намѣреніяхъ старшаго брата. Онъ повѣрилъ только тогда, когда узналъ о бѣгствѣ Глѣба.

---

³⁶⁾ Глѣбъ убѣжалъ и не былъ достигнутъ убійцами своевременно. Это на столько же неправдоподобно, какъ и быстрое путешествіе изъ Муромъ въ Кіевъ. Очевидно, что преданіе о Глѣбѣ, почему онъ былъ около Смоленска, не сохранилось въ точности. Не ѣхалъ-ли онъ къ Ярославу въ Новгородъ путемъ верховьевъ Днѣпра и истоковъ Ловати?

У Нестора нѣтъ ни нѣжныхъ воззваній Бориса къ отцу и брату, ни краснорѣчивыхъ и умилительныхъ причитаній отроковъ Борисовыхъ. О судьбѣ Святополка Несторъ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ, что Богъ не попустилъ „окаянному“ избить всѣхъ своихъ братьевъ и что онъ, въ слѣдствіе крамолы въ народѣ, изгнанъ былъ изъ города и области своей и „скончалъ злѣ животъ свой въ странѣ чужой“. Ярославъ здѣсь вовсе не представленъ мстителемъ за смерть братьевъ. Оканчивая повѣсть свою, Несторъ, подобно Іакову, говоритъ о погребеніи святыхъ братьевъ и тутъ только впервые упоминаетъ о Ярославлѣ: „Пріялъ власть братъ блаженныхъ братьевъ—именемъ Ярославъ. Онъ былъ праведенъ и тихъ и ходилъ въ заповѣдяхъ Божіихъ“. Заключительныя слова житія есть какъ-бы послѣсловіе и введеніе въ новую повѣсть о чудотвореніяхъ отъ гроба мучениковъ. Сказавъ, что онъ окончилъ одно произведеніе (списахъ о житіи и погубленіи) и что переходитъ къ другому (чюдеса мало нѣчто исповѣмъ) авторъ придаетъ послѣднимъ словамъ своимъ требуемую образцовыми житіями форму прославленія Святой Троицы съ заключительнымъ „аминь“.

Въ разказѣ о чудесахъ тотъ-же приемъ въ избѣжаніи собственныхъ именъ людей и городовъ (старѣйшина, властелинъ града, нарочитый градъ). Сперва идутъ чудеса, совершенныя при Ярославлѣ, потомъ говорится о кончинѣ этого князя, создателя храмовъ Божіихъ, и о принятіи власти Изяславомъ, при которомъ также совершились чудеса отъ гроба св. Бориса и Глѣба. Подобно Іакову, Несторъ рассказываетъ о чудесахъ, бывшихъ при перенесеніи мощей въ новую церковь: о невѣри митрополита и паденіи ногтя отъ руки святаго на главу Святослава Ярославича. Но живыхъ подробностей, какія видимъ

у Іакова при описаніи послѣдняго чуда, нѣтъ. Несторъ не перечисляетъ даже духовныхъ особъ, пришедшихъ на праздникъ; онъ помнитъ только одно имя—прославленнаго имъ-же Θεодосія: „Бѣ же, и черноризць множество собралосѧ изъ монастырь своихъ, въ нихъ же бѣ преподобный отецъ нашъ Θεодосій, игумень монастыря Печерскаго, свѣтѧся акы солнце посреде ихъ“. Два чуда переданы Несторомъ, какъ свидѣтелемъ, но и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ и не сошелъ съ почвы искусственнаго отдаленія отъ дѣйствительности: „Въ единъ же отъ днй вошедшю ми нѣкоего ради орудія въ градъ и сѣдшю ми на единемъ мѣстѣ и се пришедши жена нѣкая сѣде близъ мене, ея же нѣсмь зналъ да и до нынѣ. Повѣдаше бо ся изъ инаго града пришедши... 37). И се пакы инъ повѣдаше ми глаголя, яко бѣ нѣ въ коемъ градѣ человекъ слѣпъ....

Похвалу мученикамъ и граду, гдѣ лежатъ ихъ мощи, Несторъ оставляетъ до конца сочиненія, гдѣ и просвѣчиваютъ у него впервые современные ему интересы. Онъ ставитъ святыхъ братьевъ въ примѣръ современнымъ князьямъ: мнози бо суть нынѣ дѣтскы князи не покорящесѧ старѣйшимъ и супротивищесѧ имъ и убиваемы суть. Ти не суть такой благодати сподоблени. Іаковъ осторожнѣе и

37) Не смотри на книжную манеру и искусственность, изглаживающую живыя краски событія, въ разсказѣ о чудѣ, случившемся съ женою „нѣкоею“ есть одно живое и не безынтересное для археолога мѣсто: „она же стояше въ притворѣ церковнемъ, молящисѧ, и се внезапно испадоста ей злати колци, и же ношаше въ оушію свою и кочышмя легоста оу раки святою.“

безъ явнаго укора восхваляетъ братолюбіе. Несторъ, какъ видно, былъ не княждѣй человѣкъ и не писалъ своего произведенія съ цѣлю прославить съ Борисомъ и Глѣбомъ весь родъ князей Русскихъ.

Похвала оканчивается смиреннымъ послѣсловіемъ: Се же азъ Нестеръ грѣшнѣйшій о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ святою и блаженною страсотерпцю сію опаснѣ вѣдущихъ исписавы ³⁸⁾, а другая самъ свѣды. Отъ многихъ мала въписахъ, да почитающе славятъ Бога. Молю же вы... вспоминайте мя и глаголите: Боже, молитвами преблаженную страсотерпцю Бориса и Глѣба очисти грѣхи списавшаго си и т. д.

Своему стройному повѣствованію Несторъ придалъ названіе повѣсти ³⁹⁾. Возвышая свое произведеніе до общечеловѣческаго и церковнаго, Несторъ здѣсь, какъ и въ Житіи Θεодосія, ставитъ себя, смиреннаго и грѣшнаго, у подножія имъ прославленныхъ святыхъ. Это признаніе своего авторства и самыя литературныя приемы, заимствованныя изъ образцовыхъ житій греческихъ, упрочили за Несторомъ память въ обители Θεодосія. Его громкому имени въ послѣдствіи приписывались и другія, чуждыя его перу, литературныя произведенія XI вѣка.

Позднѣе, когда въ теченіи вѣковъ, усердно переписываемыя и распространявшіяся по Русской землѣ, житія Бориса и Глѣба проникли въ народъ, то и онъ зашѣлъ духовный стихъ о князьяхъ мученикахъ.

³⁸⁾ Г. Иловайскій читаетъ испытавы.

³⁹⁾ Таче быша сынове мнози оу Владимера, въ нихъ же бѣста и святая сія, отъ него же и повѣсть сія есть.

Обобщеніе Несторово дошло въ народномъ стихѣ до крайнихъ предѣловъ, и обѣ личности князей совершенно ничѣмъ одна отъ другой не отличаются. Братья князятъ въ одномъ и томъ-же городѣ; Святополкъ пишетъ имъ обоимъ вмѣстѣ грамоту; мать обращаетъ къ нимъ обоимъ свою рѣчь, свое эпическое материнское предостереженіе:

Возлюбленные мои чада,
Святые князья, благовѣрные,
Не ѣздите вы къ большому брату,
Къ старѣйшему брату Святополку.

Въ народномъ стихѣ Борисъ и Глѣбъ неразрывны, какъ Касторъ и Полуксъ. Въ симметріи стоятъ они передъ Святополкомъ и просятъ у него пощады: „Борисъ упалъ ему въ правую ногу, Глѣбъ упалъ въ лѣвую“. Бориса пронзили копьемъ, Глѣба зарѣзали ножомъ: вотъ однако-же черта разъединенія, сквозь которую проглядываетъ историческая правда.— Такое-же обобщеніе Бориса и Глѣба замѣчаемъ и въ стихирахъ, писанныхъ для церковной службы, гдѣ такъ-же какъ и въ народныхъ пѣсняхъ говорится и о плачѣ матери. Похвальные молитвы, прославляющія братьевъ мучениковъ, проникнуты чувствомъ любви къ отечеству, и въ нихъ Борисъ и Глѣбъ являются заступниками земли Русской.

Духъ и направленіе обѣихъ повѣстей переходятъ и въ другіе памятники литературы повѣствовательной, поучительной и хвалебной. Князья, убитые измѣною, какъ Ярополкъ, сынъ Ярослава I-го, Андрей Боголюбскій, или погибшіе въ Ордѣ, какъ Михаилъ Тверской, обыкновенно сравниваются лѣтописателями съ Борисомъ и Глѣбомъ, убійцы-же ихъ съ Горясѣромъ. Тѣ изъ князей, которые готовятся къ подвигу и смерти,

воодушевляются, по свидѣтельству повѣствователей, примѣромъ святыхъ братьевъ.

Жертвы междоусобія, Борисъ и Глѣбъ, являются загробными примирителями князей. У гроба св. братьевъ Святополкъ Михаилъ снялъ оковы съ племянника своего Ярослава Ярополчича. Предстательству этихъ святыхъ приписываются многія побѣды послѣдующихъ временъ и между прочимъ побѣда Александра надъ Шведами, въ землѣ Ижорской. Передъ побѣдой на берегахъ Невы они явились одному мужу, который стерегъ путь отъ враговъ на берегу моря и не спалъ всю ночь. Съ восходомъ солнца зашумѣло море и на волнахъ показалась лодка. Гребцы были одѣты мглою, въ срединѣ-же стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ въ красныхъ одеждахъ. И сказалъ Борисъ, „брате Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру“. Принявшій смерть въ лодкѣ Глѣбъ и въ загробномъ мірѣ является повелителемъ гребцовъ.

Въ своемъ воззваніи къ Тверичамъ молитвенно вспоминаетъ святыхъ братьевъ вел. князь Александръ Михайловичъ, когда онъ готовится напасть на Татаръ. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ говорится, что Борисъ и Глѣбъ, наравнѣ съ другими святыми и полкомъ ангеловъ, помогали Димитрію.

Такимъ образомъ исторія, литература и народная поэзія свидѣтельствуютъ о значеніи, какое имѣли на Руси повѣсти, прославившія князей, первомучениковъ новой Русской церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОВѢСТИ О СВ. ВЛАДИМИРѢ:

ХВАЛЕБНАЯ ПОВѢСТЬ ІАКОВА МНИХА. ЖИТІЕ, ИЛИ ИСПЫТАНІЕ. ДРУГІЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ, КАКЪ ЦЕРКОВНАГО, ТАКЪ И ДРУЖИНАГО ХАРАКТЕРА И ИХЪ РАЗМѢЩЕНІЕ ВЪ ПОВѢСТИ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ.

Въ началѣ предыдущей главы мы видѣли, что прославленіе св. князей Бориса и Глѣба вызвало въ повѣствователяхъ о ихъ подвигѣ потребность прославить и отца ихъ, крестившаго Русскую землю. Несторъ съумѣлъ соединить эти двѣ задачи и сравненіемъ Владиміра съ св. Евстафіемъ Плакидою показалъ въ князѣ—просвѣтителѣ челоуѣка предъизбраннаго и непосредственно озареннаго откровеніемъ свыше. Іаковъ Мнихъ сдержалъ обѣщаніе, данное имъ читателю, въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, и идѣ сказать о добродѣтеляхъ Владиміра. Сочиненіе его, написанное въ похвалу равноапостольному князю, заглавлено слѣдующимъ образомъ: *Память и похвала князю Русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Русскую отъ конца и до конца и како крестися баба Владимирова Ола преже Во-*

лодимера. Списано Іаковомъ Мнихомъ. Господи благослови, отче ⁴⁰⁾.

Подобно Нестору, Іаковъ полагаетъ, что Владиміръ былъ предъуготовленъ къ принятію вѣры христіанской съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Но подвигъ князя вызываетъ воспоминаніе о бабѣ его, Ольгѣ, вліянію которой приписывается то, что сердце внука разгорѣлось святымъ Духомъ, хотя святаго крещенія. Проникаясь словами апостола Павла къ Тимофею: „и что слышалъ ты отъ меня черезъ многихъ свидѣтелей, то передай вѣрнымъ людямъ, которые способны будутъ и иныхъ научить“, и стараясь слѣдовать примѣру апостола Луки, рѣшившагося писать Теофилу о дѣяніяхъ апостоловъ „понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ“ ⁴¹⁾, Іаковъ какъ-бы готовится подробно повѣствовать о дѣяніяхъ Владиміра. Свое вступленіе онъ оканчиваетъ припоминаніемъ и о другомъ трудѣ своемъ: „написахъ и о сыну его, реку-же святую и славную мученику Бориса и Глѣба“, причемъ вновь называетъ себя „худымъ мнихомъ Іаковомъ“. Однакоже самое сочиненіе не вполне соотвѣтствуетъ вступленію: изъ повѣствовательнаго оно вскорѣ переходитъ въ хвалебное. Причина такого перехода повѣсти въ панегирикъ заключается быть можетъ въ томъ, что подвигъ Владиміра въ XI столѣтіи былъ излюбленнымъ предметомъ похвальныхъ сочиненій. Съ похвалою Владиміру соединена похвала и Ольгѣ, при чемъ рассказы-

---

⁴⁰⁾ Сохранилось въ спискахъ не ранѣе XVI в., напечатано въ Хр. Чтен. 1849, II, и въ Приложеніи къ I т. Истории Русской церкви архіеп. Макарія.

⁴¹⁾ „Тексты въ этомъ сочиненіи приведены по какому-то древнему, а не по нынѣшнему переводу“ (замѣчаніе архіеп. Макарія).

вается о гробѣ ея въ Десятинной церкви 42). Кромѣ подвига принятія вѣры Іаковъ повѣствуетъ и о другой основной добродѣтели Владиміра—милосердіи. Эта добродѣтель равно огмѣчна и Несторомъ въ житіи Бориса и Глѣба, а именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ, что Глѣбъ былъ милостивъ къ бѣднымъ, подражая тѣмъ отцу свосму. Іаковъ говоритъ о милостынѣ немощнымъ и старымъ, которые не въ силахъ дойти, въ день праздничный, до княжяго двора, но безъ тѣхъ подробностей о припасахъ, развозимыхъ по бѣднымъ, какія видимъ у Нестора (въ житіи Бориса и Глѣба) и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ 43).

42) „Ино чюдо слышите о ней: въ гробѣ, идеже лежитъ честное тѣло блаженныя княгини Ольги, гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица—ту церковь създа блаженный князь Володимеръ... и на верху гроба оконце сътворено и туда видѣти тѣло блаженныя Ольги лежаще цѣло, да иже с'вѣрою придетъ, отворится оконце и видѣтъ честное тѣло лежаще цѣло“.

43) Разсказъ о милостынѣ Владиміра считаемъ мы за весьма древнюю запись, вошедшую въ различные памятники письменности второй половины XI столѣтія, то въ первоначальномъ своемъ видѣ, съ бытовыми подробностями (у Нестора въ Житіи Бориса и Глѣба и въ Повѣсти времен. лѣтъ), то въ пересказѣ (въ Похвалѣ Іакова Мниха и въ Житіи Владиміра).

Считаю не лишнимъ привести эти соотвѣтствующія мѣста, какъ въ первоначальномъ видѣ, такъ и въ пересказѣ.

Житіе Бориса и Глѣба:

Бѣ бо отецъ его (Глѣба) тако милостивъ, яко же и навозѣхъ возити брашно по граду, и оwoць, и

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лавр. списку:

Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Евангеліе чтомо

Сравнивъ гостепріимнаго во славу Божію Владиміра съ святыми мужаами Библіи, Іаковъ останавливается на обычаѣ

медъ, и вино, и спроста рещи, все еже на потребу болящимъ и нищимъ, и проповѣднику глаголющу съ прошеніемъ: еда болитъ кто кде....

у Іакова Мниха:

Болѣ же всего баше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощни и старци не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ послаше. И не могу сказати многы его милостыни: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единѣмъ, но по всей земли Русской, и въ градѣхъ и въ селѣхъ... нищая и сироты, и вдовица и слѣпцы, и хромя и трудоватя, и вси меду и одѣвая, и накормя и напои“.

..... си слышавъ повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье, и яденье и отъ скотъницъ кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощни и болни не могутъ долѣзти двора моего. Повелѣ пристроити кола; въ складше хлѣбы, мяса, рыбы, оwoць разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу въпрошающимъ: кдѣ болни и нищъ не могу ходити и гѣмъ раздаваху на потребу.

Въ Житіи или Испытаніи Владиміра:

Бѣ бо велми милостивъ, по словеси Господни. Бяху же нищи приходяще надворье его по вся дни, и примаху кто чего требоваше; а недужнымъ, немогущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да вѣдомы приносятъ имъ“.

праздновать свѣтло господскіе праздники и поставлять три трапезы: „первую митрополиту съ епископы и съ черноризцы и съ попы, вторую нищимъ и убогимъ, третью себѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ“. За добрыя дѣла, по словамъ Іакова; рука Божія во всемъ помогала Владиміру, и онъ побѣждалъ всѣхъ враговъ своихъ; куда ни шель войною, вездѣ одолѣвалъ. „Радимичи побѣди и дань на нихъ положи. Вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обонхъ. И Ятвѣягы взя и сребренныя Болгары побѣди и Ковары шедъ побѣди я“. Побѣды Владиміра сводятся на главную побѣду—взятіе Корсуни, града греческаго, о которомъ Владиміръ, уже христіанинъ, молился въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Господи Боже, сего у тебе прошу, даси ми градъ сей, да приму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому“.—Мнѣніе о томъ, что Владиміръ крестился въ своемъ отечествѣ, а не въ Корсуни, существовало на Руси до появленія первой нашей лѣтописной хроники. Составитель лѣтописца говоритъ: „се же не свѣдуще глаголють, яко крестился есть (Владиміръ) въ Кіевѣ, и нѣи же рѣша Василеви“ (Повѣсть врем. лѣтъ по Лавр. списку). Авторамъ хвалебныхъ повѣстей, всегда субъективнымъ и способнымъ увлекаться своимъ бнижнымъ замысломъ,

---

Прибавимъ къ этому соответствующее мѣсто изъ старѣйшаго памятника: Похвалы Владиміру, писанной митрополитомъ Іларіономъ: кто исповѣсть многія твои щедроты, а же къ убогимъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и ко всѣмъ требующимъ милости?..... твои бо щедроты и милостыни и нынѣ въ челоуѣцѣхъ поминаеми суть.

легче всего было впадать въ неточности и ошибки, особенно же въ то время, когда повѣсть о быломъ, въ формѣ лѣтописнаго свода, не была у нихъ въ рукахъ.

Передъ кончиною Владиміра, о которой говорится безъ всякихъ бытовыхъ подробностей, авторъ влагааетъ бывшему язычнику въ уста молитву, проникнутую сознаниемъ грѣховъ, совершенныхъ въ „поганствѣ“. Проводивъ душу Владиміра въ міръ, гдѣ ее приняли ангелы и гдѣ отъ руки Божіей она получила вѣнецъ красоты, авторъ останавливается на погодномъ перечнѣ событій Владимірова княженія, воспользовавшись, по всей вѣроятности, готовою повременною записью. „Онъ скончался 28 лѣтъ по крещеніи, на другое лѣто ходилъ къ порогамъ, на третье Корсунъ городъ взялъ; на четвертое церковь каменную святая Богородицы заложилъ, а на пятое Переяславль заложилъ“. Последнее событіе въ особенности важно было для Іакова Мниха, пришедшаго изъ Переяславля въ Кіевъ. „Въ девятое лѣто (по крещеніи) десятину вда церкви святѣй Богородици и отъ имѣнія своего“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ разсматриваемаго нами памятника тѣмъ и кончается Похвала Владиміру. За то въ другихъ спискахъ за этимъ слѣдуютъ лѣточисленныя данныя для событій времени, предшествовавшаго крещенію Руси. Отмѣчены годы гибели Олега (Святославича) у Овруча и убіенія Ярополка мужами Владиміровыми. „И сѣлъ Владимиръ въ Кіевѣ въ 8 лѣто по убіеніи отца своего, 11 іюня 6486 г. крестился же Владимиръ въ 10-е лѣто по убіеніи Ярополка“. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть стремленія повѣствователя прикрѣпить идеальное къ реальному, святое къ земному, наложить на житіе или повѣсть печать лѣтописной достовѣрности.

Таковы то были зачатки исторіи въ повѣстяхъ, прославлявшихъ святыхъ князей Русскихъ.

Владиміръ просвѣтитель былъ средоточіемъ интересовъ древнѣйшихъ Русскихъ писателей. Повѣствованіе о принятіи имъ вѣры Христовой должно было быть одною изъ первыхъ поучительныхъ повѣстей и вмѣстѣ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ о событіи первостепенной важности. По мнѣнію ученыхъ (архіеп. Макарія, Сухомлинова) Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествовало болѣе древнее *Житіе Владиміра*, или *Испытаніе блаженнаго князя Владиміра*. Памятникъ этотъ однако-же весьма ошибочно приписывается все тому-же Іакову Мниху. Житіе Владиміра, или Испытаніе, начинается слѣдующими словами: „Сиде убо бысть преже сихъ лѣтъ суцю самодержцю всея Рускыя земля Володимеру, вѣнуку-же Ольжину, а правнуку Рюрикову..... ходиша же слугы его въ Болгары и въ Нѣмци и видѣша скверная дѣла ихъ и оттолѣ идоша въ Царьградъ“....

Содержаніе этой повѣсти составляетъ: отчетъ слугъ Владиміровыхъ о богослуженіи Болгаръ, Нѣмцевъ и въ Царьградѣ; затѣмъ слѣдуетъ исторія взятія Корсуня: осада, измѣна Анастаса, путившаго грамату на стрѣлѣ о перенятіи колодець, окончательное взятіе города; сватовство за царевну, крещеніе и исцѣленіе Владиміра; наконецъ—возвращеніе въ отчество, истребленіе идоловъ, торжественное крещеніе Кіевлянъ, созданіе Десятинной церкви. Восхваленіе милостыни Владиміра и описаніе смерти его съ бытовыми подробностями, какія видимъ въ Повѣсти Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, заключаетъ *разсказъ* ⁴⁴⁾.

⁴⁴⁾ Умре же на Берестовѣмъ и потаиша и; бѣ бо Святополкъ въ Кіевѣ (у Іакова: Святополкъ потаи смрътъ

Сверхъ того повѣсть украшена вставленными въ нее похвалами Владиміру, при чемъ этотъ князь сравнивается сперва съ Моисеемъ, а потомъ съ Константиномъ. Молитвенныя воззванія къ просвѣтителямъ Константину и Владиміру заканчиваютъ повѣсть, имѣющую характеръ хвалебнаго и умильтельнаго произведенія.

Сходство этой повѣсти съ существенною частью повѣствованія о Владимірѣ, въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, привело, какъ мы уже сказали, нѣкоторыхъ ученыхъ къ убѣжденію, что „Житіе Владиміра“ есть первоисточникъ ⁴⁶⁾. Пресвѣтъ Макарій, на основаніи выраженія: „малымъ преже сихъ лѣтомъ“, встрѣчающагося и въ сочиненіи Іакова Мниха о Борисѣ и Глѣбѣ, равно какъ и на основаніи одинаковаго тамъ и здѣсь описанія погребенія Владиміра, приписываетъ и „Житіе Владиміра“ тому же Іакову. Воззванія къ равноапостольному

отца) и ноцію же межѣ клѣтми прѣмавшѣ по-
мощь, въ коврѣ опритавшѣ и ужѣ свѣсиша на
землю и положиша на сани, везше поставиша се
въ святѣй Богородици, юже бѣ самъ создалъ“.

⁴⁶⁾ У Сухомлинова (О древней Русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ стр. 75—77) между прочимъ говорится: „Въ житіи есть такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ, въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ житіи читаемъ: Волоса идола, его же именовашу скотья бога, велѣ въ Почайну воврещи, Перуна же повелѣ привязати къ коневѣ, къ хвосту и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ также и сравненія Владиміра съ Моисеемъ. При томъ житіе, даже и въ позднѣйшихъ спискахъ, подвергавшихся измѣненію, имѣетъ видъ отдѣльной статьи, а не извлеченія“.

Прибавимъ къ сему, что языкъ житія, несмотря на древность содержанія, подновленъ во всѣхъ, дошедшихъ до насъ спискахъ.

Константину, по словамъ высокоуважаемаго автора Исторіи Русской церкви, напоминаютъ „Похвалу“ Іакова. На это мы замѣтимъ, что выраженіе: „малымъ преже сихъ лѣтомъ“ есть выраженіе слишкомъ общее и нисколько не указываетъ на близость автора къ эпохѣ крещенія Руси. Принявшіе христіанство позднѣе другихъ народовъ Русскіе называли себя долго новыми христіанами, призванными къ Богу въ послѣднія времена. Мѣсто о погребеніи Владиміра, встрѣчающееся во многихъ памятникахъ, могло быть первоисточникомъ и для Іакова. Третье сходство—сравненіе Владиміра съ царемъ Константиномъ; оно уже встрѣчается и въ старѣйшемъ памятникѣ XI-го столѣтія—въ „Похвалѣ“ Иларіона митрополита. Владиміръ и Ольга, по сходству подвига и благочестія, ближе всего подходили къ Константину и Еленѣ. Сопоставленіе нашихъ равноапостольныхъ съ греческими во всякомъ случаѣ было сдѣлано прежде Іакова Мниха.

При незначительномъ сходствѣ, отличіе „Житія, или Испытанія“, отъ „Похвалы“ Іаковлевыя весьма существенно. Іаковъ, подобно Нестору (въ житіи Бориса и Глѣба) починъ въ дѣлѣ принятія вѣры приписываетъ самому Владиміру, отчасти и Ольгѣ, а о послахъ-же и проповѣдникахъ совсѣмъ не упоминаетъ; тогда какъ въ „Житіи Владиміра“ починъ принадлежитъ посламъ, восхитившимъ князя рассказомъ о небесной красотѣ Царяграда, да боярамъ, напомнившимъ Владиміру о его бабѣ, Ольгѣ. Храбрость Русскихъ при взятіи Корсуна въ „Житіи“ подвергнута сомнѣнію; между тѣмъ какъ Іаковъ совсѣмъ не упоминаетъ о заслугѣ Анастаса. Сравненіе Владиміра съ Константиномъ въ „Житіи“ весьма отлично отъ подобаго-же сравненія въ „Похвалѣ“ Іакова. Въ своей заключительной молитвѣ авторъ Житія сперва призываетъ Констан-

тина, а потомъ Владиміра, сперва молитъ избавить отъ бѣды Греческихъ людей, а потомъ уже и Русскихъ. Все это обнаруживаетъ скорѣе Грека, чѣмъ Русскаго ⁴⁶⁾. Русскимъ источникомъ этотъ авторъ воспользовался только разъ, говоря о погребеніи святаго князя,

Авторъ Грекъ утверждалъ, что Владиміръ крещенъ былъ въ церкви святаго Іакова, и что этотъ-же князь поставилъ въ Корсунѣ, на горѣ, церковь во имя св. Василія. Не отъ слѣпоты, а отъ язвы исцѣлѣлъ Владиміръ, по свидѣтельству „Житія“. Во всѣхъ же памятникахъ русскаго происхожденія Владиміръ представлялся начинателемъ и совершителемъ дѣла крещенія. Такимъ образомъ „Житіе Владиміра“ внесло новые элементы въ повѣствованіе о крещеніи Руси.

Независимо отъ „Житія“ появилось другое сочиненіе, гдѣ излагалась — *Беседа Владиміра съ греческимъ философомъ*. Поученіе философа есть замѣчательный по полнотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по сжатости очеркъ священной исторіи. Этотъ очеркъ, или повѣствовательный катихизисъ, прерывается два раза вопросами Владиміра, которые однако, нисколько не нарушая

---

⁴⁶⁾ Бутковъ разгадалъ въ этомъ авторѣ Грека, по имени Θεодосія, переводившаго съ греческаго на славянской для князя Николая Святоши (Разборъ трехъ древн. памят. Русской духовн. литер.).—Послѣ того, какъ наши мысли по поводу повѣствованій о Владимірѣ были изложены въ предлагаемомъ нынѣ трудѣ, мы прочли статью г. Е. Голубинскаго: Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ (Ж. Мин. Нар. Просв. 3-я книга нынѣшняго 1877 года). Авторъ ея единомысленъ съ нами во многихъ пунктахъ касательно повѣствованій о Владимірѣ и приводитъ отчасти тѣ же, что и мы, отчасти и другіе доводы въ пользу того, что авторъ Житія Владимірова былъ Грекъ.

послѣдовательности, служить живою связью между отдѣльными статьями разсказа. Припомнимъ замѣчаніе Карамзина о томъ, что древній писатель нашъ угадывалъ, какимъ образомъ по-дѣйствовалъ на Владиміра Грекъ—проповѣдникъ. Прежде всего философъ представилъ дурныя стороны не-христіанскихъ вѣроученій, потомъ, объясняя разницу въ ученіи Грековъ и Нѣмцевъ, возбудилъ вопросы Владиміра о томъ, чьего тѣла и чьей крови причащаются и тѣ и другіе христіане. Свой долгій разсказъ о сотвореніи міра философъ оканчиваетъ страшнымъ судомъ, при чемъ показываетъ Владиміру изображеніе этого будущаго всемірнаго событія и тѣмъ наконецъ трогаетъ сердце язычника.

Правдоподобія однакоже нѣтъ въ этомъ ученомъ измышленіи, гдѣ внукъ Ольги представленъ дикаремъ, въ первые услышавшимъ о христіанствѣ.

Второй трудъ въ такомъ же родѣ и какъ дополненіе къ первому былъ: *изложеніе ученія Вселенскихъ соборовъ*. Это есть, по словамъ г. Сухомлинова, сокращеніе того самаго символа вѣры, который пространнѣе излагается въ греческихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ „исповѣданіи вѣры“ Михаила Синкела ⁴⁷⁾. Внести эти оба догматическіе труда въ повѣствованіе о Владимірѣ могъ писатель, наиболѣе схожій съ Несторомъ, авторомъ житія Бориса и Глѣба.

Мы видѣли, что и въ повѣствованіи объ этихъ святыхъ Несторъ готовъ былъ довести свой разсказъ о грѣхопаденіи Адамовомъ до искупленія рода человѣческаго включительно,

---

⁴⁷⁾ О древ. рус. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ стр. 65—71.

еслибы не удержала его необходимость начать предпринятое повѣствованіе. Въ повѣсти о Владимірѣ богословствующему и учительному повѣствователю было какъ нельзя болѣе кстати изложить судьбы Божіей церкви, хотя-бы въ формѣ бесѣды философа съ оглашаемымъ язычникомъ.

Владиміромъ, обращаемымъ въ христіанство, могъ преимущественно заняться Несторъ, или вообще человекъ его направленія, его литературныхъ приемовъ, писавшій во славу святой Троицы, въ строго книжномъ духѣ и стилѣ.

Мы видѣли, какъ Несторъ—и быть можетъ и другіе подобныя ему писатели—отдалялся отъ дѣйствительной жизни, избѣгая даже собственныхъ именъ, чтобы не нарушить суесловною правдою величавости всемірно-христіанскаго повѣствованія о событіяхъ русской церковной жизни.

Подобному писателю едва-ли возможно было взяться за повѣсть о быломъ, гдѣ-бы Русь языческая предстала съ своими, столь враждебными духовно просвѣщенному иноку обычаями, съ воспоминаніями о темныхъ личностяхъ некрещенныхъ князей, гдѣ-бы самъ Владиміръ явился мстителемъ своихъ обидъ, женолюбивымъ, роскошнымъ дружинникомъ. Даже побѣды Владиміра надъ окрестными народами не входили въ кругъ интересовъ такого лица, каковымъ былъ Несторъ, авторъ сочиненій о братьяхъ мученикахъ и о преподобномъ Θεодосіи.

А между тѣмъ сохранились и переписывались лѣтописныя замѣтки временъ Владиміра, и свѣжи были въ памяти дружины преданія о старомъ Владимірѣ, ласковомъ князѣ, красномъ солнышкѣ. Въ эпоху, когда составлялись животрепещущія сказанія о недавно совершившихся событіяхъ, естественнымъ образомъ явилась потребность связать настоящее съ былымъ, привести въ стройность разнорѣчивыя преданія и погодныя

записи и письменно разъяснить начало и первые времена Руси, уже приобщенной къ всемирной семьѣ христіанскихъ народовъ, уже призванной въ вертоградъ Христовъ, хотя и не давно, въ единнадцатомъ часу, малымъ преже сихъ лѣтомъ, какъ говорилось въ запечатлѣвшихъ это приобщеніе, это призваніе памятникахъ письменности XI вѣка.

Въ разсказѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ о Владимірѣ замѣчаемъ обиліе письменныхъ источниковъ, которыми воспользовался древній историкъ нашъ. Сверхъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій о святомъ Владимірѣ у составителя было въ рукахъ „сказаніе о томъ, какъ къ князю приходили прѣповѣдники вѣры“ и „сказаніе о Грекѣ философѣ“. Последнее имѣло цѣлью изложить исторію челоуѣчества по ученію вѣры отъ сотворенія міра до страшнаго суда. Въ лѣтописномъ сводѣ сему сказанію предпосылается первое изъ только что упомянутыхъ нами сказаній, въ которомъ можно видѣть вариантъ „Сказанія о развѣдываніи вѣроисповѣданій“, сказанія, составлявшаго существенную часть „Испытанія, или Житія“, написаннаго Грекомъ. Но вариантъ этотъ имѣетъ свѣтскій дружинный характеръ и чисто русское происхожденіе.

Возвышенный авторъ церковныхъ повѣстей, Несторъ, изобразилъ Владиміра подобнымъ св. Евстафію Плакидѣ: князя разжигало непосредственное дѣйствіе благодати Божіей, какъ-бы помимо его самого. Менѣе другихъ догматическій и сердцемъ преданный княжескому роду Іаковъ Мнихъ приписывалъ дѣло обращенія настойчивому стремленію Владиміра и влиянію бабы его Ольги. Писатель Грекъ указывалъ на красоту царградскаго богослуженія съ желчнымъ порицаніемъ римскаго обычая. Дружинникъ по своему передалъ это преданіе о развѣдываніи вѣры: у него Владиміръ явился хитрымъ и мудрымъ

и соединилъ въ себѣ величавый образъ равноапостольнаго просвѣтителя съ типомъ ласковаго стольно-кѣвскаго князя.

Весь рассказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о Владимірѣ язычникѣ, по тону и характеру, ближе къ свѣтскому преданію и къ эпической поэзіи, чѣмъ къ церковной идеализаціи; по правдоподобности однакоже онъ ближе къ исторической правдѣ, чѣмъ къ міру фантазіи.

„Слышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, убоился Владиміръ и бѣжалъ за море“ вотъ первое слово о Владимірѣ и вступленіе въ его исторію. Въ исторіи отца его лѣтописатель рассказывалъ, какъ Новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава и какъ Добрыня научилъ ихъ просить себѣ въ князя Владиміра. „Добрыня былъ ему дядя—поясняетъ лѣтописатель—братъ его матери, Ольгиной ключницы Малуши, а отецъ ихъ (ея и Добрыни) былъ Малкъ изъ Любеча“. Такимъ образомъ „робичичъ“, сынъ ключницы, благодаря заступничеству дяди, получаетъ княжеской столъ. Младшій изъ сыновей Святослава, малоправный по незнатности рода матери, Владиміръ вскорѣ бѣжитъ за море и безъ борьбы отдаетъ свой Новгородской столъ посадникамъ Ярополка. Окрѣпшимъ и сильнымъ возвращается Владиміръ изъ за синя-моря, и съ тѣхъ поръ характеръ неодолимаго врагами остается за нимъ до самой смерти. Мы однакоже не хотимъ сказать, что все что говорится о Владимірѣ баснословно, а только ставимъ на видъ, что преданія о немъ, прежде робкомъ и безсильномъ, а потомъ неустрашимомъ и побѣдоносномъ, не лишены той поэтической окраски, въ силу которой личность изъ міра дѣйствительнаго переносится въ міръ эпической поэзіи. Просто, какъ-бы безъ затрудненія, свергаетъ онъ посадниковъ въ Ново-

городѣ и велить имъ ѣхать въ Кіевъ и сказать Ярополку, чтобы тотъ готовился на битву съ нимъ.

Черта эта показываетъ ту увѣренность въ побѣдѣ, которую обыкновенно отличаются богатыри. Первая побѣда Владиміра и взятіе имъ Полоцка объясняется мщеніемъ за отказъ Рогнѣды. Составитель лѣтописнаго свода смягчилъ нѣкоторыя черты этого преданія. Позднѣйшій лѣтописатель донесъ его до насъ съ большей полнотою, черпая изъ источника живаго устнаго преданія ⁴⁸⁾. Вторая побѣда Владиміра, взятіе имъ Кіева, описана съ подробностями. Тутъ событіе старыхъ временъ приурочивается повѣствователемъ къ извѣстной мѣстности въ Кіевѣ. Ровъ, которымъ Владиміръ окопалъ свой станъ, подъ Кіевомъ, между „Капичи и Дорогожичи“ существуетъ, по словамъ повѣствователя, „и до сего дня“. Подкрѣпленіе разсказа изъ былыхъ временъ указаніемъ на мѣсто и на происхожденіе названія урочищъ есть одинъ изъ любимыхъ приемовъ разсказчика о былыхъ временахъ ⁴⁹⁾.

⁴⁸⁾ Разсказъ о несостоявшейся казни Рогнѣды Владиміромъ помѣщенъ въ лѣтописяхъ XII столѣтія: „о сихъ же Всеславичахъ, сице есть, яко сказа ша вѣдущіи..... (П. С. Р. Л. т. I, стр. 131).

⁴⁹⁾ Вотъ мѣста, гдѣ слѣды прошедшаго подкрѣпляются современностью:

1. Володѣютъ Козари Русскіе и до днешняго дне.
2. Погребоша (Аскольда) на горѣ, еже си нынѣ зоветъ Угорское, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ, а Дирова могила за святою Ориною.....
3. И погребоша (Олега) на горѣ, иже глаголется Щековица: есть же могила его до сего дни, словоет могила Ольгова.
4. Водиша (хрестыанскую Русь) ротѣ въ церкви святаго Ильи аже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни.

Въ повѣсти о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ источникомъ служило преданіе или пѣсня дружинниковъ, скорѣе сочувственная Ярополку, чѣмъ Владиміру. Виновникомъ удачи Владиміра былъ Блудъ, воевода Ярополка. Черты эпическаго

5. Есть могила его (Шгоря) у Пскорьствѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

6. Бѣ бо тогда вода текуци въ здолѣ горы Кіевскія и на Подолѣи не сѣдиху людѣе, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь баше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсице бѣ внѣ града и бѣ внѣ града дворъ другици, идѣже есть дворъ дѣмьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень.

7. Суть становища ея (Ольги) и ловища ея суть по всей земли: знаменья и мѣста и повости, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Двинѣ, и есть село Ольжичи и доселѣ.

8. Суть бо Греци льстиви и до сего дни.... и рече имъ Святославъ....

9. И погребоша Ольга (Святославича) на мѣстѣ у города Вручегу, и есть могила его и до сего дне у Вручегу.

10. Стояше Володимерь обрывъ въ Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ и есть ровъ и до сего дне.

11. Есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ.

12. И постави кумиры на холму.... на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ святою Василіа.

13. И бѣ дворъ его (Варяга) идѣже есть церкви святая Богородица, уже сдѣла Владимерь.

14. Русь корятся Радимичемъ.... Радимичи платятъ дань Руси повозъ везуть и до сего дне.

15. Взя же (Владиміръ) мѣднѣ двѣ капищи и 4 коя мѣднѣи, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею.

16. Влѣто 6539 Ярославъ посади своя по Ръси и суть до сего дне.

склада этого разсказа видны какъ въ вызовѣ сдѣланномъ Ярополку Владиміромъ, такъ и въ словахъ Блуда къ Ярополку, уцѣлѣвшихъ въ пересказѣ Нивоновской лѣтописи: „Не можетъ противу стати братъ твой меншіи Володимерь, якоже синица на орла брань сотворити“.... (П. С. Р. Л. т. IX 39). Источникъ, изъ котораго почерпнулъ нашъ повѣствователь свой разсказъ не благопріятствовалъ Владиміру, и вотъ онъ съ этическимъ безпристрастіемъ произноситъ свой строгій судъ надъ преданнымъ Владиміру воєводою и надъ всѣми подобными ему измѣнниками: „горши бо суть бѣсовъ таковіи“. Тексты священнаго писанія на тему измѣны придають книжный, поучительный характеръ пересказу древняго словеснаго произведенія объ измѣнникѣ Блудѣ и вѣрномъ Варяжкѣ, о мягкомъ, довѣрчивомъ Ярополкѣ и жестокомъ Владимірѣ. Послѣдній не высказываетъ сожалѣнія о лютой смерти брата, поднятаго на двухъ мечахъ, между тѣмъ какъ Ярополкъ горько плачетъ о смерти Олега, погибели котораго онъ не искалъ. Однакоже повѣствователь нашъ не останавливается съ уворомъ на Владимірѣ. Чувства, воз-

---

17. Печенѣзи..... ступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья Русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града.

18. Въ лѣто 6552.... умре Брячиславъ.... и Всеславъ сынъ его сѣде на столѣ его. Рекоша бо волсви матери его: се язвено навязи нашъ да носить е до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дне на собѣ....

Послѣднее извѣстіе писано до 1102 года, года смерти Всеслава. Слѣдовательно лѣтописи и до появленія свода писались по памяти о старыхъ годахъ и приеѣмъ указывать на съ день. на современность, при разсказѣ о старинѣ, былъ у древнѣйшихъ лѣтописателей въ обычаѣ.

бужденныя въ христiанинѣ похищенiемъ несправдливой жецы брата, повѣствователь переносить на нечестивый плодъ отъ злаго корени, на Святополка, объ оканствѣ котораго онъ имѣеть въ виду вести рѣчь. Отдѣняя сильными красками беззаконiя Владимiра—язычника, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь смягчить свой рассказъ и даже довести читателя до умиленiя, повѣствователь иногда забѣгаетъ впередъ, къ временамъ Владимiра—христiанина. Такъ, рассказавъ о требахъ языческаго кумиропослуженiя, осквернившихъ холмъ Перуновъ, онъ восклицаетъ: „на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ святаго Василiя, якоже послѣди скажемъ“. Говоря о невѣроятномъ женолюбiи Владимiра, онъ тѣмъ-же способомъ сопоставленiя смягчаетъ виновность князя. Владимiръ, по словамъ его, уподобился женолюбивому Соломону, но былъ лучше Соломона: „тотъ мудръ бѣ, а наконецъ погибъ; се же бѣ невѣголъ, а наконецъ обрѣте спасенiе“.

Письменными первоисточниками повѣствователь воспользовался всецѣло и распредѣлил ихъ стройно, расположивъ по годамъ. Къ одному году приурочилъ онъ разговоръ Владимiра съ иновѣрцами—проповѣдниками и бесѣду его съ греческимъ философомъ; къ другому году привязалъ свою передѣлку житiя Владимiрова, начинавшагося рассказомъ о посольствѣ княжскихъ людей въ чужiя страны для испытанiя вѣры. Точному, дословному пересказу первоисточника о крещенiи Руси предпослано вступленiе, рѣзко отличающееся по тону и смыслу отъ „Житiя или Испытанiя“, писаннаго Грекомъ. Владимiръ, создавъ бояръ своихъ, рассказываетъ имъ о томъ, что къ нему приходили разные иновѣрцы: и что „Греки хитро и чудно сказуютъ, любо послушать ихъ: о бытiи всего мiра и о томъ, что кто ихъ вѣры—тогъ, хотя и умеръ, встанеть и не умретъ

во вѣки, а если кто приметъ другой законъ—будетъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть. Да что ума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояри и старци: вѣси, княже, яко своего никтоже хулитъ, но хвалить, аще хощени испытати гораздо, то ямаши у себе мужи: пославъ испытай и т. д. И бысть любя рѣчь князю, и избрана мужи добры и смыслены числомъ 10 и рѣша имъ: идѣте первое въ Болгары.....

Эта бесѣда Владиміра съ дружиною, этотъ разумъ дружины и недовѣріе къ Грекамъ, все указываетъ на то, что источникомъ этого вступленія въ повѣсть о принятіи вѣры были дружинныя повѣданія о томъ, какъ случилось великое событіе. Все это мѣсто связываетъ рассказы о проповѣдникахъ въ Кіевѣ съ житіемъ Владиміра.

„Греки хулятъ всѣ законы“ сказали Владиміръ, и дѣйствительно въ „Житіи или Испытаніи“ рѣзко говорится о католикахъ. Новопросвѣщенному народу, изъ язычества перешедшему въ лоно церкви Христовой, непонятна была эта нетерпимость, и вотъ нашъ историкъ, рассказывая о посольствѣ въ чужія земли, по Житію, выпустилъ отзывъ о вѣроисповѣданіи Нѣмцевъ. Къ новой годовой цифрѣ приурочено взятіе Корсуна, крещеніе и бракъ Владиміра: И миновашю лѣту иде Володимеръ съ вои на Корсунъ....

Тутъ есть два незначительныхъ отличія отъ первоисточника, по поводу крещенія и исцѣленія Владиміра. Въ Житіи сказано, что Владиміръ былъ крещенъ въ церкви св. Іакова и исцѣлился отъ язвы; въ Лѣтописцѣ-же, что первое событіе произошло въ церкви св. Василія и что Владиміръ былъ боленъ глазами и получилъ исцѣленіе отъ слѣпоты. Такимъ образомъ лѣтописатель—историкъ не рабски слѣдовалъ пись-

менному первоисточнику, но измѣнялъ то, что ему казалось невѣрнымъ. Онъ также пропускалъ то, что было измышленіемъ автора и не прямо относилось къ описываемому событію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, гдѣ могъ, распространялъ рассказъ. Въ исторіи взятіи Корсуна мы видимъ у него подробности, какихъ нѣтъ въ Житіи, какъ напримѣръ: подробности о подкопѣ Корсунянами городской стѣны, или о томъ, какъ Анна говорила царямъ братьямъ, что идетъ замужъ, какъ-бы въ плѣнъ. — Преподанное окрещенному Владиміру ученіе вѣры, пополняющее бесѣду философа, удачно приурочено къ Корсуню. Въ слѣдъ за этою обширною вставкою опять продолжается „Житіе“: Володимеръ же поемъ царицю и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фива“ и т. д.

Автора „Житія“ не могло интересовать то, что Владиміръ съ священными предметами захватилъ двѣ статуи мѣдныя и четыре мѣдныхъ-же коня. Лѣтописателю—Кіевлянину естественно упомянуть объ этомъ; онъ знаетъ, что эти кони и нынѣ стоятъ за „святою Богородицею“ и оспариваетъ мнѣніе невѣдующихъ, считавшихъ эти изваянія за мраморныя. Въ „Житіи“ сказано кратко, что Владиміръ повелѣ дѣти учити грамотѣ, у нашего лѣтописателя читаемъ: пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача въ наученье книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Обученье грамотѣ Русскихъ дѣтей приводитъ лѣтописателя въ умиленіе. Хвалами Богу, просвѣтившему Русь, заключается сложная повѣсть о крещеніи князя и народа Русскаго.

Характеръ Владиміра, послѣ принятія имъ новой вѣры,

измѣняется. Молитвы, вложенныя авторами первоисточниковъ въ уста Владиміру, создателю церкви, историкъ приводитъ каждую въ своемъ мѣстѣ. Черты гостепріимства, хлѣбосолюства и милосердія лѣтописатель относитъ только къ Владиміру—христіанину „помнившему слова Писанія“. Не столько на угощеніе церковныхъ людей, сколько на чествованье дружины обращено вниманіе повѣствователя: „каждый недѣльный день сходились на пиръ въ гридницѣ его боляре, гриди, сотскіе, десятскіе и нарочитіи люди при князи, и безъ князя. Бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бѣше по изобилью отъ всего“. Но книжныя воспоминанія дружинниковъ вновь звучать въ этомъ отрывкѣ, въ слѣдъ за которымъ идетъ знаменитый рассказъ о серебряныхъ и деревянныхъ лжицахъ. Выраженіе подъяхутся дополняетъ картину пира, гдѣ еще не были упомянуты „питья медвяныя“. Изреченіе-же ласковаго князя: яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ доискася дружиною злата и серебра есть передѣлка книжнымъ языкомъ выраженій эпической поэзіи. Троекратное повтореніе о серебрянѣ и золотѣ и самое это „злато—серебро“ есть слѣдъ былиннаго склада въ рассказѣ о лжицахъ ⁵⁰⁾.

---

⁵⁰⁾ Д. Н. Майковъ сопоставляетъ это мѣсто лѣтописи съ былинкою, дошедшею до насъ путемъ изданія сборниковъ произведеній народной словесности, со словъ народныхъ пѣвцевъ нашего времени. (Кирѣев. III. 53).

У меня ли нѣтъ злата—серебра?

У меня ли нѣтъ красна золота—

отвѣчаетъ Владиміръ подгулявшимъ богатырямъ (О былинахъ Владимірова цикла. Изслѣдованіе. Спб. 1863 г. стр. 231).

Тутъ же лѣтописатель прибавляетъ, что Владиміръ любилъ дружину и думалъ съ нею о строи земленѣмъ и о ратехъ и уставѣ земленѣмъ. И бѣ живя съ князи околними миромъ..... и бѣ межю ими миръ и любви. Свою повѣсть о миролюбивомъ, ласковомъ, милосердномъ Владиміръ лѣтописатель оканчиваетъ разговоромъ о томъ, какъ изъ боязни грѣха князь пересталъ казнить разбойниковъ, отчего они и размножились и какъ епископы научили князя быть правосуднымъ и какъ онъ послушался ихъ совѣта.

Были въ письменности XI-го столѣтія и еще другія преданія о Владиміръ: во первыхъ, дружинныя о богатыряхъ его времени, во вторыхъ, церковныя о разныхъ Печенѣжскихъ князьяхъ, принимавшихъ христіанскую вѣру по примѣру Владиміра, и о разбойникахъ, приносившихъ покаяніе ⁵¹⁾. У составителя перваго лѣтописнаго свода не было подъ рукою многихъ лѣтописныхъ замѣтокъ о Владиміръ. Онъ не имѣлъ возможности занести тѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о митрополитахъ и о церковныхъ людяхъ, которыя однакоже дошли до составителя несравненно позднѣйшаго лѣтописнаго свода, или до такъ называемой Никоновской лѣтописи ⁵²⁾. О событіяхъ послѣдняго десятилѣтія Владимірова княженія нашъ лѣтописатель ничего не знаетъ: онъ только переписываетъ безъ всякаго поясненія имена умершихъ князей и княгинь. На цѣлѣе же четыре года у него совсѣмъ не оказалось никакихъ свѣдѣній.

Извѣстіе о томъ, какъ Новгородъ пересталъ платить дань Кіеву возобновляетъ прерванную нить повѣствованія. Влади-

⁵¹⁾ Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л.; IX 64, 68).

⁵²⁾ Тамъ же стр. 64—подробнѣе у Бестужева-Рюмина: О составѣ Рус. лѣтописей (Приложеніе I, стр. 18—35).

міръ сталъ готовится къ войнѣ съ Новымъ-городомъ; княжившій же тамъ Ярославъ послалъ за море къ Варягамъ, чтобы при помощи ихъ отразить отца, но Богъ, по словамъ лѣтописателя, не далъ діаволу радости; Владиміръ заболѣлъ предсмертною болѣзною.—Слова о кончинѣ Владиміра на Берестовѣ дословно схожи въ Житіи, или Испытаніи, въ лѣтописномъ Сводѣ и у Іакова въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Это мѣсто древней нашей письменности, подобно мѣсту о милостины Владиміра, есть самостоятельная запись, перешедшая во всѣ памятники XI столѣтія, гдѣ говорилось о смерти Владиміра ⁵³). Разсужденіе о достоинствахъ Владиміра, оцѣнка его заслугъ и указаніе на необходимость для Русскихъ людей помнить своего просвѣтителя и молиться за него въ день кончины его, все это, безъ всякаго измѣненія, взято изъ „Житія“. Однако сравненіе съ Моисеемъ (непосредственно послѣ словъ о кончинѣ князя), окончательныя воззванія къ св. Константину совокупно съ Владиміромъ и авторская смиренная молитва опущены лѣтописателемъ.

Далѣе въ лѣтописномъ сводѣ мы видимъ послѣдовательныя выдержки изъ повѣсти Іакова Мниха о Борисѣ и Глѣбѣ ⁵⁴).

---

⁵³) Такихъ подробныхъ записей отъ временъ Владиміра и Ярослава дошло до насъ нѣсколько. Случай при построеніи храма Св. Георгія, въ Кіевѣ, даже не попалъ въ лѣтописные своды, но былъ приуроченъ въ Прологѣ къ дню, когда вспоминалось построеніе этой церкви. (Рукопись Имп. Публ. Биб. Отд. I F., № 268).

⁵⁴) Сокращенныя въ разсматриваемомъ нами Сильвестровомъ сводѣ выдержки значительно пополнялись позднѣйшими переписчиками древнѣйшаго лѣтописца: такъ Софійская лѣтопись, и еще болѣе Тверская, черпаютъ изъ Іакова Мниха гораздо обильнѣе, чѣмъ первый составитель „лѣтописца“.

Повѣсть эта у нашего лѣтописателя весьма близка къ первоисточнику. Выпущены только лирическія мѣста, но за то прибавленъ отрывокъ изъ акаѳиста св. братьямъ, не встрѣчающійся у Іакова.

Среди разсказовъ о событіяхъ Ярославова княженія, по всей вѣроятности унаслѣдованныхъ отъ лѣтописателя, близко стоявшаго къ описываемымъ событіямъ, мы встрѣчаемъ мѣсто, заимствованное цѣликомъ изъ Іаковлева сказанія, это: окончательная побѣда Ярослава и гибель братоубійцы ⁵⁵⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Сводѣ“ вошли лѣтописныя извѣстія времяя Ярослава, но за то нѣкоторые разсказы несомнѣнно принадлежатъ лицу, писавшему при внукахъ этого князя. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго извѣстія, подъ 6551 г.: „посла Ярославъ сына своего Владимира на Греки—и воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу“. Современникъ лѣтописателя, Янъ, былъ тысячникомъ при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава.

Похвальные отзывы о Ярославѣ, какъ о лицѣ преданномъ церкви, какъ о покровителѣ духовенства и насадителѣ книжнаго ученія, составляютъ весьма стройное мѣсто, украшенное оборотомъ нагляднаго сравненія: „одинъ кто нибудь вспашетъ землю, другой посѣетъ, а многіе пользуются жатвою: такъ и Владиміръ распахалъ и умягчилъ почву крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словесы, а мы пожинаемъ ученіе приѣмлюще книжное. Велика бываетъ польза отъ ученія

---

⁵⁵⁾ Лѣтописное повѣствованіе о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ написано лицомъ, современнымъ событію. Два извода сказанія о битвѣ между двумя озерами указываютъ на болѣе древній первоисточникъ. (Лавр. Лѣт. подъ 6524 г. и 1-я Новгород. подъ тѣмъ-же годомъ. П. С. Р. Л. т. I, стр. 61 и т. III, стр. I).

книжнаго“. Рѣчь свою о просвѣтительной дѣятельности достойнаго преемника св. Владиміра лѣтописатель заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Радовался Ярославъ, видя множество церквей и людей христіанскихъ, врагъ-же сѣтоваль, побѣждаемый новыми христіанскими людьми“.

Другой рассказъ изъ временъ Ярослава заимствованъ изъ дружиннаго преданія о князѣ—богатырѣ, Мстиславѣ, побѣдившемъ въ единоборствѣ Косожскаго великана Редедю.

Но въ особенности слѣды пѣсни очевидны въ рассказѣ о Лиственской битвѣ, между Ярославомъ и Мстиславомъ, гдѣ принималъ участіе Якунь, князь Варяжскій. Только пѣсня могла поставить на видъ красоту Якуна (и бѣ Якунь съ лѣпъ) и его нарядъ — златотканную мантию (луда бѣ у него златомъ исткана). Утрата Якуномъ этого наряда была предметомъ пѣсни, и Якунь долго былъ памятенъ тѣмъ, что потерялъ свою „золотую луду“. Въ слѣдующихъ словахъ лѣтописателя о Лиственской битвѣ слышится пѣсня: „И была та сѣча сильна и страшна: молніе посвѣчивало, оружіе поблескивало; и была гроза великая, сѣча сильная, сѣча страшная“ ⁵⁶). Дружинныя преданія донесли до потомковъ и самый образъ Мстислава: бѣ дебель тѣломъ, чермень лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше ни питья, ни яденья браняше.

Съ внуками св. Владиміра стародавняя пора близилась къ

---

⁵⁶) И бывши ноци, бысть тма, молонья, и громъ дождь.... и бысть сѣча сильна, яко посвѣтяше молонья, блестяшеться оружіе, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна“. Указаніе на это мѣсто сдѣлано К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ (О составѣ Рус. лѣт. стр. 42).

лѣтописателю, жившему на рубежѣ столѣтій одинадцатаго и двѣнадцатаго. Сосредоточивъ вниманіе на повѣствованіяхъ, воспроизведшихъ отдаленное прошедшее, мы не можемъ обойти рассказовъ о временахъ до-Владиміровыхъ, и не коснуться общаго состава первоначальнаго лѣтописнаго свода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

—

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ современной наукѣ нашей. Духъ и приемы Нестора въ некоторыхъ мѣстахъ Повѣсти. Составитель. Рассказы о временахъ до-Владимировыхъ: о Киѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ. Ольга и Древляне въ трехъ повѣствованіяхъ. Повѣсть о кончинѣ Ольги. Переяславская повѣсть. Повѣсть объ усобицѣ дѣтей Святослава. Заключение.

Вопросъ, о воспроизведеніи живыхъ преданій о Владимірѣ язычникѣ и о другихъ язычникахъ, бывшихъ прежде него, связанъ неразрывно съ вопросомъ объ авторѣ, задумавшемъ написать „Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть“.

Вопросъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ принадлежитъ къ наиболѣе обработаннымъ вопросамъ нашей исторической науки ⁵⁷⁾. Вопросъ этотъ нынѣ стоитъ въ слѣдующемъ фазисѣ:

---

⁵⁷⁾ Полный списокъ главнѣйшихъ трудовъ по этому вопросу см. въ Исторіи Россіи Иловайскаго, часть первая, примѣчаніе 59-е. Обзоръ трудовъ по Нестору см. у Сухомлинова и дополненіе къ этому обзору см. у Бестужева-Рюмина. Къ двадцати тремъ именамъ лицъ, трудившихся надъ Несторомъ, отъ Шлёцера (1802) до Бе-

1. Повѣсть временныхъ лѣтъ, называвшаяся долго лѣтописью Нестора, есть сводъ лѣтописей, отдѣльныхъ сказаній объ отечественныхъ событіяхъ и лицахъ, нѣкоторыхъ актовъ, поученій и наконецъ передѣлокъ и заимствованій изъ памятниковъ не русскаго происхожденія.

2. Самыя лѣтописи, вошедшія въ' этотъ сводъ, писаны въ различныя времена и конечно уже не однимъ лицомъ⁵⁸⁾.

3. Составитель Свода не воспользовался всѣми существовавшими до него на Руси лѣтописями⁵⁹⁾.

стужева-Рюмина (1868) или коснувшихся въ своихъ сочиненіяхъ лѣтописнаго вопроса, слѣдуетъ прибавить имена Д. И. Иловайскаго, Н. П. Барсова (Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава; 1873), Л. Н. Майкова, написавшаго, по поводу упомянутаго труда Барсова, замѣтки по географіи древней Руси (Ж. М. Нар. Пр. 1874), гдѣ авторъ и рецензентъ касаются первой части Повѣсти временныхъ лѣтъ; и наконецъ Ф. А. Терновскаго (Изученіе византійской исторіи въ древней Руси. Кіевъ; 1875), гдѣ начальная лѣтопись наша вновь охарактеризована по сравненію ея съ образцами византійской исторической литературы и покойнаго Лашнюкова (Очерки русской исторіографіи. Унив. Извѣстія. Кіевъ 1869).

⁵⁸⁾ Объ этомъ преимущественно у Срезневскаго: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. (Приложеніе ко II т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 4, 1862) и у Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей 1868 г.

⁵⁹⁾ Остатки лѣтописей, не вошедшихъ въ начальный Лѣтописецъ, или Повѣсть врем. лѣтъ, вошли между прочимъ въ Никоновскую лѣтопись. Издатель оной въ предисловіи говоритъ, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ достовѣрности извѣстій Ник. лѣтописи, не встрѣчающихся въ другихъ лѣтописяхъ. (И. С. Р. Л., т. XI).

Свое замѣчаніе о подлинности краткихъ извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ въ Никон. лѣтописи М. И. Сухомлиновъ оканчи-

4. Составъ Повѣсти опредѣленъ и большею частію указаны всѣ источники, изъ которыхъ почерпнуты отдѣльныя статьи Повѣсти.

5. Существуетъ мнѣніе, что собственно „Повѣсть о томъ, откуда есть пошла Русская земля“ есть отдѣльное сочиненіе, давшее начало своду и поводъ соединять въ цѣлое лѣтописные труды ⁶⁰).

6. Сводъ начинающійся словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“ и оканчивающійся припискою: Игумень Селивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта. А иже чететь книги сія, то буди ми въ „молитвахъ“ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ Кіевѣ.

Вопросъ о томъ, былъ-ли Сводъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ? подвергнуть сомнѣнію ⁶¹).

ваетъ слѣдующими словами: „въ XVI в. нельзя было записать по памяти, что въ 867 году былъ голодъ въ Кіевѣ“ (О др. Рус. лѣтописи, какъ нам. лит. стр. 22).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ подробно объ этихъ остаткахъ древнихъ лѣтописей, не вошедшихъ въ Повѣсть вр. лѣтъ (О Составѣ Рус. лѣтописей, стр. 58, 59 и приложение 1).

⁶⁰) С. М. Соловьевъ (Ист. Рос., VII) говоритъ, что явственны слѣды того, что извѣстіе о пришествіи князей и утвержденіи ихъ, составляло отдѣльный разсказъ..... Н. И. Костомаровъ примѣняетъ заглавіе: „Се Повѣсти“ къ предисловію или вступленію въ лѣтопись. (Лекціи по Рус. Ист., I, 31). Бестужевъ-Рюминъ охотнѣе соглашается съ Соловьевымъ, ставя на видъ слова заглавія: „кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“ (О сост. р. лѣт., стр. 19).

⁶¹) О составѣ Р. лѣт. стр. 18.

Вопросъ о томъ былъ-ли Сильвестръ, игумень Выдубицкій, составителемъ Свода? рѣшенъ различно ⁶²).

Вопросъ о Несторѣ, какъ составителѣ Свода, рѣшенъ отрицательно ⁶³).

Участіе Нестора въ составленіи какого либо „Лѣтописца Печерскаго“ признается, на основаніи свидѣтельствъ Патерика Печерскаго ⁶⁴).

Всѣ вопросы эти, рѣшенные и не рѣшенные, такъ обстоя-

⁶²) Бестужевъ-Рюминъ не признаетъ въ Сильвестрѣ составителя. Иловайскій рѣшаетъ вопросъ въ пользу игумена.

⁶³) По крайней мѣрѣ изслѣдованіе Бестужева-Рюмина о составѣ лѣтописей не встрѣтило опроверженія. Возобновленіе старыхъ споровъ безъ новыхъ научныхъ данныхъ было-бы печальнымъ явленіемъ, мертвящимъ, а не оживляющимъ науку.

⁶⁴) Вотъ эти свидѣтельства, впрочемъ весьма извѣстныя: въ сказаніи 1) „О Никитѣ затворницѣ, иже бысть посемь епископомъ Новоуградоу“ разсказывается какъ пришли къ затворнику богоносные отцы: Никонъ игумень..... Несторъ же, иже написа лѣтописецъ; 2) послѣ сказанія объ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, вошедшемъ вмѣстѣ съ сказаніемъ о Никитѣ въ обширное посланіе Поликарпа къ Акиндину, говорится: но аще повелишь... написати (о святыхъ черноризцахъ) ихъ же ми умъ пристигнетъ и память принесеть... да сущимъ по насъ ползы ради оставимъ яко же блаженный Несторъ въ лѣтописецѣ написа облаженныхъ отцѣхъ, о Дамьяни, Іеремѣи, и Матвеѣ, и Исакии. (Посл. Поликарпа къ Акиндину въ древнѣйшихъ рукописяхъ Печерскаго Патерика и въ печатныхъ его изданіяхъ).

Имя Нестора и литературная его слава распространилась черезъ столѣтіе на другія произведенія Печерскихъ монаховъ. Изъ словъ Поликарпа о Несторѣ ясно, что въ XIII столѣтіи Лѣтописецъ, написанный Несторомъ, былъ уже соединенъ съ другими сказаніями и былъ въ томъ видѣ, въ какомъ передалъ его потомству Сильвестръ.

тельно поставлены въ ученой литературѣ нашей, что мы не считаемъ нужнымъ излагать ихъ, хотя-бы въ кратцѣ. Взглядъ нашъ на литературные приемы Нестора и разборъ его повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ по вопросу о томъ, что не онъ былъ авторомъ повѣсти объ отдаленной языческой порѣ. Что касается до участія Нестора въ составленіи другого лѣтописнаго свода, то мы склонны думать, что Несторъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, положившихъ начало русской исторіи установленіемъ связи Руси съ библейскимъ Іафетомъ, а черезъ него съ всемірною исторіей племенъ, паселяющихъ Европу и Азію.

Его трудъ могъ начинаться именно такъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосьева монастыря Печерскаго“. Въ полномъ заглавіи можно видѣть распространеніе его другимъ лицомъ. Мы знаемъ, что словомъ „повѣсть“ Несторъ любилъ означать свои труды. Авторъ житія Θεодосьева скорѣе всего назвалъ-бы Печерскій монастырь Θεодосьевымъ. Наконецъ Несторъ любилъ и называть себя по имени въ своихъ произведеніяхъ, и не даромъ въ одномъ спискѣ сохранилось имя Нестора, черноризца Θεодосьева монастыря. Въ какой степени участвовалъ Несторъ въ составѣ того, что вошло въ Лѣтописецъ Сильвестровъ, можно рѣшить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ. Ему могла принадлежать космографія и книжныя измышленія о происхожденіи Руси. Борьба дьявола съ христіанствомъ и исторія замученныхъ Варяговъ какъ будто вышла изъ подъ его, знакомаго намъ, пера. Основная мысль его та, что царство мрака уступаетъ мѣсто солнцу христіанства. Мысль эта органически связана съ мыслью о происхожденіи Руси и по возможности съ полною исторіею ея крещенія. Если, проникнутый библейскимъ духомъ, въ житіи Бориса

и Глѣба, авторъ начинаеть съ Адамова грѣхопаденія, то и въ Повѣсти „откуда пошла русская земля“ онъ начинаеть съ сыновей Ноевыхъ и тѣмъ полагаеть прочное начало будущему лѣтописному своду, составитель котораго сталъ прибавлять къ библейскому объясненію происхожденія Руси свѣдѣнія отъ міра сего, какъ на примѣръ свѣдѣнія объ обычаяхъ Полянъ и Древлянъ и другія. Первоначальная повѣсть послѣ словъ: Днѣпръ втечетъ в'Понетъское море жереломъ, еже море словеть руское, или даже нѣсколько ранѣе того, послѣ словъ, оканчивающихъ описаніе водяныхъ путей: на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги..... отъ Рима до племени Хамова“, могла прямо продолжать свою рѣчь о Славянахъ и ихъ книжномъ просвѣщеніи черезъ Мефодія и Константина. Можно угадывать и другіе остатки повѣсти, не имѣвшей лѣтописнаго характера, но среди которой могли быть счисленія въ родѣ слѣдующихъ: „отъ Адама до потопа лѣтъ 2242, а отъ потопа до Авраама и т. д. до Рождества Христова, наконецъ до Константина и до Михаила сего: о семъ бо увѣдахомъ яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишеться в'лѣтописаньи гречьстѣмъ.

Работа надъ этимъ греческимъ лѣтописаньемъ, надъ передѣлкою и переводомъ греческихъ свѣдѣній и актовъ (договоры Олега и Игоря) былъ трудъ старѣйшій, предварившій появленіе Лѣтописца въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Признаки древнѣйшей повѣсти видны и въ томъ, что сказаніе объ апостолѣ Андреѣ было ему чуждо.

Вотъ мѣста подтверждающія это:

Дьяволъ радова шеся (о погубленіи варяговъ—хри-

стіанъ), мяшеса оканьный: яко сдѣ ми есть жилице, сде бо не суть апостоли учили..... аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять и т. д. Въ концѣ повѣствованія о Кириллѣ и Меодіи: тѣмъ же и намъ, Руси, учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словеньску языку. Совершенно въ духѣ Нестора было установить связь Руси съ апостольскою церковью черезъ другихъ, не Русскихъ Славянъ. Въ житіи Бориса и Глѣба, писанномъ Несторомъ читаемъ: Не бѣша бо ни апостоли ходили къ нимъ (Русскимъ людямъ).... Такимъ образомъ мысль о первоизванномъ апостолѣ, посѣтившемъ холмъ Кіевскій, была чужда Нестору. Да и самое сказаніе съ своею апокрифическою частью о Новгородскихъ баняхъ никакъ не могло выйдти изъ подъ пера писателя, высоко парившаго, съ оговоркою и нехотя касавшагося предметовъ и явленій не церковной жизни. Несторъ не могъ писать о баняхъ. Апокрифъ этотъ несомнѣнно позднѣйшая вставка эпохи упадка духовнаго просвѣщенія ⁶⁵⁾.

И такъ мы признаемъ Нестора за автора первоначальной „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, писанной возвышеннымъ тономъ, повѣсти, во всякомъ случаѣ не нисходившей до преданія о

---

⁶⁵⁾ Мы вполне согласны съ Д. И. Иловайскимъ въ томъ, что старѣйшая повѣсть не знала Рюрика или не упоминала о немъ: „а отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова русскаго князя, лѣтъ 29.

Но Сильвестръ органически связывалъ начало кіевской Руси съ Русью-Словенами и Кіевлянъ съ сыномъ Рюрика, о чемъ будемъ говорить ниже.

языческомъ времени и даже до разсказовъ о битвахъ. Сверхъ того, если Несторъ и довелъ свою повѣсть до Владиміра, то и окончилъ ее ничѣмъ другимъ, какъ изложеніемъ вѣрученія православной церкви и прославленіемъ сего втораго Константина.

Изъ вопросовъ, подлежащихъ сомнѣнію, мы охотно станемъ на сторону того мнѣнія, что никто другой какъ Сильвестръ, игумень Выдубицкій, былъ составителемъ Свода въ той редакціи, въ какой онъ допелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Сильвестръ былъ преданъ Печерскому монастырю и оттуда заимствовалъ многіе отдѣльные и уже готовые труды. Близкое разстояніе обоихъ монастырей Печерскаго и Выдубицкаго (35 минутъ ходьбы) естественнымъ образомъ разрѣшаетъ вопросъ о Сводѣ не то Печерскаго, не то Выдубицкаго происхожденія. Сильвестръ, состоя игуменомъ на Выдубичахъ, могъ въ часы отдыха переписывать сказанія и свѣрять лѣтописи въ келіи собесѣдника и друга, жившаго въ монастырѣ Печерскомъ ⁶⁶). Близкое отношеніе Свода къ Печерскому монастырю

---

⁶⁶) Бутковъ (Оборюна Нестор. лѣт.) приводилъ доказательства противъ той догадки, что Сильвестръ могъ быть лѣтописцемъ. Изъ этихъ доказательствъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ считаетъ одно очень важнымъ и не находитъ отвѣта на вопросъ: "почему Сильвестръ игумень Выдубицкій, не упомянулъ времени основанія своего монастыря? Потому, что онъ не связанъ былъ своимъ прошедшимъ съ этою обителью, да и когда гдѣ въ лѣтописяхъ означалось время основанія княжьяго монастыря? Мы узнаемъ по большей части уже при князьяхъ сыновьяхъ о томъ, что такіе то монастыри были основаны ихъ отцами. Какъ видно, основаніе и устройство княземъ ивоческой обители было дѣло обыденное и вмѣстѣ случайное, исподоволь веденное. Врядъ-ли были торжественныя открытія такихъ монастырей. Громкимъ событіемъ было только устройство большой церкви въ княжемъ монастырѣ.

очевидно. Сочувствіе составителя, начавшаго Сводъ по смерти Святополка—Михаила, слѣдовательно при Мономахѣ, къ Всеволоду и дому его также очевидно. Игуменъ Всеволожа монастыря, Сильвестръ, былъ по всей вѣроятности изъ Переяславля. Отношеніе лѣтописателя—составителя Свода къ Переяславлю также бросается въ глаза.

Составитель Свода или цѣлаго „Лѣтописца“ уже тѣмъ самымъ становился въ положеніе историка. Объединивъ труды своихъ предшественниковъ, онъ самъ засвидѣтельствовалъ передъ потомствомъ о сложномъ составѣ своего произведенія. Данное Сильвестромъ своду названіе лѣтописца дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе о томъ, что онъ же и озаглавилъ весь свой трудъ только Повѣстью о началѣ Руся. Намъ кажется, что и въ наукѣ точнѣе называть сводъ „Лѣтописцемъ Сильвестровымъ“ чѣмъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“. Передъ составителемъ, въ числѣ готовыхъ статей, было болѣе отдѣльных трудовъ, чѣмъ это до сихъ поръ открыто. Подвижническое перо его благоговѣйно переписывало всё достовѣрное, что было у него подъ руками, все что было написано очевидцами давно минувшихъ событій. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, мы имѣемъ въ Сводѣ памятники, отмѣченные творчествомъ иныхъ временъ.

Къ Византійскимъ источникамъ составитель относился не подобострастно, какъ это доказали спеціальныя изслѣдованія ⁶⁷⁾.

Творецъ „Лѣтописца“ былъ скорѣе изъ людей похожихъ

---

⁶⁷⁾ Главнымъ образомъ въ сочиненіи Сухомлинова: О древн. Русск. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, потомъ въ Исторіи Россіи Соловьева, т. III, и наконецъ у Терновскаго въ книгѣ: Изученіе Византійской исторіи въ древней Руси.

на Василя, автора сказанія о Василькѣ, чѣмъ на холодного созерцателя духовныхъ совершенствъ избранниковъ Божіихъ, каковъ былъ Несторъ. Это былъ человѣкъ знакомый съ преданіями дружины, не исключительно преданный аскетическимъ интересамъ монахъ, а наблюдатель, не пренебрегавшій свѣдѣніями, какимъ-бы путемъ они до него ни доходили. Изъ многихъ разсыпанныхъ по Лѣтописцу мѣстъ видно, что составитель, жившій при внукахъ Ярослава, въ первые письменно говорить о дѣдахъ. О литературныхъ достоинствахъ составителя перваго нашего Лѣтописца было достаточно написано. Мы обратимъ вниманіе только на отношеніе его къ повѣстямъ русскаго происхожденія и къ тому какъ воспроизводилъ онъ устное преданіе, имѣвшее иногда народную эпическую основу.

Сказанія отечественнаго происхожденія лѣтописатель, по большей части, переписывалъ всецѣло, связывая ихъ съ общимъ годами или лѣточисленіемъ. Главная руководящая у составителя свода система—хронологія. Положить годы и пересчитать ихъ, вызывая по очередно событія за событіями и приурочивая ихъ къ годамъ—цѣль имъ строго преслѣдуемая. Но, несмотря на это, переписанное буквально отдѣльное сказаніе нарушаетъ строго установленную систему. Такъ наприимѣръ, среди годовъ Ярославова княженія, по поводу поставленія митрополитомъ Иларіона, помѣщено сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, гдѣ говорится уже о смерти Ярослава и о временахъ княженія сына его (преставльшуся великому князю Ярославу прія власть сынъ его Изяславъ).... Но среди сказанія составитель уже не дерзалъ вносить своихъ обычныхъ оговорокъ: „но мы на прежнее возвратимся“.

„Написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти“ говоритъ Сильвестръ, потрудившійся

надъ основнымъ сводомъ и далѣе: „а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ“. Выраженіе написахъ Карамзинъ понималъ какъ переписахъ, другіе же понимаютъ это какъ указаніе на свое авторство; написахъ т. е. сочинилъ книгу, былъ ея писателемъ, творцемъ. Намъ кажется, что написахъ надо понимать въ тѣсномъ и прямомъ смыслѣ этого слова. „Я написалъ эту книгу лѣтописецъ“ есть указаніе на самое производство книги, на изданіе ея. Примѣняясь къ нашимъ понятіямъ „написать“ ближе всего подходитъ къ понятію „издать“. Сильвестръ зналъ, что онъ не только переписалъ, но и написалъ многое и наоборотъ, онъ вѣдалъ, что не все, что вошло въ „лѣтописецъ“, обработано имъ самимъ. Онъ не могъ выразиться: переписалъ, или повѣдалъ; онъ дѣйствительно и свое и чужое написалъ вмѣстѣ, въ послѣдовательности, въ системѣ. Написать въ одномъ цѣломъ все, что обнимало большой періодъ времени, отъ старины едва памятной до одиннадцатаго года двѣнадцатаго столѣтія, былъ трудъ великой и нелегкой.

И такъ, составитель свода былъ прежде всего издателемъ новаго цѣльнаго собранія сказаній и лѣтописей, какія только онъ нашелъ въ Кіевѣ.

Издавая въ свѣтъ, онъ списалъ готовые памятники; иные изъ нихъ дополнилъ, другіе сократилъ, но не переработалъ ни одного изъ подлинниковъ и не измѣнилъ въ нихъ ничего.

Къ устнымъ источникамъ лѣтописатель—сводчикъ отнесся иначе: критически и не безъ строгаго выбора.

Здѣсь-то преимущественно онъ является самостоятельнымъ творцемъ повѣствовательныхъ произведеній, и отъ сего мѣстныхъ симпатій, отъ обстоятельствъ его жизни зависитъ скудость въ

пересказъ однихъ поэтическихъ преданій, и обиліе и полнота въ воспроизведеніи другихъ.

Сверхъ всего этого онъ стремится округлить исторію былаго, уничтожить пробѣлы и сблизить отдаленныя одно отъ другаго событія.

Онъ желаетъ установить на всегда, догматизировать историческія традиціи, и въ особенности же то, что было плодомъ его личнаго измышленія: такъ онъ неоднократно повторяетъ, что Словени и Русь одно и то же и что вмѣстѣ съ тѣмъ Русь прозвалась отъ Варяговъ.

Обратимся въ остальнымъ рассказамъ объ отдаленномъ прошедшемъ, вошедшимъ въ свѣдъ историка—лѣтописателя, Сильвестра. Рассказы эти, по большей части, заимствованы изъ источника устнаго и при томъ мѣстнаго преданія и связаны преимущественно съ Кіевомъ и близъ лежащими мѣстностями и городами: Переяславомъ, Бѣлгородомъ и Древлянскою землею.

Борьба съ Печенѣгами и покореніе сосѣдней, издавна непріязненной земли Древлянскою составляли предметъ особенно обильныхъ подробностями устныхъ сказаній. Мѣстное преданіе имѣетъ для уроженца данной мѣстности непреложное вѣроятіе, и лѣтописатель передаетъ его во всей чистотѣ существовавшего въ его время пересказа.

Кіевскія преданія относятся главнымъ образомъ къ основанію города и къ исторіи князей его. Стольный городъ имѣлъ свое сложившееся преданіе о трехъ братьяхъ, когда то положившихъ ему начало. Какъ большая часть городовъ Русскихъ Кіевъ называется притязательнымъ именемъ, тѣмъ самымъ сохраняя память объ имени Кіа. Ученость лѣтописателя миралась съ мнѣологическимъ преданіемъ о Кіѣ, основателѣ

Кіева и подыскивала сказанію историческую основу. Народное преданіе считало Кія перевозникомъ, имѣя въ корнѣ своемъ весьма древнее представленіе о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, имена которыхъ оно связывало съ названіями урочищъ: Щеквицы, Хоревыцы и рѣчки Лыбеди. Братъ—перевозникъ по Днѣпру, сестра оставляетъ имя рѣкѣ, впадающей въ Днѣпръ. Лѣтописатель съ высоты своего книжнаго взгляда оспариваетъ преданіе о Кіѣ перевозникѣ. Писатель эпохи князей Стольно-кіевскихъ скорѣе склоненъ думать, что родной городъ получилъ свое имя ни отъ кого другаго, какъ отъ князя: „Аще бо былъ перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше в'родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари.....

Смутное преданіе о походѣ Русскихъ на Царьградъ, какъ видно, не одинъ лѣтописатель нашъ, а и другіе Русскіе книжники связывали съ Кіемъ, именемъ живымъ и въ народномъ баснословіи.

Сторонившійся отъ мифа, лѣтописатель удержалъ однако же его историческое выраженіе; онъ призналъ Кія, Щека и Хорива за трехъ братьевъ и Лыбедь за дѣйствительно существовавшую сестру ихъ. Стремясь все привести въ систему, всему, о чемъ только ни говорить, дать достовѣрное значеніе, онъ связываетъ баснословное преданіе объ основаніи города, не приуроченное имъ ни къ какому лѣточисленному данному, съ другимъ, для него уже вполне вѣроятнымъ разговоромъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Князьямъ этимъ на ихъ вопросъ о томъ, кому платить дань Кіевъ? отвѣчаютъ жители его и о Кіѣ, что онъ тутъ княжилъ съ родомъ своимъ.

Преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ облечено въ форму эпи-

ческаго разсказа и съ нимъ входимъ мы въ кругъ сказаній о хитромъ и мудромъ Олегѣ. Какъ мѣстное Кіевское преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ живо и колоритно, такъ отдаленное сѣверное преданіе о призваніи Рюрика темно и глухо. Однакоже нельзя не признать, что воспоминаніе о новой династіи князей—пришельцевъ органически входитъ въ повѣданіе лѣтописателя о первыхъ временахъ сложившагося государства. Если можно-бы было принять за позднѣйшую вставку сухое свѣдѣніе о призваніи князей, то какъ объяснить значеніе дѣтскаго Игоря и Олегово выраженіе: „я князь, а се сынъ Рюрика“ въ разсказѣ по виду имѣющемъ народное происхожденіе?

Стремленіе придать стольному городу наибольшее значеніе видно въ томъ, что повѣствователь передаетъ прореченіе вѣщаго язычника о Кіевѣ: „Се буди мати градомъ“. Вырженіе это близко къ греческому *μητρόπολις*. Такъ книжное измышленіе опиралось иногда на народное, эпическое.—Позднѣе пророчество о Кіевѣ отъ вѣщаго Кіевского князя перешло къ Первозванному апостолу.

Сказанія объ Олегѣ наиболѣе изобилуютъ тѣми подробностями, которыя хранитъ стройный народный пересказъ. Олегъ приснопамятный, которому приписывали договоры, бывшія передъ глазами лѣтописателя, прослылъ въ народѣ за вѣщаго, диковиннаго, одареннаго высшими силами человѣка. Конецъ его какъ-бы противорѣчитъ его прославленной хитрости и прозорливости. Но кудесникъ есть представитель той силы высшей, которая въ народной поэзіи обыкновенно сокрушаетъ и вѣщую силу богатыря. „Ни хитру ни горазду, ни птицю горазду суда Божія ни минути“ говорилось про вѣщаго Всеслава. Былины про Ваську Буслаевича прекрасно сохранили черты послѣдней схватки вѣщаго человѣка съ рокомъ.

Не смотря на предсказанія бабы Залѣсной, на надпись на камнѣ, Василий вступаетъ въ бой съ судьбою, перепрыгиваетъ черезъ бѣль-горючъ камень и убивается до смерти. Эта борьба человѣка съ судьбою, съ силою нездѣшнюю, всегда, въ народномъ эпосѣ, выпадаетъ на долю человѣка вѣщаго, не простаго смертнаго. Могучая сила, падающая подъ ударами высшей силы, даетъ мотивъ всемірной драмѣ. Чѣмъ сильнѣе богатырь, тѣмъ паденіе его имѣетъ болѣе трагическаго. И такъ Олегъ, издѣвающійся надъ предсказаніемъ кудесника, сохраняетъ до конца, подобно Буслаевичу, свою отвагу—и гибнетъ подобно богатырю, отъ силы таинственной, не здѣшней. Ему смерть не была на бою написана, а хитрость-мудрость померкла тамъ, гдѣ вмѣшалась въ дѣло судьба. Преданіе о смерти Олега облечено въ форму живаго эпического разсказа.

Другое преданіе объ Олегѣ и его походѣ на Царьградъ получило сухую форму сокращенной прозаической передѣлки. Тутъ замѣтно сліяніе письменнаго источника (договора) со смутнымъ, не совсѣмъ понятнымъ для лѣтописателя народнымъ преданіемъ ⁶⁸⁾. Очевидно, что лѣтописатель отнесся съ довѣріемъ только къ нѣкоторымъ частностямъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ о походѣ Олега на Царьградъ и не остановился на передачѣ стройнаго цѣлаго. Преданіе же о смерти Олега напротивъ того онъ принималъ съ полною вѣрою и даже при помощи своей учености постарался устранить всякое сомнѣніе

---

⁶⁸⁾ Въ началѣ разсказа говорится о баснословныхъ корабляхъ, поставленныхъ на колеса; въ концѣ непосредственно послѣ словъ о договорѣ „..... и утвердиша миръ“ слѣдуетъ: „и рече Олегъ: исшійте на русы паволочаты Руси, а Словеномъ кропиньныя.....“ Мѣсто это относится къ началу разсказа, туда, гдѣ говорится о корабляхъ.

въ истинѣ случившагося, когда привелъ въ подтвержденіе тому „какъ дивно сбывается чародѣйство“ цѣлое сказаніе объ Аполоніи Тианскомъ. Связь же нашего историка съ преданіями о Цареградскомъ походѣ была порвана; онъ упомянулъ только о томъ, что принималъ за достовѣрное и однимъ намекомъ указалъ на тотъ разрывъ, какой образовался между воззрѣніемъ человѣка книжно образованнаго и духомъ народно-эпическихкихъ сказаній: „и прозваша Олега вѣщій; бяху бо люди погани и невѣгоlosed“.

Общее заключеніе о княженіи Олега схоже съ подобнымъ-же заключеніемъ о княженіи Владиміра: „и живяше Олегъ, миръ имѣя въ всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ“⁶⁹⁾. Такія заключительныя слова, послѣ извѣстій о непрестанныхъ войнахъ, отражаютъ на себѣ прямое вліяніе народныхъ эпическихкихъ повѣствованій: „и стали жить да поживать, да добра наживать“.

Повѣствованіе объ Ольгиной мести обошлось у лѣтописателя безъ всякихъ оговорокъ о невѣгласѣхъ, безъ поученій и книжныхъ примѣровъ. Вполнѣ достовѣрное для лѣтописателя и усвоенное имъ—быть можетъ еще въ юные годы—предачіе облечено въ форму живаго изложенія. Владѣя всѣми подробностями этого поэтическаго преданія, лѣтописатель является здѣсь творцемъ его въ такой же степени, какъ и пѣвецъ былины бываетъ воспроизводителемъ случившагося съ нимъ поэтическаго матеріала.

Разказы объ Ольгиной мести составляютъ вмѣстѣ съ

---

⁶⁹⁾ Бѣ бо Володимеръ живя съ князи околными миромъ..... и живяше Володимеръ по устроенью отъню и дѣдню. П. С. Р. Л. т. I, стр. 54.

тѣмъ и повѣсть о побѣдѣ, одержанной Кіевлянами надъ ближайшими ихъ сосѣдами—обитателями Древлянской земли. Соперничество между тѣми и другими было исконное и вполне народное: отсюда у лѣтописателя Кіевлянина нападки на обычай Древлянъ и цѣлая эпопея о покореніи ихъ земли не только силою, но и хитростью—мудростью, или умомъ разумомъ.

Разсказъ о княженіи Игоря оканчивается, какъ и повѣствованіе объ Олегѣ и Владимірѣ, обычнымъ заключеніемъ о „мирѣ ко всѣмъ странамъ“. Переходъ отъ этого общаго заключенія о княженіи къ самому событію смерти князя поразительно схожъ въ повѣствованіяхъ объ Олегѣ и Игорѣ: „И живаше Олегъ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в'Кіевѣ, и приспѣ осень и помяну Олегъ конь свой“.....

Игорь же нача княжити в'Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, и приспѣ осень, нача Игорь мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань“.

Разсказъ, долженствовавшій передать исторію злополучнаго похода, по замыслу самого Игоря, встрѣтился съ другимъ разсказомъ, гдѣ мысль о походѣ приписывалась не Игорю, а дружинѣ его, завидовавшей отрокамъ Свѣнелда, и гдѣ поэтому князь былъ лицомъ страдательнымъ, уступившимъ настоятельному и сопровождавшемуся укорами требованію дружины. Составитель лѣтописца поступилъ здѣсь точно такъ-же, какъ и въ разнородныхъ сказаніяхъ о Владимірѣ: къ законченному и по характеру вполне книжному разсказу онъ присоединилъ другой разсказъ—съ болѣе живыми подробностями о смерти Игоря. Это былъ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, какими надѣляли лѣтописателя лица, подобныя старцу Яну, отъ не-

гоже—какъ свидѣтельствуеъ онъ самъ—азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ влѣтописаньи семь.

Эпопея о покореніи Древлянской земли состоитъ изъ трехъ частей, непосредственно связанныхъ между собою послѣдовательнымъ содержаніемъ и составляющихъ по этому одно стройное цѣлое. Первая часть, начинающаяся словами: подь 6453 годомъ) „рекоша дружина Игорева: отроки Свѣнльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нари.....“ замѣтно сокращена изъ болѣе подробнаго устнаго разсказа, гдѣ между прочимъ повѣдалось о совѣщаніи Мала съ своими Древлянами. Указаніе на существующую доселѣ могилу Игоря, подтверждающее достовѣрность отдаленнаго событія, заключаетъ эту первую часть повѣствованія.

Вторая часть, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Ольга, а мѣстомъ дѣйствія Кіевъ, изложена во всей полнотѣ первоначальнаго устнаго источника. Лѣтописатель видимо живо затронуть своимъ повѣствованіемъ; онъ переносится на мѣсто дѣйствія и мысленно возстановляетъ стѣну прежняго Ольгина города, проводя ее черезъ хорошо извѣстные ему дворы: Гордятинъ и Нивифоровъ; онъ объясняетъ своему читателю, гдѣ былъ княжій дворъ и другой дворъ теремный: у каменнаго терема, внѣ прежняго града—мѣсто казни принесенныхъ въ лодьяхъ Древлянъ.

Жертва Ольгиной хитрости, Древляне, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Маломъ, готовящимся къ брачному торжеству, тѣшатъ повѣствователя своею недалновидностью, и не безъ нѣкоторой доли юмора передаетъ онъ ихъ рѣчи, свидѣтельствующія о ихъ крайней непроницательности ⁷⁰⁾. Повѣствуя о томъ, что

⁷⁰⁾ Въ спискѣ Повѣсти врем. лѣтъ, вошедшемъ въ составъ

совершилось въ Кіевѣ, поэтическое сказаніе забѣгаетъ и въ Древлянскую землю; оно переносится съ вѣщимъ сномъ ко князю Малу и, какъ-бы въ удовлетвореніе высшей справедливости, даетъ ему иносказательные намеки на грядущія бѣды. „И сонъ часто зряше Малъ: се бо пришедъши Ольга давши ему порты многоцѣнны червены вси жемчугомъ исаждены и одѣяла чръны съ зелеными оузоры и люди, в'нихъ же несенымъ быти, смолны“. Но и вѣщее значеніе сна не было понятно Древлянину, и онъ былъ обмануть сномъ такъ и самою Ольгою. Разговоры Ольги съ Древлянами придають повѣствованію живой эпической складъ.

Третья часть повѣствованія объ Ольгѣ и Древлянахъ, отдѣленная въ „лѣтописцѣ“ отъ исторіи троекратнаго мщенія новымъ годовымъ числомъ, говоритъ о походѣ въ Древлянскую землю, куда съ Ольгою, Свѣнелдомъ и своимъ кормильцемъ Асмольдомъ, отправляется и дѣтскъ Святославъ, неумѣло, по дѣтски бросившій копье „коневи въ ноги“ и тѣмъ начавшій битву. Здѣсь сравнительно съ предыдущею частью менѣе живости въ изложеніи и менѣе наглядныхъ подробностей, хотя за княгинею остается таже ловкая хитрость.

По нашему мнѣнію рассказы о завоеваніи земли Древлянской имѣють источникомъ не столько дружинныя повѣда-

Переяславскаго лѣтописца, приводятся слова обрадованныхъ ласковымъ приемомъ Ольги Древлянскихъ пословъ: „в'си ли, кня же нашъ, како мы тобѣ устряпохомъ“.

Лѣтописецъ Переяславскій (изд. кн. Оболенскимъ въ 1851 г.) доноситъ весьма живыя мѣста, пропущенныя въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ Повѣсти врем. лѣтъ (см. Обзорѣніе лѣтописца Переяславскаго Д. В. Полѣнова. I-я кн. Ученыхъ Записокъ Втор. Отд. Импер. Академіи Наукъ).

нія, сколько въ тѣсномъ смыслѣ народную, пожалуй сельскую поэзію. Эпическое обаяніе этихъ разсказовъ конечно умалено (въ первой и послѣдней частяхъ въ особенности), но не нарушено князьими разсужденіями. Но за то сказаніе объ Ольгѣ—язычницѣ вполне уравнивается повѣстью о томъ, какъ мудрѣйшая изъ женъ сдѣлалась христіанкою. Это второе повѣствованіе объ Ольгѣ давало возможность лѣтописателю говорить объ княгинѣ язычницѣ не по грамотѣ, а по народной памяти. Вѣнецъ святости былъ еще впереди. За Ольгою, искусною мстительницею за мужа, выступаетъ Ольга—устроительница даней и оброковъ въ дальнихъ областяхъ. Эти свѣдѣнія объ Ольгѣ не близки къ ней по времени. Это не запись, а историческое преданіе, что ясно изъ выраженій о саняхъ ея и о селѣ Ольжичахъ, существующихъ по словамъ лѣтописателя и доселѣ, а равно и изъ того, что всѣ подвиги Ольги по изрженію всей земли сведены къ одной поѣздкѣ ея и отнесены къ одному году, при которомъ древняя одинокая запись на какой нибудь пасхальной таблицѣ гласила: „лѣта 6455 иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“.

Послѣ пробѣла восьми годовъ, свидѣтельствующаго объ отсутствіи послѣдовательной лѣтописи временъ Ольги, составителю свода попалось извѣстіе о 6463 годѣ: Ольга иде въ Греки; и къ этому то извѣстію присоединилъ онъ разсказъ о принятіи княгинею христіанской вѣры.

Источникъ разсказа о крещеніи Ольги былъ по всей вѣроятности письменный: житіе или повѣсть о ней.

Поученія патріарха новокрещенной княгинѣ и увѣщанія, дѣланныя ею Святославу,—вотъ два отрывка изъ такой повѣсти. Но сомнительно, чтобы повѣсть эта заключала въ себѣ

разсказъ о томъ, какъ княгиня переключала царя Греческаго, или какъ она заставила Грековъ поплатиться тщетнымъ стояніемъ на Почайнѣ за то, что ей, въ Царѣградѣ, пришлось долго ожидать на Суду ⁷¹⁾. Такіе эпизоды почерпнуты изъ дружинныхъ преданій о хитро-мудрой княгинѣ. Оторванныя отъ точной хронологіи и витавшія въ просторной области памяти такія преданія перенеслись съ почвы Древлянскихъ событій въ Византію, и сватающійся царь заступилъ мѣсто Мала, жаждавшаго брака съ Кіевскою вдовою. Старая тема получила тутъ новую форму, и хитро-мудрая княгиня новымъ оружіемъ христіанскихъ обычаевъ побѣдила своего воспріемника.

Былъ еще другой древній памятникъ объ Ольгѣ—житіе ея, дошедшее до насъ въ прологахъ ⁷²⁾. Въ началѣ этого памятника говорилось о происхожденіи Ольги, а въ концѣ о мощахъ ея, поставленныхъ Владиміромъ въ Десятинной церкви. Памятникъ этотъ по содержанию весьма близокъ къ Похвалѣ Ольгѣ, писанной Грекомъ совмѣстно съ Похвалою Владиміру. Но въ Сильвестровомъ сводѣ нѣтъ и слѣдовъ этого памятника.

---

⁷¹⁾ Кн. М. Оболенскій въ изслѣдованіи: О первоначальной русской лѣтописи (Москва 1870) стремится доказать, что первоисточникомъ Нестора, въ особенности же во всемъ, что относится до поѣздки Ольги въ Грецію, была лѣтопись Болгарскаго пресвитера Григорія.

⁷²⁾ Преосв. Макарій издалъ древнее житіе Ольги въ приложеніи къ 1 т. Исторіи Рус. церкви. Было и другое житіе Ольги—позднѣйшее, витіеватое, гдѣ встрѣчается разсказъ объ Ольгѣ, перевозившей Игоря по рѣкѣ въ мужской одеждѣ, и старческимъ смысломъ посрамившей его глумительные глаголы. Житіе это было составлено при Иванѣ III, какъ это видно по заключенію: (рукопись Имп. П. Библ. F № 14) молился безъ вреда сохранить и спасти державу сродствія твоего бла-

Третье повѣствованіе объ Ольгѣ передаетъ исторію ея кончины. Оно приурочено лѣтописателемъ къ особой годовой цифрѣ (среди извѣстій о походѣ Святослава) и начинается эпическимъ вступленіемъ: „Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: не любо ми есть въ Кіевѣ жити, хочю жити въ Переяславци на Дунаи“..... Такое вступленіе, по нашему предположенію, переставлено сюда изъ повѣсти, или пѣсни о Прѣтичѣ и отрокѣ—Кіевлянинѣ, хитростью спасшемъ городъ отъ Печенѣговъ. Повѣсть эта оканчивается укоромъ, посланнымъ Кіевлянами Святославу за то, что онъ покинулъ мать и дѣтей для благъ Переяславца на Дунаѣ.

Хвалы Ольгѣ и воззванія къ ней, послѣ разсказа о смерти и погребеніи, носятъ на себѣ отпечатокъ возрѣвнѣй историка Русской земли: Радуйся Русской земли познанье..... Си первая вииде въ царство небесное отъ Руси..... сію бо хвалятъ Рустіе сынове, аки начальницу. Воззванія эти, какъ и сказаніе о христіанской кончинѣ Ольги, могли быть писаны первымъ составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, Несторомъ, который, говоря о началѣ Руси, имѣлъ въ виду только одно ея христіанское просвѣщеніе и преслѣдовалъ мысль о побѣдѣ, одержанной надъ дьяволомъ, избравшимъ Русскую землю своимъ мѣстопробываніемъ, во мракѣ вѣковаго язычества. Словами: „Богъ защитилъ сію блаженную Вольгу отъ противника и супостата діавола“ оканчивается это повѣствованіе о бабѣ св. Владиміра, какъ о его предтечѣ,—повѣствованіе, составленное по смерти ихъ обоихъ.

гочестиваго самодержца и великаго князя Івана. Въ это житіе входитъ и повѣствованіе о мести, заимствованное изъ Повѣсти врем. лѣтъ.

Дружинныя преданія и пѣсни дополнили и оживили сухія письменныя свѣдѣнія о былыхъ временахъ. Творчество дружинныхъ повѣданій освѣтило своеобразный ликъ мужественнаго Святослава и донесло до лѣтописателя, а черезъ него и до насъ, самыя его изреченія. Изреченіе Игоря: „а съ моремъ кто съвѣтень?“ и рѣчь Святослава къ воинамъ: „уже намъ некамо ся дѣти, волею-неволею станемъ противу да не посрамимъ земли Русскія“ и другія подобныя мѣста суть драгоценныя остатки дружинной словесности нашей.

Подвигъ хитрости-мудрости съ одной стороны, мужества и необыкновенной силы съ другой, были главными мотивами дружинныхъ повѣданій. Соименный Ольгѣ, вѣщій князь подобно Ольгѣ былъ любимымъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказахъ, гдѣ хитрости-мудрости приписывался успѣхъ дѣла. Олегъ передѣвანьемъ обманываетъ Аскольда и Дира, а кораблями, хитро поставленными на колеса, выигрываетъ дѣло съ Греками. Хитрость отрока спасаетъ Кіевъ отъ Печенѣговъ, хитрость старца, устроившаго колодези, выручаетъ осажденный Бѣлгородъ. Только одно повѣданіе, связанное съ Переяславомъ, замѣняетъ хитрость необыкновенною силою.

Переяславское сказаніе о единоборствѣ кноши—Усмошвеца, или Кожемяки, съ Печенѣжиномъ есть почти единственный богатырской эпизодъ на страницахъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Дружинное творчество съ древнимъ преданіемъ о единоборцѣ Переяславѣ, отъ котораго городъ получилъ свое имя, слило другое новое преданіе о богатырѣ временъ Владиміра и войнъ его съ Печенѣгами. Такимъ образомъ Владиміръ является основателемъ города Переяславля и даетъ этому городу имя отрока-побѣдителя, хотя городъ этотъ упоминается

уже и въ договорѣ Олега ⁷³⁾. Въ Переяславской повѣсти замѣтны черты, родныя нашему эпосу, дожившему до насъ въ устахъ Олонецкихъ сказателей ⁷⁴⁾. Владиміръ передъ единоборствомъ ищетъ вокругъ себя поединщика и не находитъ — и не обрѣтается нигдѣ же. Этотъ мотивъ часто служить вступленіемъ въ былинну о подвигахъ юнаго, невѣдомаго богатыря. Юноша богатырь, младшій въ семьѣ, еще дома, у отца, проявилъ неимовѣрную силу; въ пылу гнѣва онъ перервалъ череву и съ подошвою ⁷⁵⁾ подобно тому, какъ Илья Муромецъ вынесъ на плечахъ ворота съ подворотнею. Юноша былъ ростомъ средній, а Печенѣжинъ—бѣ превеликъ зѣло и страшень, что напоминаетъ изображеніе Идолица поганого въ былинахъ. И Печенѣжинъ также глумится передъ боемъ надъ своимъ супротивникомъ, какъ Нахвальщина надъ богатыремъ. Кожемяка ударяетъ Печенѣжиномъ объ землю—обыкновенный въ былинахъ пріемъ при концѣ богатырской схватки.

Разсказъ о междоусобіи дѣтей Святослава по цѣльности и законченности можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ разсказовъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Поводъ къ междоусобной войнѣ представленъ вмѣсто

⁷³⁾ „Переяславъ отрокъ тѣ“ стоитъ въ лѣтописцѣ Переяславскомъ. Переяславъ, какъ Ярославъ, Изя—славъ. Переписчикъ Лавр. списка прочелъ дурно древній подлинникъ, или далъ волю собственному измышленію: „заве перея—славу отрокъ тѣ“. Никоновская лѣтопись донесла до насъ имя Кожемяки: Янъ Усмошевецъ (И. С. Р. Л. т. IX, стр. 68).

⁷⁴⁾ Сказаніе о Кожемякѣ еще не забыто на Украинѣ и въ Тамбовской губерніи (См. О. Э. Миллера: Илья Муромецъ и богатырство Кіевское; стр. 586 и Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. 1).

⁷⁵⁾ Лѣтописецъ Переясл. стр. 33.

главной ея причины, какъ это всегда бываетъ въ народно-эпическихъ сказаніяхъ о войнахъ. Простота изложенія и разговорныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ свидѣлствуютъ о близости этого лѣтописнаго разсказа къ устному былевому произведенію.

„Свѣнелдичь, по имени Лють охотился. Вышедъ изъ Кіева, онъ гнался за звѣрьми по лѣсу. И увидалъ его Олегъ и спросилъ: кто это? и сказали: Свѣнелдичь; и Олегъ, наступивъ, убилъ его, ибо Олегъ тоже охотился. И о томъ стала между ними ненависть—у Ярополка и Олега, и молваше всегда Ярополку Свѣналдъ: пойдѣ на братѣ свой и прими волость его, хотя отмстити сыну своему.

Слагая всю вину первой междоусобной войны между братьями на Свѣнелда, разсказъ словами Ярополка произноситъ приговоръ и Свѣнелду и самой войнѣ: „Отъ утра и до полудня таскали изъ рва трупы (тѣла убитыхъ, спихнутыхъ съ моста въ ровъ) и вынули Олега и положили его на коврѣ. И пришелъ Ярополкъ; надъ нимъ плакалъ и сказалъ Свѣнелду: посмотри на то, чего ты хотѣлъ. И погребли Олега на мѣстѣ у города Вручого и есть могила его и до сего дне у Вручого. И пріялъ власть его Ярополкъ“. Разсказъ этотъ, какъ мы уже сказали, округленъ и законченъ. Не снабженный текстами и поученіями, онъ есть драгоценный памятникъ словесныхъ произведеній языческой эпохи. Въ немъ проявились высокія чувства, которыя на почвѣ христіанскихъ воззрѣній создали величаво трогательную повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ повѣствованіи: о второмъ междоусобіи дѣтей Святослава, мы уже встрѣчаемся съ авторомъ—христіаниномъ, карающимъ съ назидательною цѣлью измѣнника Блуда, при помощи текстовъ св. писанія.

Нашъ повѣствователь о быломъ достигъ полноты и си-

стемою своего труда того, что приобрѣлъ прочный авторитетъ въ глазахъ современниковъ и потомковъ, и сводъ имъ составленный сталъ догматическою, основною книгою русскаго дѣписанія.

„Составитель лѣтописца вздумалъ быть историкомъ своего народа“. Это сказалъ Плѣцерь, приписывая всецѣло византійской литературѣ такую смѣлую мысль „Русса“. Другіе ученые указали на самородныя русскія силы, содѣйствовавшія появленію у насъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Мы съ своей стороны стремились дополнить эти указанія пересмотромъ отдѣльных повѣствованій о быломъ, написанныхъ и собранныхъ историкомъ временъ Мономаха.

Скажемъ въ заключеніе, что почва, способная произвести историка, была въ то время подготовлена самимъ народомъ и предшествовавшими писателями. Народъ, въ мѣткѣмъ выраженіи отпечатлѣвшій навсегда то или другое событіе и подвигами своихъ сыновъ ознаменовавшій историческое бытіе свое, въ эпоху принятія христіанства и могущества Кіевскихъ князей, отъ Олега до Мономаха, имѣлъ уже тогда свой кругъ поэтическихъ представленій о томъ, что было при отцахъ и дѣдахъ. Ломая народную пѣсню, переводя на книжный языкъ народную быль, лѣтописатель передаетъ перомъ притчу или пословицу во всей неприкосновенности ея эпическаго склада и выраженія. „За неимѣніемъ древнѣйшихъ памятниковъ чисто народной русской поэзіи—говоритъ Буслаевъ—достаточно однѣхъ этихъ сказокъ и притчей лѣтописи, чтобы составить довольно полное обозрѣніе древне-русскаго народнаго эпоса. Тутъ и Обры великаны, въ которыхъ народная фантазія воплотила древнѣйшее и общераспространенное преданіе о чудовищныхъ существахъ первобытной мифологіи; и родоначальники племенъ и поселеній:

Радимъ, Вятко, Кій; и вѣщій Олегъ, и героическая мстительница, мудрѣйшая изъ женъ... .. и даже Владиміръ народнаго эпоса, пирующій съ дружиною“ ⁷⁶).

Что же касается до предшественниковъ Сильвестра, то одни изъ нихъ, подобные преподобному Нестору, своимъ вселенскимъ міросозерцаніемъ подготовили пироту воззрѣній историка, другіе-же, подобные Іакову Мниху, развили способность живо и горячо сочувствовать былому, плакать и скорбѣть съ страдальцами и вызываться духомъ при описаніи добродѣтели и подвиговъ вѣры.

---

⁷⁶) О народности въ древней русской литературѣ и искусствѣ. (Ист. Очерки Рус. народн. словесности т. II стр. 83).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сказанія XII вѣка—характера церковнаго:

Сказанія Киевской лѣтописи до 1140 г. Проложныя сказанія: объ освященіи церкви Св. Георгия, о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о Новгородскомъ знаменіи.—Сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы—о увѣненіи Андрея Боголюбскаго.—Сказаніе о призваніи Владимірцами Михалка и литературные приемы Суздальскаго повѣствованія вообще. Сказаніе о построеніи станы въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Съ повѣствователемъ Василемъ, авторомъ сказанія о Василькѣ Теробовльскомъ, мы вступили въ двѣнадцатое столѣтіе. Казалось, мы бы въ правѣ ожидать много подобныхъ же сказаній о событіяхъ родной земли, писанныхъ людьми мірскими, близкими къ князьямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждыми духу христіанскаго ученія, какъ не былъ ему чуждъ христіанскій Мономахъ, братолюбецъ, нищелюбецъ—по исполнѣ подтвержденному и другими источниками отзыву лѣтописателя—и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный поганымъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. А между тѣмъ большая часть дошедшихъ до насъ сказаній принадлежитъ къ другому роду повѣствовательнаго творчества. Съ одной стороны искренній, простодушный, не мудрствовавшій лукаво Феодосіевъ самовидецъ имѣетъ своихъ послѣдователей, съ другой—на новыхъ

сказаніяхъ отражаются украшенные приемы и искусственно возвышенный духъ авторовъ повѣстей.

Сѣверъ и югъ раздѣлили между собою литературное наслѣдіе XI вѣка. На сказанія и лѣтописи Владиміро-Суздальскаго происхожденія преимущественно легла печать искусственности. Духъ монашеской простоты и независимости еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ Кіевского происхожденія. Другія же южныя сказанія имѣютъ источникомъ живыя рѣчи дружинниковъ, или записки, веденныя поодаль отъ монастырскихъ стѣнъ. На той почвѣ, гдѣ написано сказаніе о Василькѣ, мы встрѣчаемся, но не прежде XIII столѣтія, съ живымъ и чуткимъ къ военному дѣлу повѣствовательнымъ творчествомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ сказаніямъ о княжескихъ усобицахъ и войнахъ, писанныхъ мірскими людьми, остановимся на сказаніяхъ церковнаго характера. Прямое продолженіе Сильвестрова свода, Кіевская лѣтопись временъ Мономаха и сыновей его находилась въ монашескихъ рукахъ. Общій всѣмъ рассказамъ и краткимъ погоднымъ извѣстіямъ, тонъ этой лѣтописи, до 6648 (1140) года, привелъ Погодина къ мысли, что только около этого года лѣтопись перешла въ другія руки ⁷⁷⁾.

Съ 1140 года вдругъ прекращается богословскій тонъ повѣствованія, взвѣшивающаго поступки князей на вѣсахъ духовнаго суда, исчезаютъ похвальные выраженія: благъ, милостивъ, благолюбивъ и укорительныя—о высокоумьѣ, кровопролитіи. Дѣловой характеръ принимаютъ извѣстія, и не монашескимъ духомъ отмѣчено воспоминаніе о Бонякѣ шелудивомъ

⁷⁷⁾ Исслѣдованія, т. IV, стр. 44—45.

и о Мстиславѣ, который „наслѣдовалъ потъ (путь?) отца своего, Володимера Мономаха великаго, загнавъ Половецъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ“.

Въ Кіевской лѣтописи время Мономаха мы встрѣчаемъ одно сказаніе, имѣющее видъ поученія, обращеннаго къ дружинѣ. Оно какъ будто передѣлано изъ проповѣди ⁷⁸⁾. Въ немъ разсказывается походъ и гибель Ярослава (сына Святополкова-Михайлова) у стѣнъ Володимира, гдѣ тогда княжилъ Андрей, сынъ Мономаха. „Ярославъ разгордился вельми, на Бога надежды не возложилъ, но надѣялся на множество вои. Андрей же великую надежду имѣлъ на Бога и на отца своего молитву надѣялся. Два ляха, принадлежавшіе къ ополченію Ярослава, убили его измѣною въ то время, какъ онъ, разгордѣвшись, ѣздилъ подъ стѣнами города и требовалъ, чтобы граждане вышли къ нему съ поклономъ. Внезапная смерть князя—предводителя рѣшила дѣло: князя союзники и войска ихъ разошлись по домамъ и послали къ Владиміру Мономаху пословъ съ дарами. Разсказъ ставитъ на видъ молитвы къ Богу и добродѣтели Владиміра. „Владиміръ еще былъ въ Кіевѣ и собиралъ вои, а Богъ уже оказалъ ему и сыновьямъ его помощь за честное житіе. А Ярославъ былъ еще такъ молодъ, а уже гордился передъ дядею и теетемъ своимъ Мстиславомъ. „Прочее, дружино и братье, разумѣйте по которому есть Богъ—по гордомъ-ли, или по смиrenomъ“—и далѣе: „Вижьте, братье, коль благъ Господь и милостивъ на смиренныя и праведныя, презирая и мщаая ихъ, а гордымъ противится Господь Богъ“.

⁷⁸⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 9.

Остановимъ вниманіе наше на трехъ, непосредственно одинъ за другимъ слѣдующихъ, разсказахъ Кіевской лѣтописи временъ сына Мономахова, Мстислава. Первый изъ нихъ объ отраженіи Мстиславомъ Половцевъ, безъ союзниковъ, съ одними Переяславцами, проникнуть благочестіемъ и прославляетъ помощь честнаго креста и св. Михаила ⁷⁹⁾. Во второмъ разсказѣ видимъ въ авторѣ лицо болѣе сочувствующее князю, чѣмъ духовенству. Мстиславъ цѣловаль крестъ Ярославу Святославичу Черниговскому, обѣщая заступиться за него противъ племянника его Всеволода Ольговича. Потомъ Всеволодъ уговорилъ Мстислава на миръ, а Ярославъ требоваль отъ того же Мстислава помощи противъ Всеволода, опираясь на крестное цѣлованіе. Игуменъ Григорій, пользовавшійся любовью Мономаха и чтимый Мстиславомъ говорилъ: лучше тебѣ претупить крестное цѣлованіе, чѣмъ проливать кровь христіанскую“ ⁸⁰⁾. Соборъ іереевъ—митрополита тогда не было—бралъ на себя грѣхъ князя, удерживая его отъ войны. И сотворилъ волю ихъ Мстиславъ и съступи креста Ярославу и плакася того вся дни живота своего“. Повѣствователь не пустился въ поученіе и не задался рѣшеніемъ вопроса о томъ: хорошо-ли поступилъ князь. Онъ только не скрылъ сочувствія къ рыцарской печали князя, разъ въ жизни не исполнившаго обѣщанія и клятвы.

Третій разсказъ, повѣствующій о походѣ князей на Кри-

⁷⁹⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 10.

⁸⁰⁾ Бяшеть бовъ ты дни игуменъ Святаго Андрея Григорій любимъ бобѣ преже Володимеромъ, чтевъ же отъ Мстислава и отъ всихъ людей, той бо не вдадѣше Мстиславу встати ратью по Ярославу, река.... П. С. Р. Л. т. II, стр. 11.

вичей, въ Полотскую землю, уже совсѣмъ лишентъ религіознаго характера. Это сжатый отчетъ о походѣ, гдѣ весь главный интересъ сосредоточенъ на военной сторонѣ дѣла. Разсказъ этотъ уже выводитъ насъ изъ круга церковныхъ повѣствованій—и вмѣстѣ съ предъидущими разсказами показываетъ, какъ въ Кіевской лѣтописи, монашеское направленіе, въ разсказахъ о политическихъ событіяхъ, уступало вліянію мірскому. Последнее, въ дошедшемъ до насъ сводѣ, только съ 1140 года, является преобладающимъ.

Нѣкоторыя изъ церковныхъ сказаній были вызваны къ жизни не погоднымъ записываніемъ того, что случилось въ извѣстной русской мѣстности, а вселенскою лѣтописью, обвивающею цѣлью сказаній годовой кругъ чисель. *Прологи*—эти своды краткихъ повѣствовательныхъ и поучительныхъ статей, превращавшіе ничего не говоряща числа каждаго мѣсяца въ образныя воспоминанія и празднества, пополнялись издревле и разсказами о событіяхъ русской жизни. Разсказы, предназначенныя для прологовъ или для сборниковъ, составленныхъ не въ тѣсной рамкѣ монастырскаго интереса, а съ цѣлью обще-церковнаго употребленія, весьма отличаются отъ задушевныхъ сказаній, писанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, каковы: „Сказаніе объ обрѣтеніи мощей Θεодосія“, или „о нахожденіи Боняка на монастырь Печерскій“. Проложныя сказанія отличаются прежде всего означеніемъ времени и мѣста совершившагося событія сообразно съ общимъ приѣмомъ въ разсказахъ изъ жизни вселенской церкви. Сказанія эти кратки и сухи; все личное и лирическое въ нихъ не имѣетъ мѣста. Одно изъ древнѣйшихъ сказаній—а именно, „Объ основаніи Печерскаго монастыря“ (Боголюбиву бо князю Ярославу любящу Берестовое и церковь ту сущу апостоль...)

потеряло въ прологѣ ту послѣднюю часть свою, гдѣ говорится о духовномъ значеніи монастырей, построенныхъ не князьями, а бѣднѣемъ, пощеніемъ, слезами и трудомъ убогихъ иноковъ и гдѣ также авторъ упоминаетъ о своемъ приходѣ въ обитель Θεодосія.

Сказаніе объ освященіи церкви св. Георгія, въ Киевѣ градѣ предѣ враты Святыя Софія встрѣчается только въ прологахъ ⁸¹⁾. Прочтемъ это сказаніе, какъ образецъ безыскусственнаго занесенія въ церковную хронику обстоятельствъ построения храма въ годы недавняго утверженія христіанства въ главныхъ городахъ Руси.

„Блаженный, приснопамятный всея Русьская земля князь Ярославъ, нареченный во святомъ крещеніи Георгій, сынъ Володимеровъ, крестившаго землю Рускую, братъ же святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, въ свое имя хотя создати црковь святого мученика Егорьгія. Да еже восхоте, тоже и сотвори. И яко начаша создати ю—и не бѣ у нея много дѣлатель. И се видѣ князь, призва тивуна и рече ъму: почто у церкви не много стражующихъ? Тивунъ же рече: господине, понеже дѣловластельско естъ и бояться людіе, еда трудъ подымше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако естъ, то азъ сице сотворю, и повелю куцы возити въ комары золотыхъ воротъ. И возвѣстиша на торьгу людемъ, да возьмутъ каждо

⁸¹⁾ Рязь Имп. Публ. Библ. Толст. № 285 Отд. I (F. № 268) Мца Ноября кз—в'той же днь щеніе цркви стго Георгія в Киевѣ градѣ предѣ враты стья Софий.

по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ. И таково скоро коньча церковь и святи ю Ларіономъ митрополитомъ мѣсяца ноября въ 26 день. И сотворивъ въ ней на столваніе новоставимымъ епископомъ и заповѣда во всей Руси творити праздникъ стаго Георгія мѣсяца ноября 26 день“.

Черты древняго быта, встрѣчающіяся въ этомъ сказаніи, не лишены значенія. Простодушная боязнь „властельска дѣла“, приманка народа возимыми деньгами, кличь на торгу, роль тивуна и наконецъ эти самыя: „комары золотыхъ воротъ, куны и ногаты“, и обычай „на столванья“ епископовъ въ особой церкви, все это увеличиваетъ небогатый запасъ свѣдѣній о временахъ перваго Ярослава. Самъ князь, какъ и подобаетъ въ церковной хроникѣ, получаетъ права церковнаго гражданства по родству своему съ просвѣтителемъ земли, Владиміромъ, и святыми мучениками Борисомъ и Глѣбomъ.

И въ лѣтописныхъ сводахъ попадаются сказанія, писанныя для прологовъ, или исключительно въ интересахъ церкви и помимо самой лѣтописи. Такъ въ Киево-Выдубицкомъ сводѣ помѣщено отдѣльное *Сказаніе о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь* ⁸²⁾. Въ этомъ сказаніи сперва поименовываются всѣ епископы и нѣкоторые игумены, прибывшіе на церковное торжество и въ слѣдъ за тѣмъ говорится объ „учрежденіи великомъ“ (обѣдѣ), устроенномъ Олегомъ Святославичемъ для духовенства и бѣдныхъ. Самое событіе перенесенія мощей передается живо, какъ только

⁸²⁾ Ц. С. Р. Л. т. II, стр. 6.

могъ передавать очевидецъ. „Народъ покрылъ собою и градъ, и забрала, яко страшно бяше видѣти народа множество. Раку Бориса поставили на возила, впередъ шли чернецы со свѣчами, потомъ попы и епископы. Затѣмъ раку волокли на ужахъ князя и бояре. Народъ сильно налегъ и поломалъ устроенныя около шествія ограды: едва отъ тѣсноты можно было поставити раку. И повелѣлъ Владиміръ рѣжючи наволоки, орници, бѣль разметати народу, ово же сребреники метати.—Только одна эта послѣдняя подробность уцѣлѣла въ краткой лѣтописной замѣткѣ Лаврентьевскаго свода: и повелѣ Володимеръ метати наволоки, фюфудью, орници и бѣль, людемъ сильно налегшимъ ⁸³⁾).

Святославичи оспориваютъ желаніе Мономаха поставити мощи среди церкви и ссылаются на волю своего отца, завѣщавшаго поставити мощи въ нарочно для нихъ устроенной „комарѣ“. Митрополитъ и епископы для рѣшенія спора и чтобы узнать волю мучениковъ предлагаютъ князьямъ бросити жребіи и кладутъ жребій Мономаховъ и Святославичей на святой престоль. Вынулся жребій Давидовъ и Ольговъ и „Святыхъ поставили въ комару на десной сторонѣ, гдѣ нынѣ лежать“. Краткою хвалою мученикамъ и молитвою къ нимъ, какъ къ поборникамъ отечества и цѣлителямъ недуговъ, оканчивается сказаніе.

Въ концѣ сказаній о чудесахъ Бориса и Глѣба, дополняющихъ житіе, писанное Іаковомъ Мнихомъ, помѣщено и это сказаніе о перенесеніи мощей, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ ⁸⁴⁾). Прибавлены подробности богослуженія, но выпущено

⁸³⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 127.

⁸⁴⁾ См. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ по порученію Имп. Археол. Общ. 1860 г., стр. 86—90.

преніе князей и метаніе жребія. Но память о замѣшательствѣ, происшедшемъ во время постановки гробовъ, отпечатлѣлась въ разсказѣ о томъ, какъ рака св. Глѣба стала неподвижно—и только, послѣ молитвенныхъ возгласовъ народа, она двинулась сама по себѣ. Такъ древнѣйшія правдивыя сказанія измѣнились въ позднѣйшихъ искусственныхъ пересказахъ, гдѣ притомъ черты дѣйствительности превращались въ изображенія чудеснаго.

Въ прологахъ (XIII вѣка и XIV-го) сохранилось древнѣйшее *Сказаніе о Новгородскомъ знаменіи*, въ послѣдствіи передѣланное, какъ и многія подобныя сказанія, въ повѣсть. Обычный въ Новгородской письменности ⁸⁵⁾ сжатый складъ повѣствованія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ требуемой прологомъ краткости.

Въ сказаніи о Знаменскомъ чудѣ сжато переданы обстоятельства дѣла: распря Новгородцевъ съ Суздальцами изъ-за Двинской дани. „Богъ пособилъ Новгородцамъ, разбившимъ полкъ Андрея. О томъ князь Андрей разгнѣвался на Новгородъ и нача копити рать. Самъ тогда разболѣлся ⁸⁶⁾ почему и послалъ сына Романа со всею силою Суздальскою и князя Мстислава со Смольнянами Рязанцевъ съ своими князьями, и Муромцевъ, и Полочанъ, и Торопчанъ, Переяславцевъ и Ростовцевъ; и было всѣхъ князей 72. Ново-

⁸⁵⁾ Мы пользовались однимъ изъ древнѣйшихъ списковъ въ Прологъ Имп. П. Библ. ркпсѣ XIII вѣка. Толст. Отд. I, № 69. (F. № 288).

⁸⁶⁾ „—Слово о знаменіи стѣя Бца“, сотворися знаменіе великое и преславное, отъ иконы стѣя Бца въ Новгородѣ сице: живущимъ Новгородцемъ и т. д.

городцы въ скорби сѣтовали и молились Богу. Суздальцы стояли подъ городомъ три дня. На третью ночь владыка Іоаннъ услышалъ гласъ, указавшій ему на икону Богородицы, на Ильинѣ улицѣ. Чудомъ Богородицы побѣдили Новгородцы; враги же ихъ ослѣпли и бились между собой. Новгородцы—однихъ избили, другихъ живыми взяли въ плѣнъ. И положиша праздновати всѣмъ Новымъ—городомъ знаменію“. Таково содержаніе первоначальнаго сказанія о знаменитой Новгородской побѣдѣ надъ Суздальцами. Въ самомъ началѣ сказанія замѣчательно объясненіе Новгородскаго государственнаго устройства съ мѣстной точки зрѣнія: „Живущимъ Новгородцемъ и владѣаху своею областію, яко же имъ Богъ поручилъ, а князя держаху по своей воли“ ⁸⁷⁾. Въ концѣ сказанія интересна переписка, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ первоначальной редакціи: „Тогда Новгородци начаша продавати Суздальца по двѣ ногатѣ ⁸⁸⁾. Это похвальба, соединенная съ насмѣшкой, сродна съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ о Половецкихъ плѣнникахъ: „чага по ногатѣ, а кощей по резани“ и съ шутивнымъ заключеніемъ одной Оловецкой былины:

---

⁸⁷⁾ Позднѣе отдѣльныя Новгородскія Повѣсти начинались такъ: „Въ лѣта благочестивыхъ князей нашихъ Русскихъ живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ совокупленіи. (Повѣсти древнихъ лѣтъ, яже содѣяшася въ великомъ Новѣградѣ, въ Сборникѣ Имп. П. Библ. Толст. Отд. II, № 254.

⁸⁸⁾ Эта приписка стоитъ и въ одномъ лѣтописномъ сводѣ (см. П. С. Р. I. т. V, 9—10), гдѣ впрочемъ помѣщено сказаніе въ своей древнѣйшей редакціи, совершенно сходной съ вошедшею въ Прологи XIII и XIV столѣтій.

Старунечки были по полупечкѣ,
А молодунечки по двѣ денежки ⁸⁹⁾.

Нельзя рѣшить патріотическое-ли чувство писателя Новгорода допустило его внести это выраженіе въ прологъ, или переписчикъ счелъ эту шутку за чистую монету?

Въ Кіевскомъ сводѣ лѣтописей встрѣчаются одно за другимъ *три сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы* ⁹⁰⁾. Эти три сказанія вѣроятно составляли часть сборника сказаній о чудесахъ Богородицы. Сказанія эти писаны лицами преданными князю Андрею Боголюбскому; два изъ нихъ происхожденія Владиміро-Суздальскаго, а одно Кіевскаго, но относится къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ братъ того-же Андрея, Глѣбъ, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ третій братъ Михалко.

Одно изъ этихъ сказаній передаетъ событіе Новгородской осады и бывшее при немъ чудо съ точки зрѣнія противоположной Новгородскому взгляду. Сынъ Андрея, Мстиславъ, по этому сказанію, не потерпѣлъ пораженія отъ Новгородцевъ; виною же бѣды, постигшей Суздальское ополченіе, былъ голодъ и моръ. Это было послано Богомъ, какъ испытаніе. О самомъ чудѣ Богородицы говорится слѣдующимъ образомъ: „Мы слышали, что за три года до того на трехъ иконахъ плакала Богородица и всѣ люди это видѣли. То матеръ Божія видѣла бѣду, грозившую Новгороду и молила Сына Своего, чтобы не искоренилъ Новгородцевъ, какъ Содома и Гоморру. Такъ и сбылось! видимо Богъ ихъ помиловалъ, наказавъ

⁸⁹⁾ Сборникъ Рыбникова, т. I, Вольга Буслаевичъ, по пересказу Кузьмы Романова.

⁹⁰⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 102—104 и т. I, стр. 151—154.

смирилъ ихъ до зѣла; за преступленье, за гордость навелъ на нихъ враговъ, но и избавилъ градъ ихъ“. Суздалець напоминаетъ Новгородцамъ, что они освобождены прадѣдами „нашихъ вязей“ и поносятъ ихъ за злое невѣрствіе, за преступленіе клятвы, за что Богъ и „наказалъ ихъ по достойнїю рукою благовѣрнаго князя Андрея“. Пристрастное истолкованіе событія „отъявнаго честь и славу отъ Суздальцевъ“ (по новгородскому выраженію), патяжкою и тонкою изворотливостью приписываетъ рукѣ Андрея, будто-бы наказавшей Новгородцевъ, значеніе Божьяго орудія.

Второе сказаніе повѣствуетъ о казни еретика, епископа Ѳедора, мучившаго гражданъ угасными муками. „Богъ сжалился надъ кроткими людьми Ростовской земли и спасъ ихъ крѣпкою благочестивою, царскою рукою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея“⁹¹⁾.

Третье сказаніе о чудѣ Десятинной Богородицы, событіи Кіевскомъ, случившемся въ княженіе брата, Андреева, Глѣба, при непосредственномъ участіи другого брата Михалка. Начало этого сказанія своими общими поясненіями о Десятинной церкви—къмъ она построена и почему такъ названа—и упоминаніемъ о томъ, кто княжилъ въ Кіевѣ, указываетъ на отдѣльность и самостоятельность этого памятника.

Чудо створи Богъ и Святая Богородица—церковь Десятинная въ Кіевѣ, уже бѣ создалъ Володимерь, иже крестилъ землю и далъ бѣ деся-

---

⁹¹⁾ Существуетъ мнѣніе что источникомъ этого сказанія была митрополичья суровая грамота о Ѳедорцѣ. (См. статью С. М. Соловьева: Взглядъ на состояніе духовенства въ древн. Руси, стр. 9—13 въ Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древн. 1847 г. № 6).

тину церквитой по всей Русьской земли. Створи же то мати Божія чудо паче нашея надежа. Сѣдѣящу же Глѣбови Юрьевичу въ Кіевѣ на столѣ отиѣ и дѣднѣ, въ первое лѣто приде множество Половцевъ“.....

Половцы раздѣлились на два отряда и одновременно изъ подъ Переяславлѣ и изъ подъ Корсуня приглашали Глѣба пріѣхать къ нимъ, положить рядъ и утвердить его клятвою „да ни мы начнемъ боятисѣ васъ, ни вы насъ“. Услышавъ рѣчь Половецкихъ князей, Глѣбъ захотѣлъ итти къ нимъ на снемъ и сказать посламъ Половецкимъ: „иду къ вамъ“, а самъ сталъ думать съ дружиною о томъ, къ которымъ Половцамъ итти впередъ. И сдумали прежде итти къ Переяславлѣ: ибо князь Переяславскій Володимерь Глѣбовичъ „въ то время бѣшетъ малъ, яко 12 лѣтъ“. И пошелъ Глѣбъ къ Переяславскимъ Половцамъ на снемъ, а къ другимъ Половцамъ, стоявшимъ на р. Роси, у Корсуня, послалъ сказать: „пождите меня тамъ, иду къ Переяславлѣ; умирившись съ тѣми Половцами, я къ вамъ приду на миръ“.

Умирившись съ Половцами и одаривъ ихъ, (Глѣбъ) поѣхалъ отъ нихъ—и Половцы возвратились въ Половецкую землю ⁹²⁾ Глѣбъ же Юрьевичъ пошелъ къ Корсунскимъ Половцамъ съ братомъ съ Михалкомъ и съ дружиною своею и доѣхалъ онъ до Перепетовскаго поля.

Половцы же тѣ, услышавъ, что Глѣбъ отѣхалъ къ Переяславлѣ, сдумали такъ: „вотъ Глѣбъ уѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ и тамъ ему застрѣть, а къ намъ онъ не поѣхалъ; пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села, и пойдемъ

---

⁹²⁾ Половцы—възвратишасѣ въ Половѣци.

съ полономъ въ Половци. И поѣхали за Кіевъ воевать, и пріѣхали къ Полоному, къ святѣй Богородици къ граду Десятинному—и взяша села безъ учета съ людьми: съ мужи и съ женами и конѣ и скоты и овцѣ—погнаша въ Половци“.

„И былъ Глѣбъ на Перепетовскомъ полѣ. Возвращаясь изъ Переяславля, онъ хотѣлъ идти на ту сторону Днѣпра къ Корсую на снемъ. И пришла къ нему вѣсть, что Половци не дождались снema его, поѣхали воевать и воюють. И хотѣлъ Глѣбъ на нихъ самъ идти, но Берендѣи взяли коня за поводъ и сказали: княже, не ѣзди. Тебѣ лѣпо ѣздить въ великомъ полку, когда съ тобою идутъ и другіе князья, а нынѣ пошли брата котораго любу и Берендѣевъ нѣсколько. И послалъ Глѣбъ брата своего Михалка и съ нимъ Переяславцевъ сто и Берендѣевъ полторы тысячи“. Тутъ сказаніе переходитъ къ самому подвигу Михалка. Въ послѣдовательности и спокойствіи разсказа первой половины видны отдѣлка и приемы, свойственные лицу, повѣствующему о несовременномъ, но памятномъ въ дружинѣ событіи.

Рѣчи, влагаемая въ уста Глѣба и Половцевъ, носятъ характеръ творческаго приема былины и повѣсти о минувшемъ времени.

Вторая часть сказанія также округлена и отдѣлана, какъ и первая. „Михалко сотворилъ послушаніе братне, хотя его дружины съ нимъ не было и не знала дружина о скорой поѣздѣ своего князя. И цѣловалъ Михалко брата своего Глѣба и всю дружину братню и пошелъ на Половцевъ; пошли на нихъ и Берендѣи съ Михалкомъ, по дорогѣ Половецкой“.

„Наши пошли на перерѣзъ Половцевъ и встрѣтились

прежде всего съ ихъ передовымъ (сторожевымъ) отрядомъ въ 300 человекъ. Наши окружили этотъ отрядъ, избили и взяли въ плѣнъ и стали спрашивать: много-ли вашихъ назади? И они отвѣчали: много до семи тысячъ. И наши, услыхавъ это, стали думать: что ежели мы даруемъ этимъ (плѣнникамъ) жизнь? Намъ мало, а Половцевъ назади много; когда начнемъ съ ними биться—они будутъ первые наши враги. И избили всѣхъ и не отпустили ни одного мужа. И пошли по Половецкой дорогѣ—и встрѣтили Половцевъ, шедшихъ съ полкомъ и бились и одолѣли, самихъ избили, а полонъ свой отняли и спрашивали и тѣхъ: много-ли васъ еще назади? и тѣ отвѣчали, имъ: самый великой полкъ назади идетъ“.

Слѣдя за увеличеніемъ опасности, авторъ сказанія, передъ третью рѣшительною встрѣчею, прибавляетъ: „Наши же Божіею помощію крѣпляхуся и святою Богородицею. Вотъ дождались они и того полку великаго и пошли къ нему навстрѣчу, уповая на крестъ честной. У поганыхъ было 900 копій, а у Руси 90 копій. Надѣялись поганые на силу и пошли противъ нашихъ, а наши противу имъ“.

„Переяславцы—храбры (дѣрзи)—и поѣхали они напередъ съ Михалкомъ. Берендѣи же взяли князьего коня за поводъ; не ѣдите вы напередъ, вы нашъ городъ, а мы пойдѣмъ напередъ. Стрѣлки сошлись съ обѣихъ сторонъ, и бысть сѣча зла. Нашего стяговника убили и челку стяговую сторгоша съ стяга. И не видя своего знамени, сбились сражающіеся. И былъ у Михалка воевода Володиславъ; и Володиславъ замыслилъ поднять стягъ Михалковъ и вмѣсто чолки надѣлъ на него „прилбицу“ (вѣроятно шлемъ или подшлемную шапку), и тогда всѣ собрались къ своему стягу и въ свою очередь и Половецкаго стяговника убили. Тремя уда-

рами копій—быль ранень Михалко въ стегно и руку, но Богъ молитвою отца избавиль его отъ смерти“.

„Былись (Русскіе) съ Половцами крѣпко, какъ бывало прежде у лукоморья. И Половцы побѣжали, а наши погнали ихъ, били и брали въ плѣнъ. И руками взяли ихъ до полуторы тысячи, а прочихъ избили, а князь ихъ Тоглій утече“.

„Такова была помощь—заключаетъ сказаніе—святой Богородицы, великой, Десятинной. И если Богъ не дастъ въ обиду челоуѣка простаго—то дастъ-ли онъ въ обиду домъ своей Матери“? И пришелъ Михалко съ Переяславцами и Берендѣями въ Кіевъ, побѣдивъ Половцевъ и христіанъ избавивъ отъ рабства. Полоненные возвратились во свояси, а прочіи крестьяни все прославиша Бога и святую Богородицу, скорую помощницу роду крестьянскому“.

Подвигъ Михалка, какъ и всѣ подвиги противъ поганыхъ, доставиль ему славу въ Южной Руси, и повѣсть о его подвигѣ упрочилась въ дружинномъ поэтическомъ преданіи. Стяговникъ Русской и Половецкой, убитый въ отместку за Русскаго, и эта прилбница, замѣнившая челку знамени, все это—подробности живаго дружиннаго разсказа. Троекратная встрѣча Половцевъ и дважды повторенный приѣмъ Берендѣевъ—браться за поводъ княжяго коня невольню напоминають эпическое повтореніе, неотъемлемую черту былеваго разсказа. Преданное интересамъ Десятинной церкви, духовное лицо воспользовалось готовымъ, и быть можетъ не разъ слышаннымъ, матеріаломъ и переложило его на книжный языкъ, поставивъ притомъ въ основу мысль о чудѣ Богородицы. Религіозная идея округлила, но не измѣнила былеваго содержанія и благодаря этой идеи до насъ дошло, хотя и въ пересказѣ, дружинное поэтическое произведеніе о подвигѣ Михалка—произведеніе, связанное припомни-

наніємъ о „лукоморьѣ“ съ повѣстями, славившими подвиги Мономаха.

Составленный въ Суздаль сборникъ о чудесахъ Богородицы вмѣстилъ это южное сказаніе, вѣроятно потому, что Михалко былъ Суздальской уроженецъ и даже въ послѣдствіи былъ тамъ великимъ княземъ.

У составителя лѣтописнаго свода, кромѣ сказанія о чудѣ Десятинной Богородицы, была еще и лѣтописная замѣтка о томъ же самомъ подвигѣ Михалка, но замѣтка довольно глухая, неточная, гдѣ вкратцѣ говорится о троскратной встрѣчѣ Половцевъ и о избіеніи сторожеваго отряда. Здѣсь удача не приписывается исключительно Десятинной Богородицѣ, а вообще Богу и молитвѣ княжьихъ дѣдовъ и отцевъ ⁹³). Съ Михалкомъ упоминается и братъ его Всеволодъ; вмѣстѣ съ Берендѣями идутъ и Торки. Воевода Володиславъ является также дѣйствующимъ лицомъ, но только не по поводу стяга, а при избіеніи Половецкихъ плѣнниковъ. Се держимъ колодники себѣ на смерть—говоритъ онъ—повели, княже, ать посѣкутъ и.

Эта лѣтописная замѣтка указываетъ на вариантъ дружиннаго разсказа. Но какъ было согласить ее съ сказаніемъ? Составитель „лѣтописца“ вышелъ изъ затрудненія и отнесъ ее къ слѣдующему году, тому году, когда скончался въ Киевѣ великой князь Глѣбъ. Такъ какъ обстоятельства, по которымъ Глѣбъ отсутствовалъ, ему не были извѣстны, то онъ распустилъ

---

⁹³) П. С. Р. Л. т. II, стр. 105: То же зими (6681, а чудо Десятинной Богородицы разсказано подъ 6680 г.) придоша Половцы на Кыевскую страну и взяша множество селъ....

что великой князь былъ боленъ: Глѣбу же больну сущу, посла' по брата...

Сказаніе о убіеніи Андрея Боголюбскаго, не смотря на нѣкоторыя искусственныя и общецерковныя мѣста, сохраняетъ характеръ правдиваго сказанія, писаннаго лицомъ, преданнымъ князю и глубоко потрясеннымъ убійствомъ, коего это лицо, находившееся въ Боголюбовѣ, было свидѣтелемъ.

Андрей былъ убитъ измѣною. Святой Борисъ и окаянный Горясѣръ какъ нельзя ближе подходили къ темѣ сказанія и могли сообщить готовые краски. Страданія князя, погубленнаго измѣною, даютъ автору право обратиться къ нему одушевленное слово, какъ къ мученику, увѣчанному вѣнцемъ святости. Предсмертныя молитвы Андрея и воззванія его къ убійцамъ говорятъ за стремленіе къ возвышенному, искусственному построенію сказанія, которое однако въ общемъ не поставлено на идеальную почву повѣсти. Словамъ автора, что Андрей пострадалъ за Христа противорѣчатъ слова Кучковича, тутъ же приведенныя: „сегодня онъ брата казнилъ, а завтра казнить и насъ“. Сравненіе Андрея съ агнцемъ, идущимъ на закланіе, противорѣчитъ подробностямъ схватки его съ убійцами: Блаженный же вскочи, хотѣ взять мечъ и не бѣ ту меча.... и въ скочиша два окаянная и ястася съ нимъ, и князь поверже одного подъ ся. Во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ авторъ пользуется условными выраженіями языка „житій“: сатана веселилъ заговорщикоевъ въ медушѣ княжьей, гдѣ они пили вино и крѣпили ихъ, не видимо имъ служа. Устремишася яко звѣрье свѣрьпыи... Андрей помяну вся Говова и пр. Но тѣмъ не менѣе сказаніе, какъ живая передача видѣннаго, не

выдерживаетъ искусственной формы и переходитъ въ правдивый и безыскусственный складъ.

Нѣкоторые мѣста отмѣчены особенно живымъ изложениемъ. „Къ князю въ ложницу стучатся заговорщики: Господине, Господине! И князь спросилъ: кто тамъ? Убійца отвѣчалъ: „Прокопій“ и рече князь: о паробъче, не Прокопій“!

Глубокимъ чувствомъ и силою драматизма отличается въ особенности то мѣсто, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является кievлянинъ Кузмище. Среди самой оргіи грабежа и разоренья княжьего дома—страшно зрѣти—„Кузмище спрашиваетъ злодѣевъ: гдѣ убитый господинъ нашъ? и слышитъ отвѣтъ: его стащили въ огородъ, не моги брать его; мы хотимъ его выбросить псамъ. Кто возмется за него, тотъ нашъ врагъ, и мы убьемъ его“.

„Господине мой—плакалъ Кузмище надъ тѣломъ князя своего—какъ ты не распозналъ враговъ твоихъ, какъ не домыслилъ побѣдить ихъ, ты, побѣждавшій полки проклятыхъ Болгаръ“! Но вотъ приходитъ Амбаль, Ясинъ родомъ—онъ держалъ ключъ отъ всего дома княжьего и князь ему далъ волю надо всѣмъ. „Амбале, вороже, сбрось коверъ или что еще, чтобы разостлатъ и чѣмъ бы прикрыть господина нашего“. И рече Амбаль: иди прочь, мы хотимъ выверечи псомъ. И рече Кузмище: „о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бѣшетъ? Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ. Но молю ти ся сверзи ми чтолибо“ и сверже коверъ и корзно. И обвертѣлъ Кузмище тѣло и понесъ въ церковь и проситъ: „отмкните божницу“—и слышитъ въ отвѣтъ: „брось его въ притворъ,

вотъ далась тебѣ печаль“. Вѣрный Кузмище вновь горько причитаетъ надъ участію своего князя: бывало гостепріимный князь всѣхъ водилъ показывать красоту созданной имъ церкви, пріѣдтъ ли къ нему гость изъ Царяграда, латинянинъ или даже поганый жидъ, и болгарь, а теперь его самого туда не пускаютъ“. Въ этомъ то преданномъ князю Кіевлянинѣ нельзя не видѣть самого автора сказанія. Находясь на мѣстѣ убійства и быть можетъ живя на дворѣ княжескомъ, Кузьма по горячимъ слѣдамъ узнать обстоятельства злодѣянія. Ему близко и дорого по воспоминавію то время, когда единственнымъ хранителемъ тѣла своего князя былъ онъ самъ.— „Два дня убіенный князь лежалъ въ притворѣ и только на третій день игумень Арсеній сказалъ: долго-ли намъ смотрѣть на старѣйшихъ игуменовъ и долго-ли сему князю лежать? отмените божницу, да отпою надъ нимъ..... да коли перестанетъ злоба, тогда пришедь изъ Володимеря понесутъ и тамо“. „Злоба“ Боголюбскихъ горожанъ, ограбившихъ не только домъ князь, но и дома посадниковъ и тивуновъ и избившихъ самихъ дружинниковъ, и злоба Володимерскихъ жителей, усмирненныхъ попомъ Микулицею, обопедшимъ, въ ризахъ, со святою Богородицею городъ, внушаетъ князьему челоуѣку тексты священнаго писанія о противленіи власти, какъ о дѣлѣ богопротивномъ: Князь бо не туне мечъ носить; Божій, бо слуга есть. По обычаю, издавно установившемуся въ цѣльныхъ сказаніяхъ, авторъ поправляетъ свое отклоненіе отъ предмета словами: „Мы же напряжнее возвратимся“ и переходитъ къ шестому дню по убійствѣ, къ пятницѣ, когда совершилось торжественное перенесеніе тѣла Андреева въ городъ. „Граждане сказали игумену Феодулу и Лувѣ, демественнику Святой Богородицы: нарядите посылки и пойдемъ, возьмемъ князя и

господина своего Андрея, а попу Микулицѣ сказали: собери поповъ всѣхъ и, облекшись въ ризы, выдѣте передъ Серебряныя ворота и тамъ дожидаетесь князя. Когда почалъ выступать стягъ отъ Боголюбова раздался вопль и плачь. Народъ въ плачѣ приговаривалъ: Ужъ не въ Кіевъ-ли ты поѣхалъ, господине, черезъ тѣ Золотыя ворота, которыя ты послалъ строить у той церкви, на великомъ дворѣ на Ярославомъ“ и т. д.

Положеніемъ тѣла съ благохвальными пѣснями въ церкви, юже бѣ самъ создалъ, оканчивается сказаніе о кончинѣ Андрея. Заключение состоитъ въ прославленіи добродѣтелей князя, которого Богъ привелъ къ себѣ, омывъ прегрѣшенія его кровью, подобно братьямъ его Роману и Давиду (Борису и Глѣбу). За тѣмъ слѣдуетъ молитвенное воззваніе къ Андрею (радуешься Андрею княже великой...) съ прошеніемъ о побѣдѣ надъ врагами и о мирной державѣ братіи ихъ „на многія лѣта—во вѣки вѣковъ аминь“.

Заключительныя слова эти въ Суздальскомъ сводѣ измѣнены. Молитва Андрея призывается не для брата его вообще, а для „князя нашего и господина Всеволода—съ княгинею и съ благородными чадами“. Но это уже вторая редакція того-же самого сказанія. Подробности о Кузмицѣ и о пренебреженіи къ тѣлу князя тутъ опущены; вмѣсто Кіевлянина являются влирошане Боголюбскіе, положившіе непосредственно послѣ убіенія тѣло Андрея въ каменный гробъ ⁹¹⁾. Опущены и другія живыя подробности убіенія (пиръ въ княжой медушѣ, разговоръ Андрея съ убійцею).

---

⁹¹⁾ П. С. Р. Л. т. IX, стр. 250.

Это служитъ живымъ образчикомъ того, какъ урѣзывалось въ передѣлѣ все живое, подробное, и наводитъ на мысль о томъ, что источниками торжественныхъ, официальныхъ лѣтописей были еще и многія другія, не дошедшія до насъ, живыя сказанія, изображавшія съ отчетливостью и полнымъ современнымнн событія.

Сказаніе Кіевлянина снабдило Суздальской пересказъ всѣми фактами, а равно и текстами и выраженіями; только подвигъ Кузмища не удостоился упоминанія.

Сказаніе же было написано весьма скоро послѣ убіенія и во всякомъ случаѣ до вокняженія Всеволода во Владиміро-Суздальской землѣ, слѣдовательно между 6 числомъ іюля 1175 года и 27 іюня 1177 года.

Но и въ первоначальной, неизмѣнной редакціи (въ Кіевскомъ сводѣ) сказаніе это не дошло до насъ слитымъ съ похвалою Андрею, писанною не Кіевляниномъ, а Владимірецомъ, описавшимъ всю роскошь устроенной Андреемъ Владимірской Златоверхой церкви. Похвала эта, прославляющая Андрея, какъ строителя церквей, какъ человѣка воздержнаго, милостиваго до духовенства и бѣдныхъ, стремится поставить Андрея на высоту добровольнаго мученика: стремясь получить страдальческой вѣнецъ, онъ зналъ о заговорѣ на свою жизнь, и не препятствовалъ заговорщикамъ. А между тѣмъ въ сказаніи Кузмища плачетъ о томъ, что Андрей не догадался, что противъ него есть заговоръ. Такъ шивали наши древніе сводчики свои источники, не только не переработывая ихъ, но даже и не оговаривая противорѣчій.

Вообще сказаніе объ убіеніи Андрея по правдивости и живому изложенію есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятни-

ковъ повѣствовательной литературы XII столѣтія. По искренности и простотѣ и даже по изложенію, памятникъ этотъ однороденъ съ сказаніемъ объ обрѣтеніи мощей Θεодосія Печерскаго: та же непосредственная передача личныхъ впечатлѣній и безыскусственность изложенія того, что видѣлъ, слышалъ и прочувствовалъ авторъ. Изошренная и натянутая Владиміро-Суздальская прибавка своимъ противоположнымъ характеромъ отбѣняетъ искренность и простоту первоначального сказанія. Прибавка къ сказанію объ убіеніи Андрея совершенно въ духѣ Владиміро-Суздальскаго повѣствованія.

Печать церковности лежитъ на Суздальскихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Обиліе текстовъ, подбираемыхъ ко всякому описываемому событію, и одни и тѣже выраженія въ оцѣннѣ князей и въ усердно расточаемой хвалѣ каждому великому князю господину Ростовско-Суздальской земли говорятъ за установившіеся литературные приемы, за особую литературную школу. Лѣтописи Суздальской школы по большей части сухи и безцвѣтны; причина тому, сверхъ упомянутыхъ уже нами свойствъ, заключается въ строгой разборчивости, при которой только рѣдкіе и опредѣленные случаи удостоивались внесенія въ лѣтопись. Величавость содержанія требовала сокращенія сказаній, пришедшихъ съ юга и урѣзыванья живыхъ подробностей при передачѣ мѣстнаго происшествія. Исключительное, подобострастное отношеніе къ князьямъ свидѣтельствуетъ объ officialномъ характерѣ этихъ лѣтописей. И здѣсь нравственный приговоръ или сужденіе писателя никогда не возвышается надъ совершившимся фактомъ; напротивъ того съ дипломатическою изворотливостью всякое событіе худое или доброе поясняется на пользу и хвалу князя и Владимірскихъ гражданъ. Самымъ выдающимся примѣромъ этого умѣнья дать

особый и пристрастный смысл даже и неблагоприятному событію можетъ служить Суздальской рассказъ о Новгородскомъ знаменіи (см. выше).

Въ Лаврентьевскомъ лѣтописцѣ три сказанія о чудесахъ Богородицы (знаменское, о Ѳеодорцѣ епископѣ и о подвигѣ Михалка) находятся среди отрывковъ Киевскихъ лѣтописей, хотя и не всегда тѣхъ самыхъ, которыя вошли въ Киевской лѣтописный сводъ или, т. н. Ипатьевскую Лѣтопись. Лѣтописаніе Суздальское въ сводахъ, дошедшихъ до насъ, есть прямое продолженіе Киевскаго лѣтописанья. При Юріи оно еще не отличается отъ южнаго, но при Андрѣе уже получаетъ мѣстный характеръ. Первый по времени образецъ повѣствованія Владимірскаго происхожденія есть—сказаніе о Новгородскомъ знаменіи; потомъ слѣдуетъ сказаніе объ обличеніи и казни Андреемъ епископа Ѳеодорца и наконецъ третье произведеніе тѣхъ-же свойствъ и того же происхожденія—Похвала Андрею, слитая съ сказаніемъ о его кончинѣ, и заключительная прибавка къ сказанію (по Суздальск. редакціи): радуешися Андрѣю, княже великій—молися помилovati князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду и мирну державу и царство небесное ныня и присно, въ безконечныя вѣки, аминь.

Рядъ послѣдовательныхъ Владиміро-Суздальскихъ рассказовъ начинается *сказаніемъ о призваніи Владимірцами Михалка, брата Андреева*⁹⁵).

Сказаніе это имѣетъ цѣлью прославить увѣнчанныхъ успѣхомъ Владимірцевъ. Они помнили крестное цѣлованіе къ

⁹⁵) П. С. Р. Л. т. I, стр. 158.

Юрію на его дѣтяхъ и хотѣли имѣть княземъ Михалка Юрьевича, тогда какъ другіе города Ростовской земли: Ростовъ, Суздаль, Переяславль, забывъ это крестное цѣлованіе, призвали юныхъ князей, сыновей Ростислава Смоленскаго. Владимірцы быются за Михалка; цѣлыя семь недѣль, они выдерживаютъ осаду, ибо Святая Богородица оберегаетъ ихъ. Когда уже нельзя было долѣе держаться, они съ плачемъ отпускаютъ отъ себя Михалка. За приверженностью къ князю еще скрывается другое чувство. Не противъ Ростиславичевъ бились Владимірцы, но не хотяще покориться Ростовцемъ, зане молвахуть (последніе): пожьжемъ и, паки ли посадника въ немъ (во Владимірѣ) посадимъ: то суть наши холопы, каменъници ⁹⁶).

Побѣдители Ростиславичи роздали посадничество „Русскимъ мужамъ“ (т. е. не мѣстнымъ а южно-русскимъ) и тѣ помногу тяготу людямъ створиша продажами и вирами. По молодости лѣтъ князья слушали бояръ, а тѣ научили ихъ брать многое имѣніе. Когда же князья взяли золото и серебро Владимірской Богородицы—тогда возстали Владимірцы. „Мы вольныхъ князей приняли къ себѣ, а эти двое камъ будто не у насъ княжатъ—грабятъ волости и церкви. А промышляйте братья“.

По зову Владимірцевъ двинулся къ нимъ Михалко—съ братомъ Всеволодомъ, а Ярополкъ Ростиславичъ съ полкомъ своимъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, чтобы не пустить ихъ городу Владиміру. Тогда, по словамъ сказанія, случилось новое чудо Святой Богородицы: „враждебныя полки не встрѣтились въ лѣсахъ (минустася въ лѣсѣхъ) за Москвою. Въ Суздаль по-

⁹⁶) Тамъ же стр. 159.

лучилъ Ростиславичъ Мстиславъ вѣсть отъ брата: Михалко немощенъ, несутъ его на носилѣхъ, а съ нимъ дружины мало. Я за нимъ гонюсь, а ты, брате, скорѣе иди противъ него, чтобы онъ не вошелъ въ Володимерь. Лишь только вѣсть эта пришла къ Мстиславу, онъ, объявивъ дружинѣ, поѣхалъ изъ Суздаля такъ борзо, какъ бы за зайцемъ погнался. Дружина неслась за нимъ“. Живо и не многословно описана встрѣча втораго Ростиславича съ Михалкомъ за пять верстъ до Владиміра. „Вдругъ изъ загорья выступилъ передъ Михалкомъ полкъ—все во броняхъ, яко во всякомъ леду, и подъяша стягъ. Михалко поспѣшилъ устраивать полки свои, а Мстиславово войско кликнуло кличь—яко пожрети хотяще. Но Богъ помогъ Михалку и брату его Всеволоду, зане цѣловали крестъ и не унизили крестнаго цѣлованія. Да сверхъ того за нихъ была молитва отца, дѣда и прадѣда“.

Разсказывая о торжественномъ вшествіи Михалка во Владиміръ, повѣствователь не надивится новому чуду Матери Божьей, какъ укрѣпляетъ она своихъ гражданъ: „Не вложи бо имъ Богъ страха и не убоялись двоихъ князей, сидѣвшихъ въ ихъ волости, и боярскія угрозы не вмѣнили ни во что“. Восхваляя успѣхъ пригорода Владимірскаго, повѣствователь не безъ ироніи относится къ гордынѣ старыхъ городовъ: „Вотъ новые мезиніи люди уразумѣли правду Божию, когда сказали: либо Михалка добудемъ себѣ, либо головы своя положимъ за Св. Богородицу и за Михалка. А Ростовцы, Суздальцы старѣйшіе, давніи не разумѣша правды Божія“. Къ нравственному значенію юнаго города примѣняется и текстъ: „Господи, утаилъ се отъ премудрыхъ и разумѣнъ, открылъ еси младенцемъ“. Сліяніе интересовъ города Владиміра съ личностями братьевъ Андрея и вра-

жадебное чувство къ старому Суздалью, равно какъ и освѣщеніе мѣстныхъ интересовъ религіозной правдою и заступничествомъ Богородицѣ, видимъ и въ слѣдующихъ затѣмъ повѣствованіяхъ Владиміро-Суздальскаго лѣтописнаго свода.

Чудная Мати Божія Владимірская (т. е. церковь ея) и весь городъ показался Всеволоду Юрьевичу на воздухѣ. Князь и весь полкъ его видѣли чудо. Врагъ Всеволода, Мстиславъ, слушаетъ „рѣчи ростовскія и боярскія, рѣчи злыхъ челоувѣкъ“. Побѣжденный Всеволодомъ Мстиславъ бѣжитъ „гонимъ гнѣвомъ Божиимъ ⁹⁷⁾“.

Но что дѣлать писателю, когда его любимый князь не согласенъ съ его же прославленными согражданами, какъ напримѣръ въ дѣлѣ мценія Суздальцамъ? на чью сторону станетъ писатель? измѣнить-ли духу ненависти къ врагамъ роднаго города, или всё таки станетъ на сторону князя, составившаго городу честь и славу? „Князь господинъ“ покоряетъ себѣ сочувствіе рассказчика. Всеволодъ не захотѣлъ ослѣпить Суздальскихъ плѣнниковъ, какъ того требовали Владимірцы: авторъ объясняетъ это богобоязненностью и благостью князя. Но, когда въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ уступилъ, авторъ не обвиняетъ его въ слабодушіи, а только умываетъ руки князя въ злодѣйствѣ: Всеволоду печальну бывшую, не могшую удержати людей ⁹⁸⁾.

По поводу казни Новгородцевъ въ Торжкѣ, за измѣну Всеволоду, повѣствователь приводитъ не безъ сочувствія характеристическія слова своихъ согражданъ: „мы не цѣловать ихъ пріѣхали; они, княже, Богови лжють и тебѣ“ ⁹⁹⁾. Казни

⁹⁷⁾ П. С. Р. Л. т. I, подъ 6685 г.

⁹⁸⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 163, подъ 6685 г.

⁹⁹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 163 подъ 6686 г.

Новгородцевъ и сожженіе Торжка онъ оправдываетъ тѣмъ, что Новгородцы преступаютъ крестное цѣлованіе. Грозные тексты изъ Израильскихъ пророковъ даютъ этому оправданію еще большую силу: зноемъ и бездождьемъ каралъ же Богъ злыхъ и жестокихъ, истреблялъ ихъ нивы, винограды и дубравы (Амосъ пророкъ). А Захарія пророкъ видѣлъ огненный серпъ, грядущій съ небесе и услышалъ гласъ: „это на тѣхъ, кто клянется именемъ моимъ и преступаетъ“.

Въ краткихъ лѣтописныхъ разсказахъ о временахъ Всеволода Юрьевича видно то же подобострастное отношеніе къ князю. Разъ, дружина Всеволода хотѣла ѣхать на Святослава, но Всеволодъ не поѣхалъ, благосердъ сый, не хотя крове прольяти. Когда же самъ Всеволодъ захотѣлъ кровопролитья и не вынлъ смиренной просьбѣ того же Святослава: „ты отецъ, ты господинъ, ты братъ“.... то лѣтописатель говоритъ, что князь не восхотѣ мира, якоже пророкъ глаголетъ: *брань славна луче есть мира студна* ¹⁰⁰⁾.

Епископъ Черниговской приходилъ ходатайствовать передъ Всеволодомъ за Рязанскихъ князей. Всеволодъ исполнилъ просьбу, стпустилъ плѣнныхъ Рязанскихъ мужей, а самого епископа Порфирія послалъ въ Рязанскую землю съ своимъ словомъ. Передача слова Всеволода Порфиріемъ навлекла на епископа негодованіе Всеволода, и лѣтописатель спѣшитъ сказать жестокое слово про пастыря, предпринявшаго подвигъ заступничества за свою паству: *изворотилъ рѣчь Всеволода не яко святительски, по яко перевѣтникъ и ложь* ¹⁰¹⁾.

¹⁰⁰⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 164 подъ 6689 г. и стр. 170, подъ 6694 г.

¹⁰¹⁾ См. Тамъ же, подъ 6695 г.

При извѣстїи о смерти Всеволода встрѣчаемъ оправданіе его стойкаго и суроваго образа дѣйствій текстомъ ап. Павла: князь бо не вътуне мечъ носитьъ, въ мечь злодѣямъ, а въ похвалу добро творящимъ ¹⁰²⁾.

Владиміро-Суздальская, усвоившая себѣ церковный характеръ и книжную мудрость, по духу своихъ возрѣній, весьма далека отъ благочестиваго, простодушнаго и независимаго характера сказаній „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Лѣтописатель Владиміро-Суздальскій всецѣло принадлежитъ міру и злобѣ дня, а ученіе церкви въ рукахъ его есть орудіе противъ враговъ роднаго города и „господина князя“ и—на защиту ихъ правоты, во что бы ни стало.

Ни въ какихъ другихъ лѣтописяхъ не означены такъ точно и послѣдовательно событія въ семьѣ великокняжеской: рожденіе, браки, даже постриги многочисленныхъ дѣтей Всеволода, какъ во Владиміро-Суздальской лѣтописи. По поводу отъѣзда Константина Всеволодовича на княженіе въ Новгородъ встрѣчаемъ цѣлое хвалебное повѣствованіе объ отъѣздѣ этого князя изъ Володиміра о прощаньи его съ отцемъ, братьями и гражданами, о путешествіи и прїѣздѣ въ Новгородъ. Повѣствованіе переполнено текстами, подобренными на случай восхваленія добродѣтелей Константина и величанія княжеской власти ¹⁰³⁾.

Описаніе пожара во Владимірѣ, отчетъ о войнѣ, въ которой принимаетъ участіе „господинъ и князь“ земли Ростовско-Суздальской, похвала умершему члену великокняжеской семьи,

¹⁰²⁾ Тамъ же, стр. 184 подѣ 6720 г.

¹⁰³⁾ Тамъ же, стр. 177, подѣ 6714 г.

или умершему мѣстному епископу—вотъ все что считалось достойнымъ быть упомянуто въ „лѣтописцѣ“.

О пожарѣ во Владимірѣ есть цѣлое, законченное сказаніе полное разсужденій о томъ, какъ Богъ казнить любимыхъ рабовъ своихъ, требуя отъ нихъ покаянія и храненія заповѣдей Его. Благодареніемъ Богу и молитвою Богородицѣ заканчивается это сказаніе. О другомъ пожарѣ въ томъ же городѣ встрѣчаемъ подобное же сказаніе, но тексты въ немъ другіе, хотя на ту же тему ¹⁰⁴⁾.

Разсужденія и книжное мудрствованіе въ Владиміро-Суздальской лѣтописи подавляютъ всѣ живыя подробности, подобно тому, какъ общія мѣста о правдѣ и добродѣтели затемняютъ личныя свойства восхваляемыхъ князей.

Постепенно выработывается идеаль князя, строгаго защитника вѣры и властителя, наводящаго страхъ на чужія земли. Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе идеаль этотъ уже осѣнился вѣнцемъ святости въ „Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ“.

Въ Владиміро-Суздальской сводѣ, получившій такой своеобразный характеръ со временъ Всеволода III-го, съ большимъ разборомъ и рѣдко вносятся событія южно-русской жизни. Исключеніе дѣлается только для сказаній о войнахъ съ Половцами, такъ какъ сказанія эти имѣли обще-русское и широко-христіанское значеніе.

Кіевской лѣтописный сводъ заключается церковнымъ сказаніемъ *о построеніи каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ*. ¹⁰⁵⁾ Сказаніе это имѣетъ характеръ похвального

¹⁰⁴⁾ Тамъ же, стр. 165 подъ 6693 г. и стр. 172, подъ 6701 г.

¹⁰⁵⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 152.

слова соорудившему эту стѣну великому князю Рюрику Ростиславичу. Этотъ великой князь и его супруга Анна прославляются за ихъ благочестіе и за любовь къ архистратигу Михаилу. „Сто одиннадцать лѣтъ—повѣствуетъ сказаніе—стоялъ монастырь Всеволода—и вотъ пятый отъ него задумалъ заложить каменную стѣну у Днѣпра, подъ церковью святаго Михаила. На освященіе стѣны пріѣхалъ въ обитель великой князь Рюрикъ-Киръ-Василій съ христіюливой княгиней и съ сыномъ Ростиславомъ и Володимеромъ и съ дочерью своею Предслагою и со снохою Ростиславлею—и поставили кутью у святаго Михаила и сотворили пиръ не малъ, трапезу со приготовленіемъ..... Похвалу князю воздалъ игумень Моисей, онъ говорилъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ: Дивна днесь видиста очи наша. Мнози бо преже насъ бывшеи желаша видѣти, яже мы видѣхомъ, и не видѣша“. Такъ начинается похвальная рѣчь о заслугахъ князя передъ Св. Михайломъ и о той великой мздѣ, которая ожидаетъ его по смерти. Потомъ эта словесная хвала незамѣтно переходитъ въ письменное обращеніе къ Рюрику: Но о Христѣ державно милосердую, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе прими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтели. Въ похвалѣ не забыть и строитель стѣны Милонѣгъ-Петръ, котораго Рюрикъ изобрѣте подобна дѣлу художника, акы Моисей древле оного Веселеяла.

Для насъ интересно то, что панегирикъ имѣетъ видъ и форму повѣствовательнаго сочиненія о созданіи стѣны. Слѣдовательно лучшею наградою князю было сказаніе, увѣковѣчивавшее подвигъ его благочестія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СКАЗАНИЯ XII ВѢКА — СВѢТСКАГО ХАРАКТЕРА.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ О КОНЧИНѢ КНЯЗЕЙ. ЗАВѢЩАНІЯ КНЯЗЕЙ: „Духовная“ Мономаха со стороны повѣствовательной. Княжескія памяти въ Києво-Выдубицкомъ сводѣ: сказаніе о сверженіи Игоря; памяти о Святославѣ Ольговичѣ; сказаніе объ увинніи Игоря; памяти объ Изяславѣ Мстиславичѣ; Киевскія повѣствованія того-же времени и ихъ относительное безпристрастіе. Подробности битвъ и договорныя сношенія князей. Мемуаръ Петра Бориславича. Заключеніе.

Добродѣтели князей обыкновенно восхвалялись по ихъ кончинѣ. Съ надгробною хвалою иногда соединенъ рассказъ объ обстоятельствахъ кончины и о погребеніи князя. Подробности даютъ такому рассказу характеръ дневника, или записки, составленной князьимъ духовникомъ. Подлинныя рѣчи умирающаго въ бесѣдѣ съ женою, дѣтьми, дружиною, молитвенное его настроеніе и предсмертныя распоряженія, все это, занесенное въ лѣтопись, указываетъ на существованіе духовныхъ памятей, или мемуаровъ, составлявшихъ часть надгробныхъ похвальныхъ сказаній.

Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что заболѣвшій предсмертною болѣзнію на пути, великой князь Кіевскій Святославъ Ольговичъ, томясь предчувствіемъ близкой кончины, горько

плакалъ у гроба князей—мучениковъ въ Вышегородѣ и скорбѣлъ, что не могъ мимоѣздомъ поклониться гробу отца своего въ обители св. Кирилла по той причинѣ, что попъ, хранившій ключи отъ церкви, въ то время отлучился. Мы слышимъ, какъ тотъ-же Святославъ Ольговичъ разговариваетъ на смертномъ одрѣ съ женою своею. Уже отяжелѣвшимъ языкомъ спрашиваетъ у княгини онъ: когда будетъ день св. Макавѣевъ? Въ понедѣльникъ—отвѣчаетъ ему жена, а онъ ей на это говорить, что едва-ли дождется этого дня ¹⁰⁶).

Восхваляя добродѣтели скончавшагося Ярослава Владиміровича Галицкаго, лѣтописатель приводитъ его умильные предсмертныя рѣчи, и въ нихъ доносится до насъ неподдѣльное, живое, исторически вѣрное слово: „Се, азъ одиною худою своею головою ходя, удержалъ всю Галическую землю“ ¹⁰⁷).—Кончина Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича описана либо духовникомъ его, упоминаемымъ въ повѣствованіи попомъ Семіономъ, либо инокомъ Печерской обители, или даже игумномъ ея, Поликарпомъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, Ростиславъ-Михаилъ захотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы лечь тамъ, гдѣ лежать отцы. Сестра его Рогнѣда уговаривала его лечь въ Смоленскѣ. Большой не доѣхалъ до Кіева, и умеръ въ Зарубѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ сказалъ своему „покладнику“ (постельнику) и другому мужу, чтобы позвали къ нему поца Семіона. Горячая молитва князя къ Богородицѣ и къ Спасителю и „слезы какъ жемчугъ блиставшія на его одеждѣ“, даютъ поводъ рассказать о его благочестивомъ общаѣ, о не исполнившемся, но

¹⁰⁶) П. С. Р. Л. т. II, стр. 143.

¹⁰⁷) П. С. Р. Л. т. II, стр. 136.

давнишнемъ, желаніи постричься въ монахи. Припоминаются его бесѣды съ игумною Поликарпомъ и посѣщенія имъ обители Печерской, которую онъ любилъ отъ всего сердца ¹⁰⁸⁾.

Въ повѣствованіи о кончинѣ князя Смоленскаго Давида Ростиславича главный предметъ разсказа—постриженіе, и въ авторѣ видѣнъ монахъ, пришедшій въ умиленіе отъ постриженія стольнаго князя. То былъ, по всей вѣроятности, Моисей, игумень Выдубицкой ¹⁰⁹⁾.

При описаніи смерти князя лѣтописатели приводятъ иногда предсмертныя слова, сказанныя умирающимъ отцемъ въ поученіе дѣтямъ. Основная мысль этихъ завѣщаній заключается въ томъ, чтобы братья не жили ненавидно и не губили сы въ распряхъ земли отцовъ и дѣдовъ своихъ, какъ говорить лѣтописатель отъ лица отходящаго отъ свѣта перваго Ярославъ.

Завѣщанія, писанныя отдѣльно, вмѣщали въ себѣ и „намятѣ“ о протекшей жизни, или скорѣе о трудахъ собирающагося умирать князя, какъ это видно изъ „Духовной“ Владимира Мономаха, на которой мы нѣсколько остановимся.

Главную часть „Духовной“ Мономаха составляетъ поученіе, теплое, искреннее съ подборомъ псаломскихъ изрече-

¹⁰⁸⁾ Ц. С. Р. Л. т. II, стр. 151.

¹⁰⁹⁾ Моисей этотъ, заключившій хвалою Рюрику Ростиславичу Кіево-Выдубицкій, имъ же самимъ составленный „лѣтописецъ“ писалъ Кіевскую лѣтопись при Рюрикѣ Ростиславичѣ. Непосредственно за разсказомъ о постриженіи и кончинѣ Смоленскаго Давида, брата Рюрикова, Моисей передаетъ извѣстіе объ освященіи храма въ Бѣлгородѣ, гдѣ на духовномъ пиру и учрежденіи, вмѣстѣ съ епископами и Печерскимъ архимандритомъ, по имени упомянуть только одинъ игумень: Моисей Выдобычскій, хотя тутъ находились и прочіе игумены.

ній, найбільше западаючихъ въ душу и преимущественно такихъ, которыя часто слышатся въ богослуженіи. Поученіе, какъ извѣстно, полно совѣтовъ о томъ, какъ можно соединить благочестіе съ образомъ жизни ратной, какъ долженъ князь относиться чутко къ своимъ обязанностямъ и, забывая о себѣ, быть слугою ближняго. Не касаясь всѣхъ сторонъ этого лучшаго памятника нравственности и быта третьяго христіанскаго поколѣнія князей, остановимся только на повѣствованіи, предложенномъ Мономахомъ дѣтямъ въ примѣръ и поученіе. Очеркъ своєї многотрудной жизни Мономахъ озаглавилъ слѣдующимъ образомъ: „А се вы повѣдаю, дѣти мои, трудъ мой, еже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы“. Такимъ образомъ повѣствованіе распадается на два отдѣла: пути (походы) и ловы (охота).

Припоминаніе походовъ, побѣдъ и неудачъ составляетъ содержаніе разсказа о путяхъ.

Перечисляемые событія обнимають періодъ пяти-десяти одного года, отъ 1036 до 1117 ¹¹⁰⁾. Трудно, едва-ли возможно было припомнить въ послѣдовательности событія столькихъ лѣтъ, да еще при такой разнообразной походной жизни.

У Мономаха должны были быть письменныя отмѣтки его походовъ. Большихъ походовъ онъ насчитываетъ до 83-хъ, „а меньшихъ и не вспомню“.

Между тѣмъ въ перечнѣ мы насчитываемъ только 61 по-

¹¹⁰⁾ М. Погодина Изслѣдованія, т. VI, стр. 45—53. Последнее изъ упомянутыхъ событій относится къ 1117. или 1118 году, что указываетъ на то, что самая „Духовная“ была писана Мономахомъ за семь, или восемь лѣтъ до кончины его, послѣдовавшей въ 1125 году.

ходъ, слѣдовательно запись походовъ велась съ нѣкоторыми перерывами.

Счисленія годовъ Мономахъ совсѣмъ не придерживается; время походовъ онъ иногда опредѣляетъ событіями семейными, какъ-то: рожденіемъ сына ¹¹¹⁾, смертью жены ¹¹²⁾, вторымъ бракомъ своимъ ¹¹³⁾, смертью отца своего ¹¹⁴⁾. Пору событій Мономахъ отмѣчаетъ преимущественно временемъ года, безъ означенія мѣсяца: На ту зиму, на ту осень.... а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ..... по три зимы ходихомъ Смоленску..... Переяславлю пришедъ на лѣто.....

Сверхъ того упоминается и дни событій, но только праздничные: Великъ день, Госпожинъ день, Боринъ день, Рождество. И позднѣйшія памятные записки не знаютъ годовыхъ цифръ и не означаютъ мѣсяцевъ и чиселъ. Такіе хронологическіе приемы вмѣстѣ съ другими признаками отличаютъ „памяти“ отъ лѣтописей.

Разсказъ о „путяхъ“ есть не болѣе какъ сухой и весьма сжатый перечень походовъ. Изъ него можно узнать только— кому въ помощь и противъ кого шелъ Мономахъ войною, самъ ли шелъ своею волею, или былъ посланъ отцемъ, или старѣйшимъ братомъ, Святополкомъ Изяславичемъ. Предѣлы путей обозначены названіями главныхъ мѣстностей, городовъ и

¹¹¹⁾ Ходивъ в'земли ихъ (Ляховъ) 4 мѣсяцы, и в'то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское (Мстиславъ).

¹¹²⁾ Изъ Смоленска по Велицѣ дни выдохъ, и Гюргева мати умре.

¹¹³⁾ И по Рожествѣ сотворихомъ миръ съ Лепою и поимъ у него дчерь, идохомъ Смоленску.

¹¹⁴⁾ И пакы по отни смерти... быхомъ у Халѣна.

рѣкъ ¹¹⁵⁾. Нѣтъ никакихъ, хотя-бы случайно занесенныхъ, топографическихъ подробностей, равно какъ нѣтъ никакихъ бытовыхъ воспоминаній, даже военнаго характера. Только однажды авторъ упоминаетъ объ угощеніи имъ Олега Святославича, на Красномъ дворѣ, въ Черниговѣ. Но и эта единственная подробность включена въ сухой перечень походовъ съ цѣлью оправдаться въ враждебности къ двоюродному брату. — Половцы, надъ которыми побѣды доставили Мономаху вѣковую славу, наиболѣе памяты герою борьбы съ невѣрными, и онъ приводитъ до 16 именъ, сражавшихся съ нимъ, Половецкихъ князей. По поводу встрѣчи съ Половцами встрѣчается у Мономаха одно живое образное выраженіе. Въ день св. Бориса проѣхалъ онъ невредимо сквозь вражьи полки, и Половцы не посмѣли напасть на Русскихъ: облизались ея насть, авы волци стояще.

Въ концѣ повѣствованія о „путяхъ“ встрѣчаются нѣкоторыя подробности о избіеніи Мономахомъ Половецкихъ плѣнниковъ: „и инѣхъ кметни молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, и сѣбъ, вметахъ вту рѣчку..... Эти богатырскіе подвиги служатъ звѣномъ, соединяющимъ рассказъ о „путяхъ“ съ рассказомъ о „ловахъ“.

Не столько удача лова памятна Мономаху, сколько опасность, которой онъ подвергался въ единоборствѣ съ медвѣдемъ, туромъ, лосемъ, оленемъ, вепремъ, лютымъ звѣремъ (барсомъ-пардусомъ) и въ одолѣніи дикихъ коней. Ему нужно доказать,

---

¹¹⁵⁾ Посла мя Святославъ в' Ляхы.... въ Вятичи ходихомъ.... ходивъ Турову, на Одрѣскъ къ Мѣпську.... Гонихомъ на Половцкихъ за Хоролъ, ходихомъ за Супон, за Сулу, за Римовъ, по Роси и проч.

что онъ „не берегъ жизни своей, не щадить головы своей“. Повѣствованіе о путяхъ и ловахъ Мономахъ заключаетъ очеркомъ трудовъ своихъ въ дому и на дворѣ своемъ—и при церковной службѣ. Весь-же рассказъ о собственныхъ трудахъ и подвигахъ Мономахъ оправдываетъ благою цѣлью примѣра дѣтямъ: да сю грамотицю прочитаючи потъснѣтеса на вся дѣла добрыя. Послѣ оговорки, чтобы не приняли рассказа за похвальбу, грамотица переходитъ изъ повѣствованія въ наставленіе. Въ началѣ „Духовной“, передъ рассказомъ о собственной жизни, Мономахъ поучаетъ дѣтей благочестію, молитвѣ, смиренію, домашнему порядку и семейнымъ добродѣтелямъ, теперь-же отъ совѣта не бояться ни рати, ни звѣря, но дѣлать мужское дѣло, онъ подходитъ издали, какъ-бы изъ глубины собственнаго сознанія (о многострастный и печальный азъ...) къ вопросу времени, къ усобицѣ, которѣ и противопологаетъ ей миръ и любовь между братьями. Котору онъ объясняетъ какъ наученіе діавола, не хотящаго добра роду человѣческому. Это послѣднее наставленіе, для того чтобы имѣть силу въ глазахъ дѣтей, должно было опереться на примѣръ отца. И для этого-то Мономахъ останавливается на разъясненіи продолжительной усобицы своей съ Олегомъ Черниговскимъ. Единственный, дошедшій до насъ, списокъ „Духовной“ не сохранилъ намъ этого рассказа, но за то уцѣлѣла существенная часть его—посланіе отъ Мономаха къ Олегу. Посланіе это есть оправданіе образа дѣйствій Мономаха. Оно есть какъ-бы исповѣдь его и искреннее объясненіе своей правоты и крамольныхъ и не христіанскихъ поступковъ Олега. Среди благочестивыхъ и миролюбныхъ возрѣвій Мономаха наше вниманіе останавливается преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя легли въ основу нравственнаго суда

надъ князьями и не разъ повторялись и въ послѣдствіи въ княжескихъ памятахъ и лѣтописяхъ. Всю жизнь проводившій въ войнахъ, Мономахъ мужественно и спокойно относится къ тому, что въ войнѣ съ Олегомъ убитъ былъ его сынъ и крестникъ Олега: тѣмъ бо путемъ шли дѣды и отцы наши; судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Но онъ укоряетъ Олега за то, что этотъ послѣдній не оплакалъ его сына, а своего крестника, не покааялся передъ Богомъ, и ему, Мономаху, не послалъ грамоты утѣшительной и съ тѣмъ вмѣстѣ не препроводилъ къ нему снохи, вдовы умершаго, дабы и свекръ, обнявъ её, могъ оплавать съ нею покойника, вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ: такъ какъ онъ не видѣлъ радости ихъ, не присутствовалъ на вѣнчаньи сына. „Бога дѣля—просить онъ Олега—съ первымъ посломъ пошли её ко мнѣ, чтобы я могъ, наплакавшись съ нею вдоволь, устроить ее на мѣстѣ, гдѣ она какъ горлица на сухомъ деревѣ будетъ сидѣть горюючи, а я утѣшусь о Возѣ“.—Мономахъ указываетъ Олегу сколько разъ и при какихъ обстоятельствахъ и какимъ именно образомъ этотъ князь могъ обратить къ себѣ сердца тѣхъ, съ кѣмъ онъ такъ долго и упорно воевалъ: „и не было-бы ни вражды, ни мести за прежнес“.

Въ княжескихъ „памятахъ“ потомковъ Мономаха замѣтно тоже стремленіе оправдать князей за ихъ участіе въ междоусобной войнѣ. Это оправданіе исходило отъ самихъ князей, которые желали быть правыми въ глазахъ современниковъ и потомства и, подобно Васильку Тербовльскому, объясняли съ нравственной стороны свою правоту довѣренному лицу, описывавшему ихъ пути и дѣянія.

Искреннее воззрѣніе на себя и свои поступки въ княжескихъ памятахъ отличается рѣзко отъ искусственнаго и угодли-

ваго восхваленія Суздальскими лѣтописателями „князя и господина“ земли своей.

Около князей, при жизни ихъ, велись памяти, или краткія записки о походахъ, подобно тому, какъ велъ ихъ и Мономахъ. Цѣльныя и подробныя повѣствованія о битвахъ, союзахъ и договорахъ княжескихъ относятся такъ же къ памятямъ, какъ сказанія лѣтописныя относятся къ лѣтописи въ первоначальной ея формѣ, т. е. въ формѣ погодныхъ или помѣсячныхъ отмѣтокъ событій.

И какъ лѣтопись дала начало подробнымъ и округленнымъ рассказамъ о выдающихся событіяхъ, такъ и „память“ породила сказанія о предпріятіяхъ князей, о ихъ сношеніяхъ съ землями и о ихъ битвахъ и притомъ съ подробностями, важными для очевидцевъ и людей ратныхъ.— Мы видѣли, что источниками лѣтописныхъ сказаній и повѣстей церковнаго характера были иногда живые рассказы дружинниковъ, доходившіе до писателя не изъ первыхъ устъ, почему и встрѣчаемъ въ нихъ черты случайныя, частности поэтическаго, былеваго характера. Сказанія же княжескія, не смотря на безыскусственность склада и простоту изложенія, чужды случайныхъ эпическихъ подробностей. Самая близость такого повѣствователя къ событію дѣлаетъ его точнымъ и вмѣстѣ строгимъ въ выборѣ фактовъ. Въ сказаніяхъ, писанныхъ вмѣстѣ съ памятями, о князьяхъ, преобладаетъ идея повода и причины войны. Княжескіе договоры, посылныя и совѣщательныя рѣчи даютъ этимъ сказаніямъ живой характеръ исторической хроники.

Княжескія памяти и сказанія, стоящія въ связи съ этими памятями и сосредоточивающіяся на дѣятельности одного какого либо князя, находятся преимущественно въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ лѣтописей, сводѣ, составленномъ при Рюрикѣ

Ростиславичѣ, по всей вѣроятности, Моисеемъ, именуемъ Выдубицкимъ, на рубежѣ столѣтій XII-го и XIII-го.

Обиліемъ княжескихъ памятей и сказаній въ этомъ сводѣ отличается небольшой періодъ времени, отъ 1146 до 1154 года. Эта часть свода, посвященная событіямъ какихъ нибудь восьми лѣтъ, необыкновенно обширна. Пятьдесятъ двѣ страницы (по Полн. собр. Русскихъ лѣтописей) занимаетъ она, тогда какъ весь Кіево-Выдубицкій сводъ, какъ продолженіе Повѣсти временныхъ лѣтъ, занимаетъ сто-пятьдесятъ-пять страницъ, посвященныхъ длинному періоду времени въ 90 лѣтъ.

Но и послѣ счастливыхъ на свѣдѣнія восьми лѣтъ мы еще нѣкоторое время читаемъ княжескія памяти — и такъ до 1170 года. Погодинъ считалъ, что Кіевская лѣтопись въ 1146 г. перешла въ другія руки и до 1170 года велась этимъ вторымъ, по его мнѣнію, лѣтописцемъ ¹¹⁶⁾. Но особый характеръ этой части Кіевского свода объясняется тѣмъ, что въ ней княжеская кочующая, бродячая лѣтопись, или „княжескія памяти“, преобладаютъ надъ мѣстными лѣтописными сказаніями; да сверхъ того, въ силу обилія княжескаго матеріала обыкновенныя лѣтописныя замѣтки совсѣмъ не включены въ организмъ этой части свода. — Событія этихъ восьми годовъ обнимаютъ періодъ времени отъ смерти Всеволода Ольговича до смерти Изяслава Мстиславича, такъ что главнымъ дѣятелемъ этого періода является этотъ послѣдній великой князь. — К. Н. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что главнымъ источникомъ этой части Кіевского свода было жизнеописаніе Изяслава Мстиславича, сведенное впрочемъ съ другими лѣтописями,

¹¹⁶⁾ Погодина Исторія, стр. 667.

писанными иногда и не его сторонниками. Дѣйствительно, первымъ по объему источникомъ этой хроники восьми годовъ XII столѣтія были а) „памяти“ и „сказанія“ объ *Изяславѣ Мстиславичѣ*.

Но сверхъ того сюда же вошли б) „памяти“ о князьяхъ *Ольговичахъ* и наконецъ с) *мѣстные летописные рассказы*, которыми дополнились отрывочныя княжескія сказанія.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ рассказомъ о вокняженіи и низверженіи Игоря Святославича, сѣдшаго какъ-бы по наслѣдству на Кіевскій столъ, по смерти брата своего Всеволода. Рассказъ этотъ писанъ сторонникомъ Ольговичей и находится въ прямой связи съ слѣдующими непосредственно за нимъ памятливыми записками объ Ольговичѣ Святославѣ. Описавъ бурное вѣче у Туровой божницы, разграбленіе двора тивуна Ратши и другихъ, повѣствователь приписываетъ усобицу—Улѣбу тысяцкому, Ивану Войтишичу, Лазарю Саковскому, Василю Полочанину и Мирославу. „Эти то мужи были начальници злomu совѣту—совокупили около себя Кіевлянъ и прельстили ихъ обѣщаніемъ передаться Изяславу. Съ злымъ умысломъ поуждали они Игоря и брата его Святослава идти на Изяслава Мстиславича“.

„Давидовичи пошли помогать Изяславу, и же бяху велику честь пріимали отъ Всеволода и брата его, та же почаша лестити подъ княземъ своимъ“.

Въ описаніи гибели Игоря виденъ въ авторѣ тотъ же сторонникъ Ольговичей. „Игорь, братъ его Святославъ и племянникъ Святославъ Всеволодичъ не смятошася, но поидоша противу Изяслава“. Имъ повредило не отсутствіе мужества, а болотистая мѣстность, да измѣна, да нападеніе съ разныхъ сторонъ. Далѣе повѣствованіе продолжало вести рѣчь

о бѣдахъ, испытанныхъ Ольговичами, объ окованіи и заключеніи Игоря.

Съ Святославомъ повѣствованіе покидаетъ Кіевъ и слѣдуетъ за этимъ княземъ. Но среди повѣствованія о сверженіи Игоря встрѣчаемъ рассказъ, заимствованный изъ другого источника, рассказъ по воззрѣнію на дѣло противоположный тому, о чемъ повѣствовали сторонники Игоря. Рассказъ этотъ говоритъ о всенародной любви къ Изяславу Мстиславичу. „Ты нашъ князь, а Ольговичъ не хотимъ“—съ такими словами встрѣчали его Поросье, Бѣлгородцы и Василевцы. Посланные же отъ Кіевлянъ прибавляли, что не хотятъ какъ-бы по наслѣдству принадлежать Ольговичамъ.

Движеніе Изяслава на Игоря объясняется народною волею: „И неугоденъ бысть Кіянѣмъ Игорьъ и послаша къ Изяславу“. Воодушевленные слова Изяслава оправдываютъ его поступокъ и съ нравственной стороны: „Братья—говорить онъ дружинѣ—я Всеволода имѣлъ въ правду, какъ отца; онъ былъ старшій братъ и старшій зять мнѣ. А съ этими, какъ дастъ мнѣ Богъ и сила креста. Любо си голову положю передъ вами, любо налѣзу столъ дѣда своего и отца“. На свое правое дѣло Изяславъ получилъ молитвы св. Михаила и благословеніе Переяславскаго епископа.—Нѣтъ сомнѣнія, что отрывокъ этотъ внесенъ былъ составителемъ „лѣтописца“ изъ сказаній и памятей объ Изяславѣ Мстиславичѣ. Такъ безучастны были составители лѣтописцевъ къ своему читателю и такъ мало вникали они въ духъ переданнаго ими о за днихъ лѣтъхъ.

Это впрочемъ есть вѣрный признакъ того, что личность составителя несовременна событіямъ. Онъ держитъ одну нить въ рукахъ—нить послѣдовательности и хронологіи.

Послѣ отрывка, сочувственнаго Изяславу, мы слѣдимъ за Святославомъ Ольговичемъ—и съ нимъ переходимъ сперва въ Черниговъ, потомъ въ Курскъ, куда онъ отправился, заручившись союзомъ съ Давидовичами.

Эта кочующая лѣтопись, не привязанная къ какой либо мѣстности, обогащена была эпизодомъ, или *сказаніемъ*, *объ измѣнѣ Давидовичей Святославу*.

Сказаніе это писано осѣдлымъ писателемъ и сверхъ того лицомъ духовнымъ, по нѣкоторымъ признакамъ, жителемъ Новгорода Сѣверскаго. По этому сказанію, дѣволъ вложилъ Давидовичамъ мысль не разыскати брата Игоря, не помянути отечества, ни о крестѣ утвержденія—и забыша страха Божія посластася къ Изяславу: Игорь како тобѣ золь былъ, тако и намъ, а держи его твердо (т. е. не выпускай изъ тюрьмы). Давидовичамъ, какъ нѣкогда Святополку—братоубійцѣ, приписываются слова, которыми они сами себя причисляютъ къ злодѣямъ: „Мы начали дѣлать зло, такъ свершимъ же до конца братоубійство; пойдемъ, искоренимъ Святослава и перейдемъ волость его“. Съ другой стороны говорится о слезахъ обманутаго двоюродными братьями Святослава, приводятся его умильные послынные рѣчи къ Юрію,—и въ помощи, оказанной ему Владиміромъ Святославичемъ и Иваномъ Берладникомъ, сказаніе признаетъ явную помощь Божію. Холодеи въ этомъ сказаніи, безучастенъ и кратокъ рассказъ о расирѣ Мономаховичей, Изяслава и Вячеслава; но за то подробенъ, живъ и точенъ рассказъ, описывающій борьбу тѣхъ же Мономаховичей съ Новымъ-городомъ—Сѣверскимъ, удѣломъ Святослава Ольговича. Авторъ знаетъ, гдѣ именно, у какихъ воротъ (у Черниговскихъ) стояли Кіевскіе и Переяславскіе стрѣльцы и къ какимъ воротамъ (Курскимъ) приблизились они по утру. Но особенно па-

мятны разсказику опустошенія, произведенныя въ селахъ Ольговичей: „Заграбиша Игорева Святославля стада, въ лѣсѣ, на Ряхнѣ: кобыль стадныхъ 300, а конь 1000, пославше же по селамъ, пожгоша жита и дворы“. Далѣе встрѣчаемъ еще болѣе подробныя свѣдѣнїя объ ограбленїи Давидовичами Игорева сельца, по дьяволу наученью. Тоже встрѣчаемъ при дѣлежѣ Изяславомъ Мстиславичемъ Святославова, обильнаго всякимъ добромъ двора. Повѣствователь знаетъ, что въ погребяхъ было 500 берковцевъ меду, а вина 80 корчагъ. Но ему особенно больно, что церковь Вознесенья всю облупиша—сосуды серебряныя, и инѣдятся, и платы служебныя а всё шито золотомъ... и кадѣльничѣ двѣ—и евангелїе ковано, и книги, и колоколы. Этихъ приведенныхъ мѣстъ достаточно, чтобы видѣть, что писатель былъ лицо церковное, усвоившее себѣ приемы лѣтописныхъ сказанїй, лицо близкое двору и хозяйству Святослава. Это былъ по всей вѣроятности Новоградо-Сѣверскїй лѣтописатель. Сказанїе, имъ писанное, слилось съ памятнымъ записками о Святославѣ. Мы вновь встрѣчаемся съ этими послѣдними, послѣ Новоградо-Сѣверскаго сказанїя, обрѣзаннаго въ концѣ, въ дошедшемъ до насъ спискѣ цѣлаго лѣтописца ¹¹⁷⁾. „Память“ продолжаетъ слѣдить за Святославомъ, бѣжавшимъ къ Корачеву на соединенїе съ Юріемъ. Память ведется человѣкомъ, не особенно близкимъ къ военному дѣлу. Даже счастливая для Святослава битва не разсказана со сколько нибудь живыми подробностями: Богъ ему помогъ—и только.

Въ землѣ Вятичей, въ Козельскѣ, пришла Святославу вѣсть отъ племянника, что Давидовичи опять идутъ на него,

¹¹⁷⁾ Ц. С. Р. Л. т. Ц, стр. 27.

и онъ пошелъ къ Дѣдославию, а потомъ къ Осетру, гдѣ отступилъ отъ него Иванъ Берладникъ, взявъ 200 гривень серебра и 12 гривень золота. Потомъ пришла къ нему помощь отъ Юрія, приславшаго къ нему сыновей своихъ. Одинъ изъ сыновей Юрія, Иванко, заболѣлъ, и Святославъ остался при болѣвшемъ союзникѣ, который вскорѣ умеръ, и два брата, оплакавъ Иванка, отвезли тѣло его въ Суздаль къ отцу.

„Память“ не говоритъ, что Святославъ послалъ грамоту утѣшительную Юрію и оплакалъ его сына, но это видно изъ отвѣта Юрія: на устьѣ Поротвы, въ городѣ Лобынскѣ, Святославъ Ольговичъ самъ получилъ утѣшительную грамоту отъ Юрія и притомъ дары многи паволокою и скорою. исполнивъ порученіе Юрія, „повосавъ Смоленскую землю“ Святославъ получилъ отъ своего покровителя приглашеніе съѣхаться съ нимъ въ „Московѣ“. Не слѣдя за мѣсяцами и числами „память“ отмѣчаетъ самый день свиданія: пятокъ, на похвалу Святой Богородицы (т. е. на пятой седмицѣ великаго поста). Святославъ передъ собою послалъ Юрію сына Олега и съ нимъ въ даръ пардуса. Обѣдъ силенъ у Юрія и дары его не забыты повѣствователемъ. Впрочемъ форма отношеній князей между собою главнымъ образомъ запосилась въ краткіе перечни дѣяній князя или въ такъ называемыя нами „памяти“. Изъ другихъ, постороннихъ походу обстоятельствъ рѣдко о чемъ нибудь упоминается. Разъ только отмѣчено, что когда Святославъ былъ въ Неринскѣ на Окѣ, у него представилъ престарѣлый дружинникъ его отца, добрый старецъ Петръ Ильичъ; ему было 90 лѣтъ, и онъ отъ старости не могъ садиться на коня.—Съ самого прибытія въ Неринскъ начинается горячее время: къ Святославу идутъ послы за послами, отъ Половцевъ и отъ

его Черниговскихъ родственниковъ. Давидовичи поцѣловали крестъ Святославу, но не управили крестнаго цѣлованія.

Этими словами оканчивается „память“ о Святославѣ Ольговичѣ ¹¹⁸⁾. Но составитель „лѣтописца“ не дѣлаетъ перерыва въ общемъ изложеніи событій, переходитъ къ Давидовичамъ, вступившимъ въ союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ и въ тоже время посланнымъ пословъ къ Изяславу Мстиславичу съ приглашеніемъ идти сперва на Святослава Ольговича, а потомъ на Юрія Суздальскаго. Тутъ передъ нами уже другое сказаніе, писанное въ интересѣ Изяслава Мстиславича и Кіевлянъ.

Не за измѣну Святославу, а за тайный союзъ съ нимъ, за лести къ Изяславу осуждаются Давидовичи. Прямымъ слѣдствіемъ измѣны ихъ Изяславу было убіеніе возмущавшимися Кіевлянами постриженнаго въ схиму Игоря Ольговича. Дѣйствіе сказанія происходитъ въ Кіевѣ, въ отсутствіи Изяслава Мстиславича.

„Сказаніе объ убіеніи Игоря Ольговича“ принадлежитъ къ лучшимъ живымъ разсказамъ Кіевскихъ лѣтописателей. Сказаніе это въ первоначальной редакціи находится въ Лаврентьевскомъ сводѣ лѣтописей. Оно писано Кіевляниномъ, расположеннымъ къ Изяславу Мстиславичу, по всей вѣроятности лѣтописателемъ, чутко слѣдившимъ за ходомъ событій борьбы этого князя съ Ольговичами. Въ распространенномъ видѣ и въ позднѣйшей редакціи сказаніе это находится въ разбираемомъ нами сводѣ памяти и сказаній „о восьми годахъ“, въ Кіево-Выдубицкомъ „лѣтописцѣ“. Въ посылныхъ рѣчахъ,

---

¹¹⁸⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 30.

Изяслава къ Кіевлянамъ видно стремленіе снять съ этого князя вину убіенія постриженнаго родственника. Послы Изяслава Добрыню и Радило пріѣзжаютъ въ Кіевъ, къ брату его Володиміру, и говорятъ отъ имени Изяслава: брате, ѣди къ митрополиту и съзови Кыяны всѣ, ать молвита си мужа леств Черниговскихъ князей. Привѣтственныя рѣчи пословъ переносятъ читателя на самое вѣче, у святой Софій. Въ отвѣтъ на разсказъ пословъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей Кіяне рекоша: „Князь насъ вабитъ къ Чернигову, а здѣ ворогъ князя нашего и нашъ, а хотимъ и убити; поити же хотимъ битися за своего князя, и съ дѣтми“. На это Володиміръ отвѣчалъ имъ: того братъ мой вамъ не приказалъ, Игоря поблюдетъ стража, а мы пойдемъ къ брату, какъ онъ намъ велитъ. На это Кіевляне: „мы вѣдаемъ, что братъ твой не приказалъ, ни велѣлъ того творить; но мы хотимъ убить Игоря. Мы вѣдаемъ, что не кончатъ добромъ съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ“. Митрополитъ, а за нимъ Лазарь тысяцкой и Рагуило, тысяцкой Володиміра, возбраняли имъ. Они же вликнувшѣ пойдоша убить Игоря. Володиміръ сѣлъ на коня и помчался, но не могъ проѣхать черезъ мостъ, по которому шли люди. Онъ поворотилъ на право „мимо Гдѣбовъ дворъ“, но Кіевляне скорѣе его пришли въ монастырь св. Ѳедора и взяли Игоря, стоявшаго по обычаю на обѣднѣ—и повели изъ монастыря. И Володиміръ встрѣтилъ его въ воротахъ монастырскихъ. Взглянувъ на него Игорь, сказалъ: о хъ, брате, камо? И соскочилъ Володиміръ съ коня и покрывъ его корзноу, сказалъ кіевлянамъ: „братья моя, не мозѣте створити зла, не убійте Игоря“. Когда Володиміръ довелъ его до поротъ своей матери, то Игоря стали отбивать у него,

причемъ били и Володимира. Увидавъ это, Михаль (Михалево братъ Владиміра) соскочилъ съ коня, чтобы помочь Володимиру. Послѣдній успѣлъ вомчать Игоря во дворъ матери своей, затворить ворота, а Игоря пусти на Кожюховы сѣни.

Между тѣмъ Михалья били и сорвали съ него крестъ и цѣпи—вѣсомъ въ гривну золота. И выломали они ворота и войдя во дворъ, увидали Игоря на сѣняхъ, разбили сѣни, (сомчаша) стащили его съ сѣней и тутъ убили у конца лѣстницы.

Михаль убѣжалъ, а Игоря за ноги волокли сквозь Бабинъ торжекъ до Десятинной Богородицы, гдѣ нашли мужа стояща съ колы. На колы возложили тѣло и повезли на Подолье. Когда Володимиру повѣдали, что Игорь лежитъ поверженъ на торговищѣ, онъ послалъ туда Лазаря тысяцкаго и Рагуила своего тысяцкаго. Тѣ, пріѣхавъ, увидали Игоря лежащаго и сказали: вотъ вы убили Игоря, а мы похоронимъ тѣло его. Не мы его убили—отвѣчали Кіевляне—но убили его два Давидовича и Всеволодичъ, когда они замыслили на нашего князя зло и хотѣли убить его лестью; но Богъ за нашимъ княземъ и Святая Софья.—И повелѣлъ Лазарь взять Игоря и понести его въ церковь святаго Михаила, въ Новгородскую божницу. Положивъ его въ гробъ, Лазарь и Рагуило уѣхали въ перхній городъ (на гору). На разсвѣтѣ слѣдующаго дня—то была суббота—митрополитъ послалъ игумена св. Теодора Ананью. Игумень, увидавъ, что Игорь нагъ, одѣлъ его и, отпѣвъ обычныя пѣсни, отвезъ къ святому Симеону, гдѣ и положили его. И послалъ Владиміръ къ брату, повѣдая убійство Игоря. И печалепъ бысть Изяславъ и жаловашеся на Кьяны“.

Въ такомъ видѣ передаетъ намъ событіе убіенія Игоря

ближайшій современникъ и свидѣтель. Распространенное, позднѣйшее сказаніе пропускаетъ многія подробности, какъ-то: споръ Володимира слова за слово съ Кіевлянами, имена пословъ Изяславовыхъ, случай вмѣшательства Михала; не упоминаются и Кожуховы сѣни и не сказано, что Игорь былъ убитъ у самой лѣстницы. Вмѣсто двухъ пословъ упомянуть безъ имени одинъ посолъ Изяславовъ, вмѣсто двухъ тысяцкихъ, похавшихъ за тѣломъ Игоря, упомянуть одинъ и также безъ имени. Не Кіевляне влихнувъ заговорили объ убійствѣ Игоря, а раздался только одинъ голосъ (и рече одинъ человекъ) въ пользу убіенія Игоря. Этому человекъу приписывается припоминаніе Всеслава Полоцкаго, освобожденнаго изъ поруба, при Изяславѣ Ярославичѣ ¹¹⁹⁾.

Первоначальное сказаніе правдиво передаетъ жалостный возгласъ Игоря и усилія князей Мономаховичей спасти его, но оно не останавливается на страданіи Игоря и какъ будто соглашается съ мыслью гражданъ, что Богъ отмстилъ за посягательство на жизнь Изяслава Мстиславича.

---

¹¹⁹⁾ Погдинъ видитъ извлеченіе и сокращеніе въ разсказѣ о убіеніи Игоря въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ. Это безспорно; но только мы подобно Погдину не видимъ противорѣчія въ томъ, что дворъ, куда вомчали Игоря, называется то отцовскимъ, то материнскимъ: то былъ дворъ Мстиславовъ слѣдов. для Володимира отцовскій и весьма естественно, что тамъ жила вдова Мстислава, мать Володимира. Вестужевъ-Рюминъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что человекъцы покрывахутъ наготу тѣлесе его, а игумень на другой день видѣ нагого, облече и. Покрытый одеждами Игорь и въ гробу, куда на время положили его тысяцкіе, оставался нагъ т. е. не прибранъ, не облеченъ въ иноческія одежды, что и долженъ былъ сдѣлать игумень.

Позднѣйшее сказаніе имѣетъ цѣлью на сколько можно сильнѣе оправдать Изяслава въ убійствѣ брата. По этому оно строже къ Кіевлянамъ и сочувственнѣе, теплѣе къ страдальцу Игорю.

Внукъ Мономаха не хотѣлъ походить на Святополка Окаяннаго, и составителю „памятей“ о немъ необходимо было снять съ князя, въ глазахъ всѣхъ Русскихъ людей, отвѣтственность за убіеніе родственника; тогда какъ враги Изяслава Мстиславича и Ольговичи, обвиняя Кіевского великаго князя въ убійствѣ Игоря, уже собирались мстить за пролитую кровь Игоря.

Искренняя печаль Изяслава объ убіенномъ Игорѣ изображена въ разговорѣ его съ дружиною. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боится, что будутъ говорить: „Изяславъ велѣлъ убить, но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни научилъ“.... Дружина утѣшаетъ князя: „безъ лѣпа о немъ печаль имѣеши; но то, княже, Богъ вѣдаетъ и вси людье, яко не ты его убилъ, но убили суть братія его, оже крестъ къ тобѣ цѣловавше и лестью надъ тобою хотѣли учинити и убить хотяче“... Такимъ образомъ дружина здѣсь говоритъ тоже, что въ первоначальномъ сказаніи говорятъ Кіевляне надъ тѣломъ Игоря, когда тысяцкіе пріѣхали хоронить его.

Но распространенное сказаніе, сокративъ подробности свидѣтеля лѣтописателя т. е. автора первоначальнаго сказанія, прибавило новыя подробности, заимствованныя изъ повѣсти объ убіеніи Игоря, написанной быть можетъ инокомъ монастыря св. Симеона, строеня князей Ольговичей. Подробности эти касаются самого Игоря и страданія его. Здѣсь говорится о сверженіи одежды съ молящагося инока, о двувратномъ побіеніи его, о томъ, что его, еще живаго, волокли на князь дворъ, привязавъ ужемъ за ноги. За искусственный складъ этого вто-

раго источника распространеннаго сказанія говорятъ молитвы, влагаемыя въ уста страдальцу, и описаніе его готовности принять вѣнецъ мученика. Выраженія о немъ: „Царское и священное тѣло его... башетъ добрый поборникъ отечества своего“ прямо взяты изъ житія или повѣсти о его страдальческой кончинѣ. Выраженія о Кіевлянахъ идутъ въ разрѣзъ съ тономъ Кіевлянина, видѣвшаго въ убійствѣ судъ Божій: звѣріе свирѣпія, нечестивый соборъ, беззаконніи, несмысленіи, ослѣпленіи. Богъ възметъ отъ нихъ кровь неповиннаго. Благовѣрніи челоѣци прикроваху наготу тѣлесе его и браху кровь его и отъ прикрова себѣ на исцѣленіе. Ночью, когда тѣло Игоря лежало въ Новгородской церкви, сами собою зажглись свѣчи. Когда митрополиту сказали о чудѣ, то онъ, какъ это всегда бываетъ при первомъ извѣстїи о чудѣ, въ житїяхъ, велѣлъ молчать до времени. Въ Никоновской лѣтописи самовожженіе свѣчей отнесено къ концу отиѣванья: тогда же былъ громъ и молнія и столпъ святозарень сталъ надъ церковью и проч. ¹²⁰). Такая повѣсть могла быть составлена въ то время, когда Святославъ Ольговичъ увозилъ тѣло брата своего изъ монастыря Симеона въ Черниговъ ¹²¹).

Займствованье изъ этой повѣсти могло быть сдѣлано распространителемъ лѣтописнаго сказанія, лицомъ преданнымъ Изяславу, въ эпоху примиренія его съ Ольговичами. Сочув-

¹²⁰) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 176.

¹²¹) 6658 г. при Юри, княжившемъ въ Кіевѣ, „Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Колырева конца, въ Черниговъ, и положиша у святаго Спаса въ теремѣ. (П. С. Р. Л. т. II, стр. 53).

ствіе къ страдалцу и обаяніе искусственно составленной церковнымъ языкомъ повѣсти сдѣлало возможнымъ такое замѣшательство.

Послѣ эпизода о убіеніи Игоря, Кіево-Выдубицкой сводъ развертываетъ передъ нами спитый хронологически рядъ памятей и княжескихъ, и лѣтописныхъ, обнимающихъ исторію борьбы и княжескихъ отношеній въ остальные пять лѣтъ жизни Івяслава Мстиславича, вступившаго теперь въ борьбу съ роднымъ дядею, Юріемъ Суздальскимъ.

Мѣстная Кіевская лѣтопись чутко слѣдила за этой борьбою. Мѣстныя сказанія сравнительно съ княжескими отличаются безпристрастіемъ. Безпристрастными повѣствователями о князьяхъ конечно не могли быть ихъ соратники. Разбирая источники Южно-русскаго свода, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ отрицаетъ возможность безпристрастія у лѣтописателей ¹²²⁾ „Надо предположить, что люди эти не похожи на насъ, если они безпристрастны“ говоритъ этотъ почтенный ученый. Они были-бы дѣйствительно не похожи на людей другихъ эпохъ, если-бы были наперекоръ событіямъ людьми одной какой-либо, твердой, закаленной партіи. Если идеализировали святую безстрастную наблюдательность нашихъ древнихъ лѣтописателей, то зачѣмъ же идеализировать духъ приверженности одному князю въ городахъ и въ средѣ мирныхъ церковныхъ и монастырскихъ людей? Князь, хотя и не особенно любимый, садится на столъ Кіевскій, граждане цѣлуютъ ему крестъ, и лѣтописателю естественно признать силу вещей и съ хвалою Богу отнестись къ вокняженію новаго лица. Тѣмъ болѣе монаху Выдубицкаго монастыря, построеннаго Всеволодомъ, возможно

¹²²⁾ О составѣ рус. лѣтописей стр. 121 и далѣе.

было съ одинаковымъ искреннимъ чувствомъ видѣть Божию помощь, оказанную Изяславу Мстиславичу, или врагу его и родному дядѣ Юрію. И такъ мѣста о вокняженіи въ Кіевѣ „съ Божією помощью“ Юрія, или сына его, не говорятъ еще за то, что извѣстіе это зашло изъ ихъ лагеря въ сводъ лѣтописей. Это указываетъ только на мѣстную лѣтопись, а не на княжескую память, исключительно слѣдившую за дѣяніями одного лица. Нѣкоторыя части своднаго сказанія объ Изяславѣ Мстиславичѣ отличаются именно такимъ характеромъ мѣстнымъ, городскимъ и не исключительно княжескимъ.

Такова между прочимъ и исторія первой борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Сочувствіе Кіевлянина къ Изяславу замѣтно, а между тѣмъ неудача ставится въ связь съ его самонадѣянностью, съ непринятіемъ имъ совѣта отъ Переяславскаго епископа, убѣждавшаго его не воевать. Вообще мѣстная лѣтопись не церковнаго, а мірскаго характера была однимъ изъ источниковъ свода повѣствованій о борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ и сыномъ его, Андреемъ.

Въ характерѣ этой лѣтописи было полное проникновеніе интересами междуусобной войны. Непосредственныя впечатлѣнія заносились въ эту лѣтопись безъ искусственности и книжнаго краснорѣчія. Таковы напримѣръ мѣста:

„Изяславъ же отъ святоѣ Софїи поѣха, и съ братьею на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на сковахъ играхуть, на Ярославли дворѣ ¹²³⁾ или:

¹²³⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 56 и Ипат. лѣт. изд. археогр. ком. стр. 288.

Бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видити, а человекѣкъ бѣшеть не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци стояще горѣ въ бронѣхъ, стрѣляюще ¹²¹⁾ и т. д.

Въ мѣстныхъ разсказамъ, достигшимъ нѣвотораго безпристрастія къ князьямъ героямъ, достойнымъ другъ друга соперникамъ, относится между прочимъ и эпизодъ сраженія на Рутѣ, подъ Кіевомъ. По цѣльности этого разсказа его нельзя считать составнымъ.

„Андрей Юргевичъ, взявъ копье, поѣхалъ впереди и сбѣжался съ врагами прежде всѣхъ, и изломилъ копье свое. Тогда прокололи коня подъ нимъ въ ноздри — конь же нача соватися подъ нимъ, и шелою спаде съ него, и щить на немъ отторгоша. Божіимъ заступленіемъ и молитвою родителей своихъ сохраненъ бѣ безъ вреда. И передъ всѣми полками вѣхалъ Изяславъ одинъ въ полки ратныхъ и копье свое изломилъ. И тутъ его ранили въ руку, и въ бедро; и слетѣлъ онъ съ коня. Полки сошлись; была сѣча крѣпкая; Богъ же и святая Богородица и сила честнаго креста поможетъ Ростиславу (брату Изяславову) и ту побѣдиша Гюрга (отца Андреева). Когда (послѣ битвы) сошлись полки, и конные, и пѣшіе, Изяславъ лежалъ раненый. Онъ приподнялся, и Кіевляне изъ пѣшихъ хотѣли убить его, думая, что онъ ратный (непріятель); они не узнали его. Изяславъ же сказалъ: Я князь! И одинъ изъ нихъ на это: „такъ тебя то намъ и надобно“ и вынулъ мечъ и сталъ сѣчь по шлему. И

¹²¹⁾ Тамъ-же стр. 59 и Ип. лѣт. стр. 293.

былъ на племѣ княжескомъ надъ челомъ изображенъ святыи мученикъ Пантелеймонъ золотой. И воинъ ударилъ мечемъ по шлему и разсѣкъ шлемъ до лба, Изяславъ-же сказалъ: „И Изяславъ князь вашъ“, и снялъ съ себя шлемъ, и узналъ его воинъ. Когда объ этомъ прослышали многіе, то подняли Изяслава на рукахъ своихъ съ радостью, какъ царя и князя своего и всѣ полки радуясь воззвали: кири-елейсонъ“.

Нѣкоторые эпизоды вошли въ разбираемый нами сводъ изъ Суздальской лѣтописи, писанной обычнымъ ей церковнымъ складомъ. Таковъ напримѣръ эпизодъ объ Андреѣ, сражавшимся подъ Луцкомъ. За Суздальское происхожденіе эпизода безспорно говоритъ самый образъ повѣствованія хвалебно-религіозный ¹²⁵).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ съ большею проникательностью и вниманіемъ выдѣлилъ изъ свода сказаній объ Изяславѣ Мстиславичѣ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится съ интересомъ и сочувствіемъ о врагахъ его. Главнымъ же источникомъ свода онъ считаетъ біографію Изяслава Мстиславича, писанную его соратникомъ. Признаковъ цѣльности такой біографіи мы не видимъ. То были памятные записки о путяхъ Изяслава Мстиславича и отдѣльныя сказанія, писанныя его приближенными людьми. Если мы и признаемъ біографію, то біографія эта была такимъ-же сводомъ отдѣльныхъ описаній, какъ и всякой первоначальный лѣтописный сводъ. Нельзя сказать, чтобы записки объ Изяславѣ Мстиславичѣ велись однимъ лицомъ, а

¹²⁵) Андрей не слушаетъ дружины—възложи надежду на Бога.... похвали Бога..... помысли въ сердци собѣ, рече: „се ми хоцетъ быти Ярославча смерть Изяславича“ и помолися Бога... и призва на помощь собѣ святаго мученика Ѳедора.... П. С. Р. Л. т. II, стр. 46—47.

еще менѣ соратникомъ. Подробности битвъ и походовъ ускользають часто. „И рече слово, якоже и преже слышахомъ: не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту“ говоритъ только за то, что событіе 1151 г. передается лицомъ близкимъ къ князю. Такое слово князь могъ сказать при духовникѣ или другомъ лицѣ дома, за трапезою. Соратника, военного человѣка мы здѣсь не видимъ. Встрѣчаются здѣсь и „памяти“, писанныя на пути Изяслава Мстиславича, внѣ Кіева, съ краткостью и точностью, свойственною подобнымъ запискамъ.

Мы видѣли, что отрывки этихъ „памятей“ о Изяславѣ Мстиславичѣ врѣзываются, подъ перомъ составителя хронологически послѣдовательнаго свода, въ „памяти“ о Святославѣ Ольговичѣ. На стр. 37 (II т. II. С. Р. Л.) мы встрѣчаемъ живыя записки о Изяславѣ того же типа, какъ и записки о Святославѣ Ольговичѣ: „Въ недѣльный день исполчилъ Изяславъ... и не лѣзъ бы ему ихъ (враговъ) полкомъ доѣхати рѣкою (у Любча) но стрѣлци ся о ню (черезъ рѣву) бѣхуть отъ обохъ. И бысть на ту ночь дождь великъ вельми. На утро Изяславъ, замѣтивъ, что Днѣпръ трогается, сказалъ мужамъ своимъ и Уграмъ: намъ нельзя битися на этой рѣкѣ, а за нами Днѣпръ трогается, пойдемъ за Днѣпръ. И поиде за Днѣпръ въ понедѣльникъ. И на другое угро рушися Днѣпръ. Въ эту „память“ вставлено между прочимъ письмо Изяслава къ брату Ростиславу: брате, являю ти, на Ольговичи есми къ Чернигову ходилъ... Въ письмѣ этомъ онъ объясняетъ, какъ успѣшно перешелъ онъ черезъ Днѣпръ по льду наканунѣ разлива: Тако Богъ и святая Богородица и сила животворящаго креста приведе ны въ здоровьи въ Кіевъ. И тебе, брате, прашаю, въ здоровьи ли еси и што ти тамо Богъ помогаетъ?“

Отношенія князей въ этихъ памятяхъ обрисовываются преимущественно ихъ рѣчами, что даетъ возможность современному намъ историку оживленно излагать исторію этихъ союзовъ и усобиць.

Памяти эти слѣдуютъ за Изяславомъ и въ Новгородъ и изъ Новгорода опять въ Кіевъ, описываютъ за тѣмъ осенній съѣздъ и зимній походъ. Подробности же болѣе касаются княжескихъ отношеній, чѣмъ битвъ (свиданіе и бесѣда Изяслава и Ростислава Юрьевича—ихъ лодки, шатры и самое мѣсто свиданія—въ островѣ противу Михаила у Выдобича)¹²⁶).

Подробности битвы встрѣчаются впрочемъ нѣсколько разъ въ разсказахъ кіевского происхожденія, равно какъ и въ разсказахъ, писанныхъ внѣ Кіева. Такъ несчастливая для Изяслава битва съ Георгіемъ у Переяславля, на Трубежѣ, описана подробно. „Одни мужи удерживали Изяслава, чтобы онъ не гнался за Юріемъ; другіе же совѣтовали не упускать Юрія. Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, излюби поѣхать... и перейде—на ону сторону за Трубежь; не всходя на гору, ста на лузи, противу Кузнечимъ воротомъ. И бысть полудне, и побѣже пересковъ отъ Гюргя изъ полку, они же погнаша по немъ; стражь же Изяславли то видивше пополошишася, рекуче: „рать!“ Изяславъ же—выступи на

---

¹²⁶) Островъ Трухановъ между Днѣпромъ и Черторыею противъ Кіева; на немъ озеро Долобское (по мнѣнію Берлинскаго, Максимовича, Закревскаго) и заливъ Днѣпровскій—Золотча. Для съѣзда князья избирали мѣстомъ Долобскъ, какъ нейтральную почву, для Кіевскихъ и тѣмъ болѣе для Сѣверскихъ князей, которымъ не безопасна была правая, Кіевская сторона Днѣпра.

поле, идѣже есть Красный дворъ. Георгій и его союзники остановились, прошедше валъ. И тѣ и другіе другъ на друга смотрѣли, и только стрѣльцы между ними перестрѣливались. И такъ простояли до вечера. Георгій наконецъ ушелъ къ своему обозу, или стану (въ товары своя). Изяславъ опять думаетъ думу съ князьями и мужами своими и вновь принимаетъ совѣтъ храбрыхъ. Георгій увидавъ, что идутъ за нимъ, построился на битву, воротился, сыновей своихъ поставилъ по правую сторону, а Святослава Ольговича по лѣвую... Солнцу въсходящу, ступишася полци—и бысть сѣча зла и первое побѣгоша Поршане, и потомъ Изяславъ Давидовичъ, и по сихъ Кіане“.

Военнымъ духомъ отличается рассказъ о вторичномъ взятіи Изяславомъ Кіева при помощи Угровъ. Тутъ мы слѣдимъ за ратнымъ движеніемъ послѣдовательно и подробно—и видимъ распоряженія Изяслава Мстиславича. Вотъ онъ отдохнулъ, побѣдалъ и вечеромъ сѣлъ на коня; призвавъ брата, сына, Бориса Городенскаго и Угорскихъ мужей на думу, объясняетъ онъ свой планъ и, получивъ одобреніе, дѣлаетъ распоряженія въ родѣ слѣдующаго:

И рече Изяславъ брату своему Володимеру: поѣди ты на Бѣлгородъ передомъ, а мы вси пускаемъ съ тобою дружину свою молодьюшю..... оже пріѣдеши въ Бѣлугороду, а почнуть ся съ тобою бити, ты же къ намъ вѣсть посли, а самъ бійся за утра и до обѣда.....

Вотъ говорятъ онъ одушевленное слово къ дружинѣ: „вы за мною вышли изъ Русской земли, своихъ сель и живній лишились, да и я своей отчины и дѣдины не могу презрѣти: но любо голову свою слою, пакы ли отчину свою

на лѣзу и вашу жизнь... Съ подробностями битвъ и послѣдовательнымъ описаніемъ военныхъ событій—вторника, среды, четверга и пятницы встрѣчаемся мы въ Кіевскомъ сказаніи о послѣдней войнѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, гдѣ проявилась храбрость Андрея и когда побѣдитель Изяславъ чуть былъ не убитъ своимъ же воиномъ (см. выше).

Подобныя же подробности (и бысть мгла въ тѣ день велика, яко не видити до конецъ копья) встрѣчаемъ мы и въ описаніи послѣдняго похода Изяслава—на Галицкую землю.

Особыя сказанія, или подробные рассказы, описываютъ намъ устройства князей между собою, съ отчетливымъ изложеніемъ договоровъ. Живостью и непосредственною близостью къ событію отличаются: рассказъ объ устройствѣ Изяслава съ дядею, Вячеславомъ, и рассказъ о сношеніи того же Изяслава съ королемъ Угорскимъ, въ землѣ Галицкой и о лести притворившагося раненымъ Володиміра Галицкаго. Роль старца Вячеслава, сдружившагося съ племянникомъ, и чувствительная сторона этихъ родственныхъ, почтительныхъ и смиренныхъ отношеній сдѣлалась предметомъ особенно подробныхъ повѣствованій.

Эти отношенія въ духѣ идеальнаго воззрѣнія на братолюбіе и уваженіе къ старѣйшему родственнику, радуя сердца дружинниковъ, такъ и напрашивались на перо писателю, который заставляетъ чувствительно бесѣдовать покорнаго и вмѣстѣ могучаго великаго князя съ благодушнымъ и смиреннымъ дядею-соправителемъ.

Эти отношенія продолжаются и по смерти Изяслава Мстиславича, между братомъ и преемникомъ его, Ростиславомъ и тѣмъ-же Вячеславомъ.

Исторія посольства Петра Бориславича отъ Изяслава къ Володиміру Галицкому есть отрывокъ мемуара этою самого Бориславича. Во всей простотѣ и наивности передаетъ разговоръ посла съ Галицкимъ княземъ.

.. И рече ему Петръ: княже, крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловаль, яко ти всё управити и съ ними быти; то ти еси уже съступилъ крестьнаго цѣлованія. И рече Володиміръ: сій ли крестецъ малый? И рече Петръ: княже, оже крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли... не сталъ слушать князь рѣчей посла: вы того досыти есте молвили, а нынѣ полѣзи вонъ, поѣди же къ своему князю. Петръ же положи ему грамоты крестьныя, лѣзе вонъ— и не даша Петрови ни повоза, ни корма. Петръ поѣхаль на своихъ коняхъ и когда Петръ съѣзжалъ съ княжьего двора, Володиміръ шель въ церковь къ святому Спасу на вечерню и съ переходовъ увидалъ онъ Петра отъѣзжающаго и поругася ему: „поѣха мужъ Рускый обѣймавъ вся волости“. Посоль разсказываетъ, какъ съ княземъ, когда онъ возвращался отъ вечерни, сдѣлался ударъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ поругался надъ посломъ. И вотъ понесли князя въ горенку и разными способами лѣчили, но онъ еще до утра преставился. А Петръ, отъѣхавъ отъ Галича, ночеваль въ Большевѣ,—и вотъ около пѣтуховъ, рано утромъ, пригналъ туда дѣтскій изъ Галича и сказалъ Петру: князь ти молвить: не ѣзди никамо же, но жди ту, доколѣ по ты выслу.. Петръ, не зная о смерти Володиміра, тужилъ и боялся за себя. Но до обѣда прислали за нимъ изъ города: князь тя зоветъ. Петръ описываетъ свое удивленіе, когда онъ увидалъ княжьихъ слугъ въ черныхъ мятлихъ и Ярослава, сидящаго въ черномъ одѣяніи

и въ клобуцѣ на отни мѣстѣ. Новый, живой, но уже дружелюбнѣй разговоръ новаго князя Галицкаго съ Петромъ оканчиваетъ это любозытное повѣствованіе.

По смерти Изяслава Мстиславича въ Кіево-Выдубицкомъ сводѣ еще сохраняется тотъ же характеръ княжеской лѣтописи-хроникѣ. Только о Ростиславѣ Мстиславичѣ пишетъ лицо духовное, похваляя его за смиреніе и благочестіе. Слѣды памятныхъ записокъ видны въ лѣтописи, писанной сторонникомъ Мстислава Изяславича.

Повѣствованіе Мономаха есть первообразъ памятныхъ записокъ, этихъ бѣглыхъ лѣтописей, останавливающихся съ особыми подробностями только на княжескихъ сношеніяхъ и на военныхъ движеніяхъ ихъ. Потребность оправдать князей въ дѣлѣ крамолы и похвалить за миролюбіе и храбрость проявляется въ памятахъ съ тою же искренностью, какъ и въ завѣщаніи Мономаха. Самая мѣстная лѣтопись того времени уступила силѣ вещей: подробности великой внутренней войны заступили мѣсто лѣтописныхъ разсказовъ съ поучительнымъ характеромъ, первоначально писавшихся въ кельи спокойнаго наблюдателя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СКАЗАНИЯ О ПОХОДАХЪ НА ПОЛОВЦЕВЪ, ИМѢЮЩІЯ ХАРАКТЕРЪ ПОВѢСТЕЙ.

СКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII столѣтія: а) о походе Мономаха 1103 года; в) о его же походе 1111 и о славной битвѣ на Сальницѣ. СКАЗАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ТОГО-ЖЕ столѣтія: а) о походе Мстислава Изяславича; в) два лѣтописныхъ разсказа о походахъ Святослава Всеволодовича; с) два сказанія о походе Игоря Святославича; отношеніе этихъ сказаній къ Слову о Полку Игоревѣ. Взглядъ на повѣствовательную сторону Слова о Полку Игоревѣ.

Если сказанія о Половецкихъ погромахъ, вошедшія въ составъ перваго лѣтописнаго свода, наполнены были горькими сѣтованіями и разсужденіями о праведномъ гнѣвѣ Божьемъ за грѣхи и дурные обычаи, то сказанія о побѣдахъ, одержанныхъ князьями Русскими надъ невѣрными, проникнуты хвалою Богу, показавшему милость людямъ своимъ. Сказанія эти прославляютъ князей, которые въ такихъ случаяхъ являются орудіемъ Божиимъ, а самая побѣда представляется чудесною и сверхъестественною.

Побѣдоносные походы на невѣрныхъ, въ глубь ихъ становищъ, гнѣмъ болѣе должны были восхищать современниковъ.

Послѣ трехъ сильныхъ Половецкихъ погромовъ ¹²⁷⁾ три побѣды одержалъ Мономахъ надъ Половцами, и три раза онъ съ побѣдою возвращался изъ земли ихъ. Обстоятельства первой побѣды дошли до насъ въ формѣ отчетливаго, подробнаго разсказа объ убійствѣ Итлара—измѣною и хитростью, совершенно въ духѣ дружиннаго эпоса ¹²⁸⁾. Дружина здѣсь играетъ главную роль и заставляетъ Владиміра нарушить клятву: „Княже, нѣту ти въ томъ грѣха: они (Половцы) даютъ клятвы и все таки губятъ землю Русскую и проливаютъ безпрестанно кровь христіанскую“. И послушалъ ихъ Владиміръ. Тогда Итлара и людей его зазвали въ теплую избу и тамъ заперли. Между тѣмъ прокопали верхъ и Ольбегъ Ратиборичъ, взявъ лукъ и наложивъ стрѣлу, ударилъ Итлара прямо въ сердце. Послѣдующія по убійствѣ Половецкаго заложника обстоятельства не представляютъ интереса со стороны живой изобразительности. Бѣглый лѣтописный разсказъ о войнѣ, послѣдовавшей за убіеніемъ Итлара не останавливается даже и на походѣ Мономаха, гнавагося за Половцами въ предѣловъ Русской земли. Смѣлый князь безъ приготовленій, случайно, какъ-бы набѣгомъ, зашелъ въ Половецкія кочевья, и этотъ подвигъ его былъ только предтечею другихъ славныхъ походовъ.

Сказаніе о походѣ 1103 года въ Половецкую землю. Второй походъ (1103 г.), окончившійся второю побѣдою надъ врагами отечества, былъ не набѣгъ, а обдуманное предпріятіе; о немъ сохранилось округленное и законченное сказаніе. Сказаніе начинается описаніемъ знаменія на солнцѣ, съ кото-

¹²⁷⁾ Надъ Всеволодомъ (1061), Ярославичами (1067), надъ Святополкомъ и Мономахомъ (1093).

¹²⁸⁾ П. С. Р. Л. т. I лодъ 1095 (6603).

рысь оно и связываетъ самое событіе похода на Половцевъ. Люди, видѣвшіе по сторонамъ солнца дуги—говорить авторъ—со слезами и воздыханіемъ молили Бога обратитъ это знаменіе на добро. „Иное знаменіе бываетъ на добро, а иное на зло; но это знаменіе было на добро: на предъидущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскіи князи—умыслиша дерзнути на Половци, пойти в'землю ихъ, якоже скажемъ въ пришедшее лѣто.

Знаменіе на солнцѣ было въ февралѣ; въ мартѣ же, съ началомъ новаго лѣта, по внушенію Бога, вложившаго въ сердце ихъ мысль благую, Святополкъ и Владиміръ съѣхались на Долобскѣ думати о предпріятіи. И съѣлъ Святополкъ съ своею дружиною, а Володиміръ съ своею, но въ одномъ и томъ-же патрѣ. Первая возражала дружина Святополча: „не время веснѣ воевати, хочемъ погубити смерды и ролью имъ“. На это отвѣчалъ имъ Владиміръ: „дивно ми, дружино, оже лошади жалуешь, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите (не промыслите въ Лавр. Сп.) оже начнетъ смердъ орати, и Половчинъ пріѣха ударитъ смерда стрѣлою, а кобылу поиметь, а в'село вѣѣхавъ, поиметь жену его и дѣти и всё имѣніе его возметъ? То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуете“. И дружина Святополча не нашла отвѣта, а самъ Святополкъ сказалъ: се азъ готовъ уже, а Владиміръ ему на это: брате, ты велико добро сотворишь Русской землѣ“. И послали оба князя къ Давиду и Олегу: идите на Половцевъ, либо будемъ живы, либо мертвы. Давидъ послушалъ ихъ, а Олегъ нашелъ причину отказа въ нездоровьѣ: вину река: не здоровлю.—Разсказъ описываетъ, какъ двинулись князья въ походъ, гдѣ шли на коняхъ, гдѣ въ лодкахъ, гдѣ пѣшіе. По-

ловцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать. Меньшіе люди отвергли совѣтъ Урусобы: просить мира. „Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Когда мы побьемъ этихъ, что идутъ на насъ, то можемъ идти въ ихъ землю и взять всѣ города ихъ. Тогда не кому будетъ избавить ихъ отъ насъ“. Какъ-бы въ противоположность такимъ гордымъ рѣчамъ Русскіе князья и воины молили Бога, давали обѣты Пречистой его Матери, подавали милостыни убогимъ и посылали приношенія въ монастыри.....

Половцы выслали впередъ богатыря Алтунопу (и же славяше мужествомъ) съ передовымъ отрядомъ, а Русской сторожевой отрядъ подстергъ Алтунопу, обступилъ его, и Русскіе избилъ всѣхъ, кто съ нимъ былъ. И не одинъ изъ нихъ не избилъ бѣды, но всѣхъ избилъ. И двинулись полки Половецкіе аки борове и нельзя ихъ было глазомъ оглядѣть. И великій Богъ вложилъ „жалость“ въ Половецвъ, и страхъ напалъ на нихъ; они бездѣйствовали и кони ихъ не двигались быстро (дремаху сами и конемъ ихъ не быше спѣха у ногахъ) Русь-же съ веселиемъ на коняхъ и пѣшіе потекли къ нимъ. Половцы побѣжали, наши же ихъ погнали, сѣкуще.

Это случилось 4 апрѣля. И великое спасеніе створи Богъ въ тѣ день благовѣрнымъ княземъ Русьскимъ и всѣмъ хрестьяномъ, а на враги наши дасть побѣду велику. Девять князей Половецкихъ изъ числа 20 убитыхъ повѣствователь называетъ по именамъ и останавливается на взятомъ въ плѣнъ Белдузѣ. Этому плѣнника приводятъ передъ снемъ князей и онъ предлагаетъ дорогой за себя выкупъ: золото и серебро, коней и скоть. Владиміръ же поступаетъ съ нимъ, какъ Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ: зачѣмъ ты не учишь твоихъ сыновъ и весь родъ твой не нару-

шать клятвы, но проливали кровь христіанскую, да се буди кровь твоя на главѣ твоей—и повелѣлъ убить его; и разсѣли его на части. И встали князья, и Владиміръ сказалъ: се день иже створи Господь возрадуимся и возвеселимся въ оны и т. д. И придоша в' Русь съ пономѣмъ великимъ и съ славою и побѣдою великою у свояси“.

Это первое сказаніе о походѣ на Половцевъ написано было по прошествіи нѣкотораго времени послѣ событія и, по всей вѣроятности, въ дни княженія Святополка. Не смотря на выдающуюся роль Владиміра, благая, вложенная Богомъ мысль принадлежитъ равно и ему, и Святополку. Вина первоначальнаго несогласія сложена на дружину, а князья являются единственными носителями благой мысли. Они усердно молятся передъ битвою, и Владиміръ словами псалма придаетъ должное значеніе своему подвигу.

Сказаніе о походѣ 1111 г. и о славной битвѣ на Сальницѣ.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, князья опять, весною-же, въ дни великаго поста, предприняли походъ въ землю Половцкую. Походъ этотъ увѣнчалъ князей еще большею славою, и былъ онъ предметомъ особаго, возвышеннаго сказанія, выдвинушаго событіе изъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго. Сказаніе это принимаетъ характеръ повѣсти, и въ немъ религіозный элементъ подчиняетъ себѣ всё случайности. Сказаніе начинается описаніемъ чуднаго видѣнія столбовъ огненныхъ: „Въ Печерскомъ монастырѣ, въ 11 день февраля, явился огненный столпъ отъ земли до неба. Молніе освѣтило всю землю и на небѣ прогремѣлъ громъ въ 1 часъ ночи. Весь міръ это видѣлъ. Потомъ этотъ столпъ сталъ на транзницѣ каменной, такъ что не виденъ былъ крестъ. Постоявъ мало,

столпъ перешель на церковь и остановился надъ гробомъ Θεодосіа; потомъ сталъ подниматься выше къ востоку и затѣмъ сталъ невидимъ“. Явленіе это не было сомнительнымъ и непопятнымъ указаніемъ, какъ дуги около солнца въ разсказѣ о походѣ 1103 года: это было явное предзнаменованіе побѣды „то былъ не огонь, не столпъ—продолжаетъ сказаніе—но видъ ангельскій“. Въ слѣдъ затѣмъ излагается цѣлое ученіе о томъ, какъ ангелы помогаютъ въ войнахъ. За исторіей ангельскихъ явленій слѣдуетъ заимствованное изъ Епифанія Кипрскаго (писателя IV вѣка) ученіе о томъ, что дѣлаютъ ангелы въ нашемъ мірѣ: какъ одни изъ нихъ приставлены къ облакамъ и мглѣ, другіе къ снѣгу и грому и другимъ явленіямъ природы и наконецъ къ каждой землѣ и къ каждому воинству приставленъ свой ангель. Подробный разсказъ о явленіи ангела Александру Македонскому, передъ походомъ его въ Іерусалимъ, приводитъ автора къ заключенію, что и къ невѣрнымъ приставлены ангелы, и поганые побѣждаютъ, когда, по Божьему попущенію, ихъ водить ангель. Такъ и насъ побѣждали поганые, за грѣхи, по попущенію. Но у христіанъ не одинъ ангель, но столько, сколько крещеныхъ людей, и тѣмъ болѣе ангелы хранятъ благовѣрныхъ князей нашихъ. Но Божьему повелѣнію и ангелы противиться не могутъ: они только молятъ Бога за христіанъ. Такъ и теперь молитвами Святой Богородицы и ихъ молитвами умилосердился Богъ и послалъ ангеловъ въ помощь Русскимъ князьямъ на поганыхъ. „И вложилъ Богъ Владиміру въ сердце и нача глаголати брату своему Святополку, по-нужая его на поганья на весну. Святополкъ же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимерю, они же рекоша: не верема нынѣ погубити смерды отъ роли... И затѣмъ мы видимъ тотъ-же разсказъ о снемѣ кня-

зей на Долобскѣ, который, какъ мы видѣли выше, составляетъ существенную часть сказанія о походѣ 1103 года. Дословно схожій въ обѣихъ сказаніяхъ, рассказъ этотъ имѣетъ въ сказаніи нѣкоторыя черты, указывающія на новую его редакцію. Такъ не обоимъ князьямъ, Святополку и Владиміру, приписывается мысль похода, а одному Владиміру. Такъ рѣчи свои о смердахъ и о роли Владиміръ относитъ не къ дружинѣ Святополчей, а къ самому великому князю. На сеймѣ Владиміръ не рѣшается говорить и уступаетъ слово Святополку: „брате, ты еси старѣй, почни глаголати“.... И далѣе „како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хочеть погубити смерды и ролью“. Ясно, что сказаніе о первомъ походѣ имѣло источникомъ рассказъ одного изъ дружинниковъ Владиміра, слагавшаго вину за противодѣйствіе на дружину Святополка. Позднѣйшая же редакція, приурочившая это совѣщаніе на Долобскѣ къ позднѣйшему походу, не различаетъ двухъ становъ дружины, а слагаетъ вину за противодѣйствіе вообще на дружину, а весь починъ всецѣло приписываетъ одному Владиміру ¹²⁹⁾.

Лѣтописный рассказъ объ Итларѣ, сказаніе 1103 г. и сказаніе 1111 г. стоятъ между собой въ такомъ отношеніи: въ первомъ изъ нихъ мы видимъ преобладаніе дружиннаго начала, во второмъ дружинное начало еще играетъ роль, въ третьемъ оно совершенно блѣднѣетъ передъ значеніемъ князей, и зна-

---

¹²⁹⁾ Карамзинъ, слѣдуя сказанію о битвѣ при Сальницѣ отнесъ и сѣзды на Долобскѣ съ рѣчами о смердахъ и о роли къ 1111 г., Соловьевъ, замѣтивъ повтореніе, рассказалъ о сѣздѣ на Долобскѣ, при событіи 1103 года. Такъ поступилъ и составитель Никоновскаго лѣтописца.

ченіе одного изъ нихъ вырастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ.

Отнесши то, что происходило на сеймѣ 1103 года, къ обстоятельствамъ похода 1111 г., сказаніе тѣмъ не менѣе съ точностью передаетъ исторію похода. Событія преимущественно озачены днями великой четыредесятницы, и читатель изо дня въ день слѣдитъ за движеніемъ Русскихъ ратныхъ силъ въ глубь степей Половецкихъ. Основная мысль о помощи ангеловъ проводится во всемъ рассказѣ: князя на нихъ возлагаютъ свою надежду. Владиміръ, какъ поситель вдохновенія свыше, подступая къ граду Шаруваню „пристави попы своя ѣдучи передъ полкомъ пѣти тропари“... Подобно крестоносцамъ шли князья наши на невѣрныхъ—вдохновенные, молящіеся, очи возводящіе къ небу. „Уже двукратно помогъ Богъ Русскимъ князьямъ, но въ послѣднюю рѣшительную минуту ангелъ господень пришелъ къ нимъ въ помощь. Тмы темъ Половцевъ аки борове велиціи обступили Русскіе полки. Была лютая брань, какъ громъ затрещала схватка... и наконецъ Половци вдаша плещи своя на бѣгъ... и падаху Половци предъ полкомъ Володимировымъ, невидимо бьемы ангеломъ. Многіе видѣли, какъ невидимымъ образомъ ссѣкаемыя головы летѣли на землю“.

Послѣ этой славной побѣды на Сальницѣ князья возблагодарили Бога; и взяли они много полону. Приведенные передъ князей колодники, подтверждая чудо, являются живыми его свидѣтелями: како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху вась въ оружьи свѣтлѣи и страшни, иже помогаху вамъ“. Зключительная часть сказанія снова возвращается къ явленію столпа въ Печерскомъ монастырѣ, какъ къ явленію ангела, вложившаго Мономаху

въ сердце— „пустити братью на иноплеменики“. Обширная хвала ангеламъ и выдержки явленій ихъ изъ Иоанна Златоуста и Епифанія Кипрскаго на время переносятъ сказаніе въ область духовнаго. Воздавъ хвалу небесному вопиству, авторъ заключаетъ свое произведеніе прославленіемъ подвига и побѣды Русскихъ князей:

„Возвратишася Русьстїи князи во свояси съ славою великою. Слава эта пошла по всей Русской землѣ и по всѣмъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ и Лихомъ, и Чехомъ дондеже и до Рима проиде на славу Богу, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Съ этимъ можно сопоставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ пѣвецъ величалъ Святослава за побѣду надъ Половцами: *Ту Нѣмци и Венецици, ту Греци и Морава поють славу Святъславю.*

Сказаніе это было написано отдѣльно отъ лѣтописи. Оно скорѣе, чѣмъ всякое другое сказаніе времени Мономаха, принадлежитъ перу лица, преданнаго этому князю и написавшаго свое произведеніе тогда, когда Владиміръ Мономахъ былъ великимъ княземъ Кіевскимъ. Сказаніе по всей вѣроятности написано въ монастырѣ Св. Михаила, вождя безплотныхъ силъ, монастырѣ Выдубицкомъ, гдѣ составленъ былъ Сильвестровъ лѣтописецъ.

Явленіе огненныхъ столповъ въ монастырѣ Печерскомъ и чудо св. ангеловъ, которымъ былъ посвященъ монастырь Выдубицкой, указываютъ на духовную связь, соединявшую двѣ сосѣднія обители.

Авторъ этого сказанія однако-же не былъ одно и тоже лицо съ тѣмъ, кто велъ лѣтопись временъ Святополка-Михаила.

И если Сильвестръ велъ эту лѣтопись и ею связалъ событія своего времени съ повѣстью объ отдаленной старинѣ, то онъ не могъ быть авторомъ сказанія объ ангелахъ, помогшихъ Русскимъ противъ Половцевъ, не могъ потому, что въ лѣтопись его органически входитъ сказаніе о походѣ 1103 года. Выше же мы доказали что одно лицо не могло быть авторомъ этихъ двухъ сказаній. Приниска Сильвестрова (въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей) обрѣзываетъ наше сказаніе: ясно, что она стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Въ цѣлости же сказаніе дошло до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописей.

Счастливые походы на Половцевъ возобновились черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ знаменитой битвы на Сальницѣ. Въ ту пору великая внутренняя война поутихла. Кіевъ потерялъ прежнее значеніе при окрѣпшемъ Суздаль и усилившемся Галицкомъ княженіи. Столь упорно домогавшіеся Кіевского стола два князя, Ольговичъ и Мономаховичъ, кончили тѣмъ, что раздѣлили другъ съ другомъ власть велико-княжескую. Въ княженіе Святослава Всеволодовича и свата его, Рюрика Ростиславича, въ Кіевѣ ратное движеніе приняло вновь характеръ борьбы съ невѣрными; начинаются наступательные походы на Половцевъ; а въ письменности появляются повѣствованія объ этихъ походахъ.

Какъ въ годы Мономаха въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ ожили дружинныя преданія объ Ольгѣ и Владимірѣ, такъ и въ послѣдней четверти XII-го столѣтія воскресла слава Мономаха, вспомнились подвиги славнаго князя въ странахъ Придонскихъ и ожили и другія событія стараго Мономахова времени.

Южныя лѣтописатели, слѣдя главнымъ образомъ за войнами князей между собою, мимоходомъ упоминають о рѣдкихъ

впрочемъ походахъ на Половецкую землю. Только походъ Мстислава Изяславича (6678 или 1170 г.) послужилъ содержаніемъ особаго сказанія, напоминающаго сказанія о походахъ Мономаха на Половцевъ „Вложи Богъ въ сердце Мстиславу. Изяславичу мысль благу о Руской земли, за неже ей хотяше добра всимъ сердцемъ“.

Идти на Половцевъ значило хотѣть блага Русской землѣ, любить её всѣмъ сердцемъ. Подвигъ похода на землю Половецкую былъ подвигомъ, выражавшимъ свѣтлую, лучшую идею времени. На долю одного изъ князей второй половины XII-го столѣтія долженъ былъ пасть удѣлъ быть носителемъ этой идеи, и подвигъ его, совершенный во имя блага всей земли, долженъ былъ быть прославленъ въ примѣръ прочимъ князьямъ и даже въ укоръ имъ за рознь и усобицу.

Рѣчь правнука Мономахова, Мстислава Изяславича, окончилась такъ:

„А лѣпо ны было, братье ¹³⁰⁾ възраче на Божию помощь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“.

И угодна бысть рѣчь его преже Богу и всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Русскую землю головы свои сложити и къ мученикомъ причтенюмъ быти.

¹³⁰⁾ „Лѣпо ны бяшетъ, братіе“, какъ видно, была въ XII столѣтіи обиходною фразою въ воззваніяхъ, въ началѣ торжественныхъ рѣчей и ею начинается свою повѣсть-поэму авторъ Слова о полку Игоревѣ.

На середокрестной недѣлѣ выступили князья въ походъ, какъ бывало при Мономахѣ. Князья взяли сперва вѣжи Половецкія, потомъ настигли и Половцевъ и набрали множество полуноу—и колодники и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты, и коньми. Христіанъ же, взятыхъ въ плѣнъ, всѣхъ пустили на свободу..... И похвалившѣ князи Бога, възвратиса во свояси съ радостію великою. Они поспѣли домой на воскресенье Христово. И бысть людемъ двойная радость: и воскресеніе господне и возвращеніе князей съ побѣдою и радостью. Такими словами оканчивается рассказъ о событіи, случившемся за пятнадцать лѣтъ до несчастливаго и столь прославленнаго похода Игоря Святославича.

Лѣтописные рассказы о походахъ великаго князя Святослава Всеволодовича Кіевскаго на Половцевъ равно напоминаютъ духъ сказанія Мономахова времени. Рассказъ о побѣдѣ его надъ Кобыкомъ началомъ и заключеніемъ напоминаетъ сказаніе о походѣ 1111 года: „Богъ вложилъ въ сердце Святославу князю Кіевскому и Рюрику Ростиславичу поидти на Половцевъ..... послѣ побѣды „великій князь Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ принѣше отъ Бога на поганья побѣду... возвратиса во свояси съ славою и честію великою“. Путь Святослава былъ на этотъ разъ внизъ по Днѣпру. Иные изъ князей союзниковъ не хотѣли двинуться такъ далеко отъ своихъ земель, но Святославъ пошелъ, пуцаемъ Божиимъ промысломъ. Долго шелъ Святославъ своею стороною Днѣпра и только у Инжира брода переправился на ратную сторону рѣки. Пять дней проискалъ онъ Половцевъ. Младшихъ князей онъ отрядилъ впередъ, и вотъ одинъ изъ нихъ Володиміръ Переяславскій напалъ на Половцевъ, пустился за ними въ погоню и, не нагнавъ, воротился

и сталъ на мѣстѣ нарѣцаемимъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголъ. Половецкій же князь Кобякъ, думая, что Русскихъ только и есть, сколько гналось за нимъ, воротился битися съ ними, но большіе полки Святослава и Рюрика пришли къ своимъ на помощь; и быстро отступили Половцы (поскочиша), Русь же ворвалась въ ряды ихъ (въвертѣлася въ нѣ) и начали ихъ сѣчь и брать въ плѣнъ. Разсказъ поименовываетъ князей Половецкихъ, избитыхъ Русскими и взятыхъ въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ Кобякъ съ своими двумя сыновьями. Въ словѣ о полку Игоревѣ эта побѣда, окончившаяся взятіемъ въ плѣнъ Кобяка, вспоминается съ особою хвалою: Святъславъ, грезный великий Кіевскій.... наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъмовъ Половецкихъ яко вихрь выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Въ плачѣ Ярославны вспоминается этотъ счастливый походъ по Днѣпру: Днѣпре Славутицю.... ты лелѣялъ еси Святославли насады до пълку Кобякова.

Извѣстіе о походѣ 1185 г. на Копчака, за Хороль, не смотря на свою сжатость округлено и запечатлѣно тѣмъ-же религіознымъ духомъ. „Господь содѣялъ спасеніе — далъ побѣду двумъ князьямъ Русскимъ Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу таково начадо: и возвратились они съ побѣдою молитвами святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, славяще Бога въ Троицѣ—отца и сына и святаго Духа.

На 34-хъ лѣтняго Новаграда-Сѣверскаго князя палъ жребій быть носителемъ идеальнаго стремленія вѣка, подобно Мстиславу Изяславичу.—Если-бы Слово о Полку Игоревѣ и не дошло до насъ, то и тогда, на основаніи свидѣтельствъ

лѣтописи, личность Игоря Святославича стала бы наряду съ личностью Мстислава Изяславича, хотѣвшаго Русской землѣ добра всѣмъ сердцемъ. Игорь поздно узналъ, что Святославъ Всеволодовичъ пошелъ на Кончака. Мужъ Святослава передалъ ему, что Ярославъ Черниговской не пошелъ съ братомъ на Половцевъ: отречися брату своему Святославу. Игорь на это сказалъ мужу Святославу: „Не дай Богъ отрещись идти на поганыхъ, поганый намъ всѣмъ общій ворогъ“. И сталъ гадать Игорь съ дружиною, какъ бы ему обогнать полки Святославовы. Дружина ему на это: Княже, птицею не можешь перелетѣть. Се приѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ идетъ въ недѣлю изъ Кіева, то како можеши, княже, постигнути. Игоревы же башеть не любо, оже ему тако молвять дружина. Онъ двинулся кратчайшимъ путемъ, но туманъ помѣшалъ ему попасть на путь Святослава. Это было въ мартѣ. Въ апрѣлѣ-же, во вторникъ свѣтлой недѣли, въ то время, какъ Святославъ пошелъ въ Вятчи, къ Корачеву, Игорь выступилъ изъ Новагорода Сѣверскаго въ походъ на Половцевъ въ союзѣ со всѣми молодыми Ольговичами. У старшаго Ярослава Черниговскаго онъ испросилъ въ помощь Ковуевъ Черниговскихъ съ испытаннымъ въ бояхъ съ Половцами мужемъ Ольстиномъ Олексичемъ.

Походъ Игоря съ его несчастными послѣдствіями былъ дважды описанъ современными писателями. Южный лѣтописный сводъ сохранилъ живое, подробное и очень искусное сказаніе, писанное по горячимъ слѣдамъ событія, по всей вѣроятности въ Кіевѣ—лицомъ преданнымъ роду Мономаха. Сказаніе это написано въ духѣ прежнихъ сказаній о борьбѣ съ невѣрными. Знаменіе, бывшее на солнцѣ въ то время, какъ ополченіе

подходило къ Довцу, даетъ поводъ выходящую изъ ряда войну ставить въ зависимость отъ Божьяго указанія. Выраженіе о Половцахъ (начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове), встрѣчающееся и въ сказаніяхъ о походахъ Мономаха, указываетъ также на литературное сродство сказанія о походѣ Игоря съ другими сказаніями о борьбѣ съ невѣрными.

По внимательномъ разсмотрѣніи сказаніе южнаго свода о походѣ Игоря можно раздѣлить на части. Такимъ расчлененіемъ памятника самый строй его становится яснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывается содержаніе его, столь интересное по отношенію къ Слову о полку Игоревѣ.

1-я часть: выступленіе въ походъ—до встрѣчи съ врагами. При взглядѣ на солнце, стоявшее яко мѣсяць, мужи поникша главами и сказали князю, что знаменіе это не на добро. Игорь отвѣчаетъ на это поучительно: братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ то мы увидимъ.

Твердый въ своемъ намѣреніи Игорь не испугался и новаго предостереженія, даннаго сторожевыми, принесшими вѣсть о силѣ враговъ: „или пойдемъ быстро, или возвратимся домой; теперь не наше время“—говорили они, Игорь на это: оже ны будетъ не бившеса возвратитися, то соромъ ны будетъ пуще смерти; но како ны Богъ дастъ.

Эта худая вѣсть, принесенная сторожевыми людьми отмѣчена и въ Словѣ о полку Игоревѣ: стязи (метонимически в. стяговники, которые обыкновенно становились на возвышенныхъ мѣстахъ съ знаменами и видѣли окрестность) глаголютъ

Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ—Русскимъ плъны о(б)ступиша ¹³⁾.

Вѣсть эта, пришедшая къ Игорю еще до перваго столкновения съ Половцами, въ „Словѣ“ отнесена ко времени между первымъ и вторымъ сраженіемъ.

2-я часть—встрѣча съ врагами и побѣда на р. Сіурліи. Подробно описывается эта встрѣча. Игоревъ полкъ идетъ посерединѣ, по правую его сторону полкъ Всеволода Трубчевскаго, а по лѣвую Святослава Ольговича Рыльскаго (сына брата и предмѣстника Игорева на столѣ Новградо-Сѣверскомъ). Впереди шелъ полкъ 13 лѣтвѣя Владиміра Игоревича и полкъ Олстина Олексича; шестой же сборный полкъ шелъ впереди всѣхъ; онъ былъ составленъ изъ стрѣльцевъ всѣхъ пяти полковъ. „Братья, сего есмы искали, а потягнемъ—сказалъ Игорь. И пошли они къ р. Сіурлію, положивъ упованіе на Бога. Въ то время, какъ три передовые полка уже вступили въ сраженіе съ Половцами, Игорь и Всеволодъ подвигались тихо по

---

¹³⁾ Мы читаемъ вѣсть съ Ганкою, Дубенскимъ и Максимовичемъ обступиша вм. отступиша. Кн. Вяземскій (Замѣчанія на слово о плъку Игоревѣ. С.-петербургъ 1875 г. стр. 162) осуждаетъ такое чтеніе: „Нельзя не упрекнуть издателей Слова о Пл. Игоревѣ за необращеніе должнаго вниманія на изслѣдуемый ими текстъ. Въ Словѣ весьма правильно и ясно говорится, что Русскія войска отступили послѣ первой побѣды своей..... Чувство патриотизма затемнило смыслъ текста“... Мы съ своей стороны позволимъ и себѣ укорить почтеннаго изслѣдователя за не обращеніе должнаго вниманія на лѣтописное сказаніе. Изъ „Слова“ также не видно, чтобы Русскіе отступили. Послѣ первой побѣды они ночевали въ полѣ, гдѣ ихъ и застало зловѣщее утро, и въ слѣдъ за извѣстіемъ о подступающей со всѣхъ сторонъ силѣ Половецкой они были ею окружены.

направленію къ вѣжамъ Половецкимъ, уже покинутымъ сражавшимися Половцами. Русскимъ досталось все, что было въ вѣжахъ—люди и имущество.

„И рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣтны Половцыми, а съ ними и злато, и пovelоки и драгыя аksamиты...

Игорь возблагодарилъ Бога и призналъ за собою и своими честь и славу. Но онъ не былъ ослѣпленъ успѣхомъ: онъ торопилъ движеніе полковъ своихъ и хотѣлъ идти черезъ всю ночь. Племянникъ его, Святославъ Ольговичъ, воспротивился такому рѣшенію „Далеко гнался я за Половцами—сказалъ онъ—и кони мои не могутъ. Если-же мнѣ теперь поѣхать, то придется остаться на дорогѣ“. Изъ разбираемаго нами сказанія ясно, что современники приписывали неудачу медленному движенію полковъ и этой злополучной заочевѣ, по требованію Святослава Ольговича.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.... Стороженые люди говорили о необходимости быстрого движенія, какъ мы это видѣли выше и Игорь этого требовалъ. Недовольный на медленность полковъ авторъ сказанія говорить съ укоромъ: „идяхуть тихо, бяхуть бо у нихъ кони тучни вельми.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ этому медленному движенію какъ бы противопоставляется бѣгъ Половцевъ: Половцы готовяши дорогами побѣгоша къ Дону великому.... Гзакъ бѣжитъ стрѣль волкомъ.

И такъ, рѣшились ночевать: облегоша ту. „Не дивно будетъ, если помремъ—сказалъ принужденный уступить общему требованію Игорь.

3-я часть—новая встрѣча утромъ съ Половцами и злополучная битва.

Въ „Словѣ“ объ этомъ: другаго дни велии рано кровавыи зори свѣтъ повѣдаютъ....

Игорь, не разъ бывавшій въ передѣлахъ съ Половцами, узнаеть по именпо полки ихъ. Рать спѣшивается, силится дойти до р. Донца; конные не хотятъ покинуть пѣшихъ, всѣ хотятъ вмѣстѣ умереть или спастись. Игорь раненъ въ лѣвую руку. Бились цѣлый день субботы и всю ночь до воскресенья. Въ воскресенье съ зарю, Ковуи взбунтовались и устремились въ бѣгство. Раненый Игорь на конѣ погнался ворочать полеи назадъ къ битвѣ и снялъ шлемъ, чтобы познали въ немъ князя.

„Игорь пѣли заворочаетъ“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Но однако мало кто отъ простыхъ людей участвовалъ въ мятежѣ Ковуевъ. Добрые бились пѣшие, и среди нихъ Всеволодъ не мало мужества показа. Приблизившагося къ полкамъ своимъ Игоря взяли въ плѣнъ. Въ неволѣ видитъ онъ брата Всеволода, крѣпко борющагося, и просить у Бога смерти: „дабы не видѣлъ я паденія брата своего“. Всеволодъ бился пока не иступилъ оружїя.—Въ Словѣ: Ярътуре Всеволоде, стоиши на боронѣ, прыщещи на вои стрѣлы... и т. д. Камо туръ поскачаше своимъ златымъ шелономъ посвѣчивая, тамо лемать поганья головы Половецкїя.

Послѣдняя схватка была при озерѣ. И тако въ день воскресенія наведе на ня Господь гнѣвъ свой въ радости мѣсто, наведе на ны плачь и въ веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы.

Желя невольно напоминаетъ: мя поскочи по Русской земли, а Каяла и тѣмъ болѣе роднитъ сказаніе со „Словомъ“, гдѣ эта степная, несомнѣнно существовавшая подъ этимъ именемъ, а не вымышленная, какъ думаютъ нѣкоторые комментаторы рѣка такъ часто упоминается.

4-я часть—плачь Игоря, раскаяніе его и покаяніе передъ Богомъ. Половцы разбирають плѣнниковъ.

5-я часть—великой князь Святославъ, стоя у Новагорода-Сѣверскаго, узналъ о походѣ братья своей, и ему то было не любо. Въ Черниговѣ узнаеть онъ о бѣдѣ, постигшей ихъ; онъ плачетъ, укоряеть и жалѣеть больше всего Игоря.

6-я часть описываетъ тугу и тоску Посемскихъ городовъ и всей области Черниговской.

7-я—Другіе князья Русскіе выступаютъ на Половцевъ.

8-я—Половцы раздѣляются на двѣ рати: бысть у нихъ котора; Кончакъ идетъ на Кіевскую сторону, желая отмстить за прежнія пораженія; Кза, или Коза, идетъ на Посомье, гдѣ остались однѣ жены и дѣти.

9-я часть—Кончакъ осаждаеть Переяславль, гдѣ при этомъ тяжело раненъ „добрый, крѣпкой“ въ рати князь Володиміръ Глѣбовичъ.

.....а Володимиръ подѣ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову.

10-я часть—котора въ Русскомъ войскѣ; Давидъ возвращается домой со Смольнянами, покидаеть Рюрика и Святослава.

.....бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы....

11-я часть—Кончакъ осаждаеть Римовъ. Побѣда на сторонѣ Половцевъ. Авторъ вздыхаетъ, указывая на Божью казнь за грѣхи—да смирившеся вспоманемся отъ злаго пути.

На ниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подѣ саблями Половецкими.

12-я часть—кратко въ нѣсколькихъ словахъ говорится о Кзѣ или Козѣ, „въ силахъ тяжкихъ“ повоевавшемъ Путивльскую волость.

13-я часть—разказъ объ Игорѣ въ плѣну: какъ его тамъ содержали честно и какъ онъ думаль долго пребыть тамъ.

14-я часть—замысли Игоря бѣжать со всѣми Русскими. Благородное его отношеніе къ дружинѣ, безъ которой онъ не

хотѣлъ бѣжать неславнымъ путемъ. Его думци уговариваютъ его не дожидаться возвращенія Половцевъ изъ Переяславля.

15-я часть—бѣгство. При помощи Лавора (Овлуръ Слова о Полку Игоревѣ), родомъ Половчина, Игорь бѣжитъ вечеромъ, когда Половцы напились кумыса. Ковюшій князя говоритъ ему, что Лаворъ на той сторонѣ рѣки Тора и ждетъ его.

Овлуръ свисну за рѣкою—велитъ князю разумѣти.

Игорь горячо молится, надѣваетъ на себя крестъ и икону, поднимаетъ стѣну палатки и уходитъ. Сторожа его говорятъ, что онъ спитъ, а между тѣмъ играютъ и веселятся.

Погасоша вечеру зори: Игорь спитъ, Игорь бдитъ...

Вотъ онъ перебрелъ рѣку, сѣлъ на коня и миновалъ вѣжи. Веки ся Половецкіи подвизошася; а Игорь князь поскочи ...бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣрвѣмеса на брѣзъ кононь.

16-я часть—возвращеніе Игоря, радость въ Черниговской землѣ. Игорь ѣдетъ въ Кіевъ къ великому князю Святославу и Рюрику.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ святой Богородицѣ Пирогощей.....

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сказаній—сказаніе это по духу и направленію болѣе другихъ напоминаетъ сказаніе объ ослѣпленія Василька: та же чуткость къ военному дѣлу и тотъ же правдивый и нравственный судъ надъ героемъ сказанія. Отъ сказаній о Мономахѣ оно отличается большею искусственностью—свойствомъ или элементомъ повѣсти. Мысли о значеніи небеснаго знаменія авторъ излагаетъ не отъ себя, а выражаетъ ихъ рѣчами самого Игоря. Судъ надъ Игоремъ, согрѣшившимъ передъ Богомъ и передъ христіанами, когда онъ вмѣстѣ съ Половцами взялъ на щитъ у Переяславля городъ Глѣбовъ, излагается въ формѣ покаянныхъ рѣчей самого же Игоря, принимающаго отъ Бога каю, по собственному его признанію, по дѣломъ. Самыя

намѣренія Кончака и Кзы, или Козы, авторъ выражаетъ въ разговорной формѣ. По живости и искусному веденію разсказа сказаніе свидѣтельствуетъ объ относительной высотѣ повѣствовательнаго творчества. Самая искусственность не заслоняетъ дѣйствительности, а только въ формѣ изобрѣтенныхъ авторомъ рѣчей развиваетъ смыслъ событія.

Сказаніе это несомнѣнно Кіевского происхожденія, какъ мы сказали выше. Оно и оканчивается словами о переѣздѣ Игоря въ Кіевъ, гдѣ рады были ему Святославъ и Рюрикъ свать его.

Источниками сказанія были разсказы одного изъ дружинниковъ Игоря, участника въ битвахъ и свидѣтеля бѣгства изъ плѣна.

Игорь опоэтизированъ какъ лицо, принявшее кару отъ руки Божіей за личныя свои преступленія. Покаяніе возвышаетъ его и онъ убѣгаетъ изъ плѣна промысломъ Божіемъ. Вообще этотъ плѣнъ и это удачное спасеніе изъ плѣна возбуждали высшій интересъ современниковъ.

Въ сказаніи преобладаетъ духъ дружинный надъ княжедворскимъ. Главной добродѣтелью Игоря выставлено его желаніе дѣлать участь съ дружиною. На сторонѣ дружины опытность и правда: не даромъ она видѣла не доброе въ помраченіи солнца. Тисяцкій и конюшій убѣждаютъ Игоря бѣжать, смиряя его новые гордые или смѣлые замыслы. — Сказаніе это написано года черезъ два-три послѣ событія. Полагаемъ это на томъ основаніи, что Кончакъ названъ сватомъ Игоря. А намъ извѣстно, что Владиміра Игоревича въ плѣну позднѣе того женили на Кончаковнѣ.

Сказаніе это схоже со Словомъ о Полку Игоревѣ только въ нѣкоторыхъ фактахъ, но во многомъ оно поясняетъ единственный

письменный памятникъ, изложенный языкомъ гусельныхъ, старыхъ словесъ.

Но вотъ отличія сказанія отъ „Слова“.

Сказаніе не дышетъ расположеніемъ къ Ольгову хороброму гнѣзду, хотя и повѣдаетъ безпристрастно о доблести Святославичей. Оно Кіевскаго происхожденія, тогда какъ „Слово“ создано въ средѣ Ольговичей.

Сказаніе отличается дружиннымъ духомъ, тогда какъ „Слово“ знаетъ однихъ князей. Въ „Словѣ“ не видно дружины. Думци Игоревы, его тысяцкой и пособникъ конюшій даже и не упомянуты. Не отгѣнено и отношеніе Игоря къ дружинѣ.

Въ сѣверныхъ мѣтописяхъ сохранилось другое сказаніе объ Игоревомъ походѣ. Но оно, и по краткости, и по литературнымъ достоинствамъ далеко ниже южнаго сказанія.

Общими мѣстами, безучастно говорится здѣсь о неудачѣ и Божьемъ наказаніи за грѣхи. Авторъ завѣдомо не любитъ Ольговичей, но къ Игорю, равнодушенъ. Въ сѣверномъ сказаніи Игорь не выступаетъ изъ ряда другихъ Ольговичей и съ ними вмѣстѣ онъ преступенъ только въ томъ, что былъ гордъ, отваженъ, задумалъ дѣло „выше своей мѣры“; передъ Богомъ же онъ является безцвѣтнымъ праведникомъ: ускочи Игорь князь у Половцевъ: не оставитъ бо Господь праведнаго въ руку грѣшничю“.

А между тѣмъ въ Кіевскомъ сказаніи Игорь очерченъ какъ любимецъ народа, дружины, князей юныхъ и старѣйшихъ. Храбрость его отгѣнена съ сочувствіемъ. Передъ Богомъ же онъ преступникъ и какъ преступникъ несетъ свою кару. Потомъ кается, и примиренный съ Богомъ, за молитвы христіанъ, спасается изъ плѣна.

Суздальское сказаніе глумится надъ неудавшимся замы-

словъ Ольговичей и не разъ приводитъ ихъ похвалбу: „Мы есмь ци не князи же? такы же собѣ хвалы добудемъ. Такая же похвальба и послѣ побѣды: „братья наши не смѣли гнаться за Половцами, а бились съ ними у себя. А мы въ земли ихъ есмь и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а нонѣ поидемъ на нихъ за Донъ и до конца избьемъ ихъ, оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ и лукуморя гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возьмемъ до конца свою славу и честь“ а не вѣдуще Божья строенія. Такъ укорялъ Суздалецъ Ольговичей.

Это мѣсто сказанія получило живое обращеніе въ мѣръ дружинниковъ, и его почти дословно находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ:

нѣ рекосте: мужаимся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.

Всего славнѣе въ походѣ на Половцевъ было дойти до моря. Лука-моря встрѣчается и въ прославленіи Свято-слава за побѣду надъ Кюбякомъ.

Въ Суздальскомъ сказаніи есть подробность похода, опущенная въ южпомъ сказаніи, но отразившаяся въ Словѣ о полку Игоревѣ. Во время сраженія, въ субботу, стрѣлки Половецкіе не подпускали Русскихъ къ водѣ; наши изнемогли бо ся бяху безводьемъ въ знои и въ тузѣ.

Эта подробность играла роль въ живыхъ разсказахъ о походѣ Игоревомъ, и, одна изъ немногихъ, она отчеканилась въ „Словѣ“, въ воззваніи Ярославны къ свѣтлому солнцу:

въ полѣ безводнѣ-маждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Когда на третій день Русскіе дошли до воды, то враги, притиснувъ ихъ къ водѣ, брали въ плѣнъ, били и топили.

Этимъ притисненіемъ Русскихъ къ водѣ сѣверное сказаніе поясняетъ неудачу битвы. Въ общихъ выраженіяхъ говорится о гибели князей и дружины, а за тѣмъ слѣдуетъ воздыханіе и плачь въ религиозномъ стилѣ съ текстомъ изъ книгъ пророческихъ.

Похвальбу побѣдителей Половцевъ (ихъ гордость велику, какъ сказано въ южномъ сказаніи) сѣверное сказаніе обрисовываетъ словами, сказанными ими Русскому проѣзжему гостю: „идите къ намъ за вашею братіею, а не то—мы пойдемъ къ вамъ за своею“. Узнавъ о Половецкой побѣдѣ и о намѣреніи враговъ идти на Русскую землю, Святославъ выступилъ противъ нихъ къ Каневу. Въ южномъ сказаніи Святославъ не доходитъ до Канева, а только до Триполья. Когда-же Половцы, по слухамъ, дошедшимъ до Святослава, бѣжали за Донъ, великій князь возвратился въ Кіевъ, а князья, ополчившіеся на Половцевъ, разошлись по домамъ. Сказаніе не знаетъ или не хочетъ знать о которѣ, происшедшей между Русскими князьями, не сомнѣвавшимися въ томъ, что Половцы уже воюютъ по Семи и Сулѣ. Половцы, по сказанію, провѣдавъ о томъ, что, князья разошлись по своимъ мѣстамъ, тайно погнали къ Переяславлю и взяли города по Сулѣ.—Въ Словѣ о Полю Игоревѣ объ этомъ: **Уже бо Сула не течетъ серебряными струями къ Переяславлю... У Переяславля бились весь день. Володиміръ Глѣбовичъ выѣхалъ изъ города „въ малѣ дружинѣ“ и враги бились съ нимъ крѣпко и обступили князя злѣ. Горожане, увидавъ своихъ, изнемогающихъ въ битвѣ, вырвались изъ города и бились съ врагами крѣпко и одва изотяша князя, боденого тремя копыи.. и вбѣгоша въ городъ и затворишася. Половцы**

же воротились въ свои вѣжи „со многимиъ полономъ“. Такихъ подробностей объ осадѣ Переяслава, объ участіи горожанъ въ битвѣ и о самой ранѣ Глѣбовича въ южномъ сказаніи нѣтъ. Сѣверное же ничего не говоритъ о дальнѣйшихъ событіяхъ войны и отъ осады Переяслава прямо переходитъ къ бѣгству Игоря изъ плѣна и упоминаетъ объ этомъ глухо, какъ мы это видѣли изъ приведеннаго нами выше заключительнаго мѣста сказанія.—Такииъ образомъ сѣверное сказаніе отличается отъ южнаго обычными свойствами Суздальскихъ словесныхъ произведеній: сухостью, краткостью и церковнымъ характеромъ. Въ немъ замѣтно недружелюбное чувство къ южнымъ князьямъ, предпринявшимъ походъ съ гордостью и самоувѣренностью. Независимость этого сказанія отъ южнаго видна еще и въ томъ, что въ послѣднее, не смотря на его обширность, не вошли нѣкоторыя подробности, какъ напримѣръ, мученіе каждою Русскаго войска и другія черты въ описаніи осады Переяслава Половцами. Южное сказаніе упоминаетъ о злополучной зачехкѣ въ полѣ и въ медленности движенія Русскихъ видитъ причину нашихъ неудачъ. Сѣверный же писатель, не входя въ подробности ратнаго движенія, рассказываетъ, что Русскіе потеряли время потому, что три дня, послѣ первой побѣды надъ Половцами, весслились, празднуя побѣду и строя блестящіе планы въ будущемъ, а не вѣдуще Божья стреленія.

Отъ Слова о Полку Игоревѣ сѣверное сказаніе отличается болѣе чѣмъ южное. Въ толпѣ Ольговичей пропадаетъ Игорь и только его удачное бѣгство изъ плѣна заставляеть автора упомянуть объ этомъ князѣ наставительно, какъ о праведникѣ, котораго Богъ не оставилъ въ руку грѣшничю.

Въ эпоху появленія Слова о Полку Игоревѣ лѣтописные

разказы уже утратили свой первоначальный простодупный характеръ. И если на сѣверѣ они окрашивались однообразнымъ колоритомъ предвзятой мысли и официальности, то и на югѣ сказанія стремятся стать на высоту повѣстей и по образцу этихъ послѣднихъ драматизируютъ событія, опускаая жизненныя подробности. На почвѣ лирическихъ обобщеній и устная поэзія могла наконецъ сблизиться съ литературной школой, развивавшей лирическое впечатлѣніе въ ущербъ эпической правдѣ. Духъ отваги въ борьбѣ съ невѣрными, подвиги князей, повторявшихъ доблести Мономаха, стремленіе къ единству Русскихъ силъ, негодованіе на усобицы и крамолы—вотъ что было общимъ мотивомъ какъ въ устной княжеской поэзіи высокаго пошиба, такъ и въ повѣстяхъ о борьбѣ съ невѣрными. И вотъ на этихъ то мотивахъ и создалось въ письменности цѣльное поэтическое произведеніе, гдѣ форма живой устной народной поэзіи побѣдила заимствованную, искусственно-поэтическую форму повѣсти.

Однако же не смотря на свою поэтическую форму Слово о Полку Игоревѣ не есть произведеніе народно-эпическое. Воспѣваемое современное событіе представляется тамъ въ исторической наготѣ, безъ всякой примѣси чудеснаго. Это не замышленіе и не вымыселъ и вмѣстѣ не цѣльная, возникшая въ духѣ пѣлаго цикла эпическихъ представленій, былина. Въ „Словѣ“ видна опытность челоуѣка испытующаго событія и стоящаго на высотѣ книжнаго образованія. Въ „Словѣ“ осязательна атмосфера княжескихъ преданій и памятей. Самый языкъ „Слова“ не чуждъ языку литературныхъ памятниковъ. Мы не разъ старались отмѣтить— правда изрѣдка проблескивающее—вліяніе устной самородной поэзіи на памятники повѣствовательной литературы. Другія же подобныя поэтическія выраженія лѣто-

писей были гораздо раньше насъ отмѣчены ¹³²⁾. Складъ дружинной поэзіи, прославлявшей князей, весьма вѣрно обозначенъ въ „Задонщинѣ“ выраженіемъ: „гусельныя словеса“ ¹³³⁾. У автора Слова о полку Игоревѣ это—старыя словеса: мы же поемъ и славимъ князей по своему, по старому, не по книжному.

Обработка гусельныхъ словесъ, при образованности пѣвцевъ, стала письменною; явились люди, передавшіе перомъ складки и погудки гусельной поэзіи. Но они вносили новый элементъ въ литературу, доселѣ далекую отъ живой, устной поэзіи и потому-то и авторъ Слова о полку Игоревѣ оговаривается по поводу своихъ „старыхъ словесъ“, своихъ не литературныхъ, не книжныхъ приемовъ.

Названіе „Слова“ ближе подходитъ къ поэтическому произведенію о полку Игоревѣ, чѣмъ названіе Повѣсти. Слово въ народной рѣчи означаетъ дѣлое законченное выраженіе мысли:

То же бы ты слово, да не такъ бы молвилъ;
Ты бы молвилъ: дай вамъ Боже по сту на день,
По тысячѣ на педѣлю (Кирш. Данил.).

Неимѣя въ виду въ нашемъ трудѣ „о повѣстяхъ и сказаніяхъ“ разбирать Слово о полку Игоревѣ, мы однакоже считаемъ необходимымъ остановиться на повѣствовательной сторонѣ этого памятника, прославившаго событіе, изображенное въ двухъ сказаніяхъ.

¹³²⁾ См. Задонщина—чтеніе И. И. Срезневскаго 5 вып. VI т. Изв. Втор. Отд. Академіи, первое примѣчаніе.

¹³³⁾ „Азь-же восхваляю пѣснями и гусленными словесы господина Русскаго, господина князя Дмитрія Ивановича (по списку Ундольскаго).“

Первое существенное отличіе „Слова“ отъ „Сказаній“ заключается въ томъ, что авторъ его не ставитъ себя судьей Игоря и не ищетъ въ христіанскихъ понятіяхъ объясненія какъ бѣдъ, такъ равно и счастливыхъ обстоятельствъ. Игорь у него не несетъ кары за свою прежнюю вину передъ Богомъ и не покаянная молитва способствуетъ его бѣгству изъ плѣна. Первая побѣда Игоря надъ Половцами, его пораженіе, плѣнъ, и наконецъ бѣгство изъ плѣна, все это передается непосредственно, безъ предразсужденій и ставится въ связь только съ таинственными силами природы.

Свободный отъ авторитетныхъ поясненій книжниковъ авторъ Слова ищетъ подтвержденіе своимъ мыслямъ объ усобицахъ не въ текстахъ св. писанія, а въ прежде бывшихъ событіяхъ Русской жизни. Онъ не только знаетъ исторію княжескихъ отношеній старыхъ годовъ, но и въ читателѣ предполагаетъ тоже знаніе. Отъ того-то онъ и говоритъ намеками, вспоминая различныя событія, какъ напримѣръ, битву на Нѣжатиной нивѣ, или смерть потонушаго въ водахъ Стугны брата Мономахова, Ростислава, или черты изъ жизни Всеслава Полоцкаго и его отношенія къ Кіеву и Мономаху.

Событіе, составляющее предметъ „Слова“, воспроизведено въ немъ то же довольно бѣгло, размахисто, а не эпически образно. Воспроизведеніе это скорѣе можно назвать лирическимъ, чѣмъ эпическимъ.

Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ „Словѣ“, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками. Даже такое обстоятельство какъ подвигъ Игоря, когда онъ, уже раненый, снявъ шлемъ, возвращалъ Ковуевъ на поле

битвы, вспоминают однимъ намекомъ: Игорь плъми заворочаетъ. И тутъ видно, что авторъ знаетъ объ этомъ обстоятельстве по слуху и по собственной догадкѣ говорить, что Игорь заворочаетъ полки потому, что ему жаль мила брата Всеволода. Неправдоподобностью отличается и распря Кзы и Кончака. Мы знаемъ, что разногласіе этихъ двухъ хановъ имѣло своимъ слѣдствіемъ два различныхъ направленія, по которымъ Половецкія полчища отправились на разореніе Русской земли. Въ „Словѣ“ же Кза споритъ съ Кончакомъ о судьбѣ Володимира Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володимеръ Игоревичъ съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею ¹³⁴⁾. Слава, пропѣта Володиміру Игоревичу въ концѣ „Слова“, подтверждаетъ то, что похвальное произведение въ честь Игоря составилось по возвращеніи изъ плѣна и сына его.

Мы уже замѣтили, что „Слово“ не упоминаетъ о находившейся съ Игоремъ въ плѣну дружинѣ его, его конюшемъ, тысяцкомъ и духовникѣ.

„Слово“ не знаетъ и не донскивается причины неудачи въ медленности ратнаго движенія, или въ неудобствѣ мѣстности. Оно укоряетъ Игоря слегка за самонадѣянность и укоръ этотъ переноситъ съ него на другихъ князей, которые не вступились „за раны Игоря, буге Святъславича“.

Такимъ образомъ ясно, что прѣснопѣвецъ Игоря не принималъ участія въ самомъ походѣ и не находился съ Игоремъ

---

¹³⁴⁾ Подъ 6696 (1187) г. приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною и створи Игорь свадьбу сынови своему, и вѣнча его и съ дѣтатемъ. (И. С. Р. Л. т. II, стр. 136).

въ плѣну, ибо въ „Словѣ“ нѣтъ чертъ, переданныхъ очевидцемъ. „Слово“ не дополняетъ сказаній живыми подробностями. Заклинанія Ярославны даютъ только общія черты событія и сама княгиня эта не введена въ дѣйствіе. Она плачетъ не то на Дунаѣ, гдѣ она могла быть у отца своего Галицкаго Ярослава, не то въ Путивлѣ, гдѣ она провожала мужа. Впрочемъ имена Ярославны и Глѣбовны, жены Всеволода, вотъ все, что добавлено „Словомъ“ къ сказаніямъ, если считать за общее поэтическое мѣсто упоминаніе добычи (чрълень стягъ бѣла хорюговъ, чрълена челна, сребренное струиѣ храброму Святъславичю) доставшейся Игорю послѣ первой его битвы съ Половцами.

Основная мысль автора—прославить походъ на невѣрныхъ и изречь строгій судъ усобицѣ. Эта мысль отвѣчаетъ мысли повѣстей, прославлявшихъ преимущественно походы на невѣрныхъ и выражаетъ то же негодованіе на усобицы, которое лежало въ основѣ нравственныхъ приговоровъ и сужденій о князьяхъ у всѣхъ древнихъ писателей нашихъ, начиная съ авторовъ повѣстей объ убіеніи Бориса и Глѣба.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ, какъ произведеніи княжескомъ, хвалебномъ, участь князя занимаютъ автора болѣе чѣмъ самое событіе. Въ XIII столѣтіи и повѣсти получаютъ такой же хвалебный характеръ, и личности князей поглощаютъ въ нихъ интересъ къ землѣ, городу, событію, имѣющему народное значеніе. Это конечно отразилось и въ лѣтописяхъ, гдѣ всѣ интересы наконецъ сосредоточились по описаніи дѣятельности одного какаго либо князя. Личность подчинила себѣ событія и интересы повѣствователя слились съ жизнью и интересами одного лица. Таковы и повѣствованія т. н. Волинско-Галицкой лѣтописи, послѣднія произведенія до-Татарской эпохи.

80 m.

454 9
—
4

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

3011278
CANCELLED
70 H

